

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

41 2019
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 41 (279) / 2019

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кожурбаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Петр Иванович (Петерис Янович) Стучка* (1865–1932), писатель, юрист, политический деятель Латвии и Советского Союза.

Родился Петр Стучка в Кокнесской волости Рижского уезда Лифляндской губернии в семье зажиточных крестьян. Начав учебу, Стучка также дополнительно занимался иностранными языками, в первую очередь немецким, что позволило ему поступить в рижскую немецкую гимназию, где он познакомился с Яном Плиекшансом (Райнисом), который стал его ближайшим другом. Окончив гимназию, оба товарища решили поступить на юридический факультет Петербургского университета, где познакомились с прогрессивными и популярными на тот момент философскими идеями Канта и Спинозы, с теорией Дарвина о происхождения видов, с марксизмом... В это же время оба попали в поле зрения царской охранки. После университета Стучка работал редактором одного из латышских печатных изданий, а затем перешел в адвокатуру. Одновременно стал участвовать в революционном движении, за что был арестован и сослан на пять лет в Вятскую губернию, где ему разрешили продолжать адвокатскую практику. Воспользовавшись этим, Стучка стал «революционным адвокатом»: выступал в качестве защитника на многих судебных процессах 1905–1907 годов. До 1917 года он входил в латышскую группу РСДРП, подрабатывал литературным трудом в газете «Правда».

После февраля 1917 года Стучка ревностно пропагандировал «Апрельские тезисы» Ленина: выступал на предприятиях Петрограда, в казармах, «боролся за революционизирование латышских стрелков». Латышские стрелки откликнулись и впоследствии выделялись в Красной армии своей особой верностью партии, им чаще всего поручались карательные операции. Стучка с гордостью именовал их «гарибальдийцами русской революции, патриотами советской державы».

24 мая 1917 года Стучка опубликовал в «Правде» статью «На почве закона или на почве революции». Противопоставляя закон и революцию как несовместимые понятия, он выступил против Временного правительства, которое требовало в революционную эпоху соблюдения законности. Стучка напомнил, что «суть революции заключается именно в захватном праве». После октябрьского переворота, когда это «захватное право» осуществилось, он занял в первом советском правительстве пост наркома юстиции. Таким образом, именно он нес ответственность за беспрецедентное в мировой истории событие: 22 ноября 1917 года в одночасье были отменены все существовавшие

в стране законы. Проявив беспримерный правовой нигилизм, возглавляемый Стучкой наркомат упразднил суды, институт судебных следователей, прокуратуру, присяжную и частную адвокатуру — словом, все компоненты цивилизованной судебной системы. Принятый «Декрет о суде» вводил вместо них «народные суды» и революционные трибуналы; к этому времени Стучка уже не занимал пост наркома, но в основе Декрета лежали именно его идеи.

Стучку можно считать основоположником «советского права», которое по сути являлось профанацией права в общепринятом значении этого слова. При его непосредственном участии в 1918 году появились «Декрет об отмене права наследования», «Декрет о ревтрибуналах» и другие акты, отменяющие традиционные права и свободы граждан. Установленный с помощью Стучки «новый правопорядок» объявил руководящим для новых судов началом не закон, а «революционное правосознание» народных судей (избиравшихся порой из людей абсолютно неграмотных).

Еще раз ненадолго заняв пост наркома, Стучка был направлен партией в Латвию. Он организовал там большевистский переворот и возглавил советское правительство Латвии. Манифест этого правительства гласил: «Мы отменяем все законы, распоряжения и учреждения... все эти органы старой власти заменяет диктатура пролетариата — Советская власть вооруженных рабочих!» Однако в Латвии, в отличие от России, этот эксперимент длился недолго: в августе 1919 года созданное Стучкой красное правительство пало, а сам он вернулся в Москву.

Здесь Стучка стал профессором кафедры советского права Московского университета, руководил изданием «Энциклопедии государства и права», продолжал разрабатывать новое законодательство. Он был первым председателем Верховного Суда и возглавлял этот высший орган судебной власти в течение десяти лет. Также Стучка был назначен директором только что созданного Института советского права. Он неоднократно избирался членом ВЦИК, работал в заграничном бюро ЦК КПЛ и Коминтерне.

Латвия давно изгладила из топонимики имя своего одного соплеменника. Городу Стучка возвращено имя Айзкраукле. В России же имя Стучки встречается в некоторых названиях и по сей день.

Петр Иванович Стучка умер в Москве. Был кремирован, а прах помещен в Кремлевскую стену на Красной площади в Москве.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Карасев С. С.**
Проблемы дифференциации досудебного уголовного судопроизводства.....73
- Карпов А. А.**
Характеристика договора складского хранения75
- Кириянов А. В.**
Генезис развития нормотворчества в уголовном процессе России (от древности до средневековья)78
- Ковалева В. М.**
К вопросу о конституционно-правовом статусе прокуратуры Российской Федерации80
- Коняева Е. Н.**
Проблемы квалификации получения взятки81
- Копытова Н. И.**
Конституционно-правовые основы защиты прав педагогических работников в Российской Федерации85
- Куликова А. В.**
Проблемы реализации права на дошкольное образование среди отдельных категорий лиц ...87
- Лучинин Н. П.**
Юридические проблемы лиц без определенного места жительства и пути их преодоления90
- Максимова Е. В.**
Полномочия прокурора по предупреждению нарушений миграционного законодательства...93
- Миренкова Е. П., Кременов И. Н.**
Проблемы реализации социальной защиты сотрудников органов внутренних дел на современном этапе развития Российской Федерации95
- Моравский Д. А.**
К вопросу о социально-юридической обоснованности выделения специальных составов мошенничества, связанных с использованием информационных технологий 98
- Мурадова Д. О.**
Международно-правовая защита прав мигрантов99
- Павлюченков А. А., Наумова Е. А.**
Реестр требований кредиторов 102
- Пронина Е. А.**
Проблемы, возникающие при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве на досудебных стадиях уголовного судопроизводства 103
- Пронина Е. А.**
Уголовно-процессуальные основания и порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве 105
- Ракита О. И.**
Генезис процессуальной защиты и представительства в органах административной юстиции на белорусских землях в достатутный период 107
- Ряполова А. И.**
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью 109
- Савиных М. А.**
Законодательная власть с точки зрения теории разделения властей..... 111
- Сенькина А. А.**
Возвращение уголовного дела прокурору по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ 113
- Слэзкина Л. Ю.**
Основания ответственности фактически контролирующей корпорацию лиц..... 115
- Филимонова О. Г.**
Практика расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатацией транспортного средства, повлекших по неосторожности смерть человека..... 117

Цыганова А. Ф. Правовое регулирование проведения лотерей в постсоветской России 118
Шошина О. В. Особенности приобретения недвижимым имуществом статуса памятника архитектуры ... 120
Шошина О. В. Принцип единства правовой судьбы земельного участка и здания (сооружения)..... 124
Шульга Н. Е. Законотворчество и проблемы его совершенствования в Российской Федерации 128
Шульга Н. Е. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации 131

ИСТОРИЯ

Грибуцкая О. В. Внутренние факторы кризиса Речи Посполитой 134

ПОЛИТОЛОГИЯ

Грибуцкая О. В. Россия и Китай: стратегическое партнёрство в условиях постбиполярного мира..... 137
Симонова Е. Н., Москалева О. В., Елисеева Л. В., Березкина Н. Н. О системе экологического воспитания дошкольников (из опыта работы)..... 139

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы дифференциации досудебного уголовного судопроизводства

Карасев Сергей Сергеевич, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

Ключевые слова: предварительное следствие, общий порядок, уголовно-процессуальная форма, уголовный процесс, производство дознания, уголовное дело, сокращенная форма, упрощенное производство, дифференциация, производство.

Проблема дифференциации форм предварительного расследования всегда вызывала интерес.

Под дифференциацией уголовно-процессуальной формы ученые понимают способ построения уголовного процесса [16, с. 68], свойство процессуальной формы [9, с. 85], тенденцию ее развития [10, с. 285], направление развития уголовно-процессуального права [13, с. 57], постадийное упрощение уголовного процесса для сокращения «лишних процессуальных формальностей» [8, с. 50]. Также в уголовно-процессуальной науке высказана идея и о том, что дифференциация уголовно-процессуальной формы — это приспособление, адаптация процессуального порядка производства по уголовному делу к реальным условиям, в которых осуществляется досудебное производство и судебное рассмотрение уголовных дел [4, с. 18].

Анализ позиций о сущности дифференциации уголовно-процессуальной формы позволяет сделать вывод об отсутствии по этому вопросу единого взгляда.

Проблема дифференциации уголовно-процессуальных форм, имеет сторонников и противников. Доля теоретиков, указывает на единство процессуальной формы для всех уголовных дел, исключая возможность дифференциации и упрощения процедуры [3, с. 12]. Другая группа, рассматривает вопрос дифференциации досудебных производств как, необходимую [15, с. 63].

Теория дифференциации досудебного уголовного судопроизводства получила свое развитие в конце 20 столетия [11, с. 62; 7, с. 60; 14, с. 4; 16, с. 68] и до сегодняшнего дня остается актуальной [15, с. 63; 3, с. 12; 5, с. 18; 12, с. 89].

Способы определений дифференциации процессуальных форм отличаются разнообразием. Так, М. Л. Якуб

в своей работе, посвященной процессуальной форме, определяет дифференциацию (процессуальных форм) как различия в построении процесса в связи с особенностями различных категорий дел [16, с. 18]. Прочие, под дифференциацией уголовно-процессуальной формы указывают на наличие независимых производств, объективно отличных в законодательном регулировании от обычного порядка производства и приводящих в конечном итоге к изменению форм деятельности по этим делам.

На наш взгляд, все эти суждения близки по смыслу и отражают сущность дифференциации форм уголовного процесса. Однако вопрос «обычного порядка производства» для досудебных уголовно-процессуальных форм является спорным в том смысле, какой порядок производства следует считать обычным, чтобы, отталкиваясь от него, дифференцировать другие формы производства, обычным порядком для системы нашего досудебного производства является предварительное следствие [6, с. 18].

С. Л. Масленковым, представлен обширный перечень оснований, обуславливающих дифференциацию уголовно-процессуальных форм:

1. Материально-правовые основания с различными вариантами названий (уголовно-правовой характер деяний; характер общественной опасности деяния; степень общественной опасности преступления и тяжесть меры наказаний, предусмотренное за него законом) безусловно, выделяются всеми сторонниками дифференциации.

2. Для дифференциации предварительного следствия и дознания имеет определяющее значение уголовно-правовое основание. Дознание создано непосредственно для расследования преступлений небольшой и средней тяжести и никаких других, исключений по данному основанию в законе не существует.

3. Информационно-правовые обстоятельства (уровень сложности установления обстоятельств дела).

4. Криминалистические основания связаны с познавательным моментом расследования по уголовному делу и свойством криминалистически важной информации со временем утрачиваться.

Создание упрощенных форм производств должно достигать определенные цели, такие как: а) собственно упрощение производства; б) удешевление производства; в) ускорение производства; г) рационализация (рациональность) производства или экономичность, процессуальная экономия.

Изначальную правовую конструкцию дознания УПК РФ 2001 года [1] можно было считать упрощенным производством, однако ее явным изъяном было условие, при котором производство в данной форме осуществлялось только в случае если лицо, совершившее преступление, было известно на момент возбуждения уголовного дела. Также практика показала, что срок 15 суток не всегда оказывался достаточным для окончания расследования. Оба эти обстоятельства привели к массовой передаче уголовных дел, подследственных дознавателям, в следственные подразделения. Данную ситуацию нельзя было оставлять без разрешения, и законодатель неоднократно корректировал процессуальную форму дознания, что в конечном счете практически превратило его во второе предварительное следствие.

Появившееся в уголовно-процессуальном законе в марте 2013 г. сокращенное дознание, по задумке законодателя, должно было играть роль истинно упрощенного производства [2]. Однако явная недостаточная теоретическая проработанность соответствующих нормативных положений не позволили ему стать таковым.

По данным статистики и фактической информации Управления дознания МВД России за 2018 год, подразделениями дознания полиции в сокращенной форме дознания окончено 92,6 тыс. уголовных дел, из которых 91 тыс. направлена прокурором в суд. Доля ускоренных производств от общего числа уголовных дел, направленных дознавателями полиции в суд достигла 28% и только за последний год выросла на 2%. При этом качество дознания в сокращенной форме имеет достаточно высокие показатели: доля постановлений о производстве дознания в общем порядке от числа начатых по ускоренной форме составила 1,3; доля уголовных дел, возвращенных прокурором для пересоставления обвинительного акта, составила 0,7.

Конечно, в работе по производству дознания в сокращенной форме существуют и нерешенные проблемы: возросло на 9,7% число дел, направленных для производства

дознания в общем порядке, а число дел, направленных для производства дознания в общем порядке по ходатайству участников процесса, только за год возросло с 611 до 643.

По результатам проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Дифференциация форм досудебных производств в направлении их упрощения на современном этапе не достигла значительных успехов. Более того, можно констатировать, что упрощенные формы расследования — дознание и сокращенное дознание — в современной их конструкции вступают в противоречие с целями дифференциации (упрощения) и с требованиями, которые предъявляются к подобным процессуальным формам. Обычное дознание уже нельзя считать упрощенной формой, так как законодательная модернизация практически превратила его во второе предварительное следствие. Сокращенное же дознание за счет нормативных изъянов не способно ни удешевить, ни значительно ускорить производство по уголовному делу, вследствие чего достаточно редко применяется на практике.

Исходя из сказанного, следует, что ситуация требует разрешения посредством создания упрощенной формы, принципиально отличной от существующих. Предлагаемые современными учеными варианты протокольной формы, суммарного производства представляют интерес, но не являются бесспорными. Законодателю необходимо с учетом всех ранее допущенных ошибок чрезвычайно ответственно подойти к конструированию нового упрощенного производства. Для этого следует, помимо всего прочего, учесть опыт предыдущего уголовно-процессуального законодательства, а также спрогнозировать возможные результаты правоприменения.

Для реально дифференцированного досудебного производства в направлении эффективности и скорости достижения целей уголовного процесса, в свою очередь, полагаем, необходимым принятие следующих мер законодательного характера:

Во-первых, срок дознания в общем порядке ограничить 3 месяцами, в течение которых реально расследовать и принять решения по подавляющему большинству уголовных дел о преступлениях, отнесенных к подследственности органов дознания. В случае наличия обстоятельств, препятствующих окончанию дознания в указанный срок, уголовные дела передавать для производства предварительного следствия;

Во-вторых, параллельно с внесением соответствующих изменений в Уголовный кодекс РФ (понятие уголовного проступка) ввести в УПК РФ новую сокращенную форму, взяв за образец протокольную форму досудебной подготовки материалов УПК РСФСР 1960 г. (глава 34), доказавшую свою жизнеспособность.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 13.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — N52 (ч. I). — Ст. 4921

2. Федеральный закон от 04.03.2013 N23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.03.2013, N9, ст. 875
3. Гаврилов Б. Я. Протокольная форма досудебного производства — генезис, современное состояние, перспективы развития // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 6. — С. 12–18.
4. Дикарев И. С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Российская юстиция. 2013. № 12.
5. Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2016. — 88 с.
6. Масленков С. Л. Дознание в современном уголовном процессе России: проблемы совершенствования: дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 198 с.
7. Петрухин И. Л. Об упрощенной (протокольной) форме расследования преступлений // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. — С. 60–61
8. Пашкевич П. Ф. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Социалистическая законность. 1974. № 9.
9. Рахунов Р. Д. Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. 1978. Вып. 29.
10. Рустамов Х. У. Уголовный процесс. Формы: учебное пособие для вузов. М., 1998.
11. Строгович М. с. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. — 1974. — № 9. — С. 62–66
12. Скобкарёва Е. А. Упрощенная форма досудебного производства по уголовному делу: вопросы теории, законодательства и практики: дис... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2018. — 280 с.
13. Цыганенко С. С. Общий и дифференцированные порядки уголовного судопроизводства: дис... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.
14. Шадрин В. С. Сущность досудебного производства и дальнейшее развитие его форм в советском уголовном процессе // Формы досудебного производства и их совершенствование. Волгоград, 1989. — С. 4–16
15. Якимович Ю. К. Проблемы и перспективы дифференциации уголовного судопроизводства // Уголовная юстиция. — 2018. — № 2. — С. 63–66.
16. Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. 144 с.

Характеристика договора складского хранения

Карпов Алексей Андреевич, студент

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье анализируются договор складского хранения как разновидность договора хранения в области гражданского законодательства. Рассмотрены понятие и основные положения договора складского хранения. Выявлены отдельные риски при заключении договора складского хранения.

Ключевые слова: право, договор хранения, договора складского хранения, поклажедатель, риски, залог.

В настоящее время одним из наиболее часто встречающихся видов предпринимательской деятельности является складирование товара. Товаропроизводители не всегда могут обеспечивать сохранность своей продукции, в результате чего они прибегают к услугам профессиональных хранителей. Товарные склады, выступая в качестве профессионального хранителя, обладают возможностью хранить вещь по всем технологическим правилам, они обладают специально оборудованными помещениями и необходимым техническим оснащением.

Гражданский кодекс Российской Федерации отдельно выделяет хранение на товарном складе во втором параграфе главы 47 ГК РФ. Под договором складского хра-

нения понимается хранение за вознаграждение товарным складом (хранителем) товаров, переданных ему товаро-ладельцем (поклажедателем), которые хранитель обязан возвратить в сохранности [1]. Договор складского хранения будет считаться заключённым при соблюдении письменной формы. Выдача складских документов является подтверждением заключения договора и передачи товара на хранение. Складские документы бывают в виде двойного складского свидетельства, простого складского свидетельства и складской квитанции.

Товарный склад является одним из ключевых участников договора складского хранения. Товарный склад выступает в качестве организации, которая осуществляет предприни-

мательскую деятельность в виде хранения и оказывает услуги, связанные с хранением. Различают несколько видов товарных складов. Они делятся на ведомственные склады и склады общего пользования. Ведомственные склады принимают товары на хранение от определённых лиц и от сторонних организаций, но только при условии наличия свободных мест [2]. Товарный склад будет являться складом общего пользования, если из закона или других нормативно-правовых актов вытекает, что он должен принимать товары на хранение от любого поклажедателя.

Заключая договор складского хранения, стороны наделяются помимо основных прав и обязанностей специальными правами и обязанностями, которые характерны для хранения на товарном складе. Принимая товар на хранение, товарный склад обязан провести за свой счёт осмотр имущества и определить его количество, а также внешнее состояние, если иное не предусмотрено самим договором складского хранения. В процессе хранения товарный склад обязан предоставлять товаровладельцу (поклажедателю) возможность осматривать товары или их образцы. Хранение на товарном складе может осуществляться с обезличением, тогда хранитель обязан предоставлять товаровладельцу возможность брать пробы товара, а также принимать меры, которые необходимы для сохранности вещи.

При окончании хранения и возврате имущества хранитель и поклажедатель имеют право потребовать осмотр товара и проверки его количества. Расходы, связанные с этими действиями, будет нести сторона, которая является инициатором осмотра или проверки количества товара. Если совместный осмотр и проверка количества товара не были осуществлены сторонами, то заявление о недостатке или повреждении имущества при ненадлежащем хранении должно быть письменно оформлено и направлено складу, а если повреждение или недостача были выявлены после выдачи товара и не могли быть выявлены при обычном способе принятия вещи, то письменное заявление предоставляется складу в течение трёх дней по получению товара. Отсутствие письменного заявления будет трактоваться как надлежащее исполнение договора складского хранения.

Товарный склад, принимая на хранение товар, выдаёт складские документы. К ним относятся двойное складское свидетельство, простое складское свидетельство и складская квитанция. Стоит отметить, что в качестве предмета договора складского хранения выступает товар. Термин «товар» чаще всего встречается в предпринимательских отношениях и определяет вещь, тем или иным образом предназначенную для оборота или потребления [3]. Товар, выступая в качестве предмета договора складского хранения, подчёркивает предпринимательский характер договора. Можно сделать вывод, что товар является предметом договора складского хранения, а складское свидетельство может быть выдано именно на предметы, которые представляют собой объекты материального хозяйственного оборота.

Итак, договор складского хранения будет считаться заключённым после выдачи складских документов. Складское свидетельство, являясь распорядительной ценной бумагой, выступает в качестве обязательно-правового документа и подтверждает заключение договора, а также является способом его оформления. Двойное складское свидетельство содержит в себе складское свидетельство и залоговое свидетельство (варранта), которые могут быть отделены друг от друга. Каждая часть двойного складского свидетельства является ценной бумагой. Законодательством предусматривается, что товар, находясь на хранении по двойному или простому свидетельству, может быть предметом залога путём залога соответствующего свидетельства. Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает ряд требований к двойному складскому свидетельству. В обеих частях свидетельства должны быть указаны сведения о наименовании и месте нахождения хранителя (товарного склада), который принял имущество на хранение, о юридическом лице или гражданине, которые передали товар на хранение, о товаре, включая его количество, срок хранения, размер вознаграждения за предоставленные услуги по хранению, а также текущий номер складского свидетельства в соответствии с реестром склада и дата его выдачи. Складское и залоговое свидетельства должны иметь одинаковые подписи уполномоченного лица, а также печати товарного склада, если такие имеются. Стоит отметить, что договор складского хранения является возмездным и если товарный склад заключил такой договор на безвозмездной основе, то нормы, действующие в отношении хранения на товарном складе, применяться не будут [5].

Сторона, обладающая складским и залоговым свидетельствами, имеет право распоряжаться товаром, находящемся на хранении, в полном объёме. Сторона, обладающая складским свидетельством, отделённым от залогового свидетельства, может распоряжаться вещью, однако не вправе забрать со склада товар до погашения кредита, выданного по залоговому свидетельству. Если товар находится в залоге, то об этом делается отметка в складском свидетельстве. Держатель залогового свидетельства обладает правом залога на товар и на сумму кредита, выданного по этому свидетельству, а также процентов по нему. Складское и залоговое свидетельства могут передаваться вместе или по одному на основании передаточных надписей.

При окончании хранения товарный склад обязан возратить товар товаровладельцу, который является держателем складского и залогового свидетельства. Товар выдаётся в обмен на оба свидетельства. Держатель, который обладает только складским свидетельством и внёсший сумму долга по залоговому свидетельству, имеет право забрать товар в обмен на складское свидетельство и на квитанцию об уплате всей суммы долга по залогу. Товарный склад, выдавший товар только по складскому свидетельству без квитанции об оплате долга, несёт ответствен-

ность перед держателем залогового свидетельства в размере всей суммы долга по залого.

Простое складское свидетельство выдаётся на предъявителя. Оно должно содержать в себе все сведения, которые предусматриваются для двойного складского свидетельства, а также указание на то, что простое складское свидетельство выдано на предъявителя. Одной из положительных сторон простого складского свидетельства является то, что оно обладает высокой обороноспособностью. Передача простого складского свидетельства происходит путём вручения его другому лицу, а товар, который находится на хранении, передаётся посредством передачи свидетельства иному лицу [6]. Товар, который находится на хранении на складе, может стать предметом залога. Это можно сделать путём залога простого складского свидетельства. Для передачи товара под залог на простом складском свидетельстве ставится отметка о залоге, и оно передаётся залогодержателю. При этом товаровладельцу передается товарным складом копия простого складского свидетельства с отметкой о залоге. Складская квитанция, как и двойное складское и простое складское свидетельства, является документом, подтверждающим принятие товара товарным складом. Складская квитанция говорит о том, что товаровладелец не намерен распоряжаться вещью во время хранения, а после окончания срока хранения собирается сам забрать товар. Стоит отметить, что складская квитанция не является ценной бумагой или товарораспорядительным документом и, соответственно, не может закладываться и передаваться третьим лицам.

Законодательством предусматривается изменение условий хранения и состояния товаров в договоре складского хранения. Если возникает ситуация, при которой требуется изменить условия хранения товара для обеспечения его сохранности, товарный склад может принять все необходимые меры самостоятельно, однако он обязан уведомить товаровладельца обо всех изменениях. Товарный склад при обнаружении повреждений товара, выходящих за пределы оговоренных в договоре или обычных норм естественной порчи, обязан составить акт и в тот же день известить товаровладельца об этом. Если товарный склад на основании закона, нормативно-правового акта, а также самого договора, вправе распоряжаться вещью, то к отношениям между складом и товаровладельцем применяются нормы, регулирующие

отношения по займу и кредиту, но место и время выдачи товара определяется нормами главы 47 ГК РФ.

На практике встречается ряд проблем, связанных с реализацией двойных складских свидетельств. Двойное складское свидетельство является товарораспорядительной и ценной бумагой, которая выдаётся товарным складом товаровладельцу и подтверждает факт соблюдения простой письменной формы и факт передачи вещи на хранение, а также право получить вещь и право держателя распоряжаться товаром путём передачи двойного складского свидетельства. Обращение двойных складских свидетельств и их частей затрудняется вследствие отсутствия положений определяющих, к какому виду ценных бумаг оно относится. Передача прав по именным и ордерам ценным бумагам имеет совершенно разный механизм осуществления и соответственно различные последствия передачи. Логичным видится закрепления законодательно, к какому виду ценных бумаг относится двойное складское свидетельство. У данного вида складского документа, по всем объективным оценкам, большое будущее и проработанность данного вопроса в законодательном плане позволит ему составить конкуренцию другим ценным бумагам.

Договор складского хранения обладает рядом особенностей. Грамотное составление данного договора позволит в будущем избежать множества проблемных ситуаций. При описании товара в договоре складского документа целесообразнее указывать только общее наименование или товарную группу, передаваемого на хранение товара. Это позволит не перегружать договор лишней информацией. Сведения об ассортименте, количестве, упаковке и общих требований к хранению описываются в документах, которые товаровладелец прилагает к договору, следовательно, прописывать их в договоре не нужно. Также ряд других особенностей товара отражается в складских документах.

В договор складского хранения следует включать положения, которые будут осуществлять регулирование отношений сторон по вопросам расчётов по хранению. В каждом конкретном случае порядок и осуществление расчётов будет разным, так как это зависит от множества факторов. К таким факторам могут относиться вид товара, срок хранения, финансовые возможности товарного склада и товаровладельца и другие.

Литература:

1. ГК РФ от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Анисимов А.П. Гражданское право России. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата. — М.: Издательство Юрайт, 2015. — С. 218
3. Ручкина Г.Ф. Предпринимательское право. Правовое регулирование отдельных видов предпринимательской деятельности: учебник для бакалавриата и магистратуры — М.: Издательство Юрайт, 2016 — С. 80.
4. Белов В.А. Гражданское право. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата — М.: Издательство Юрайт, 2017. — С. 340
5. Терехова Л.Н. Все о договоре хранения. — М.: Альфа-Пресс, 2014. — С. 110

Генезис развития нормотворчества в уголовном процессе России (от древности до средневековья)

Кирьянов Алексей Валерьевич, студент магистратуры
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Ключевые слова: история развития, нормы, правотворчество, нормотворчество, уголовный процесс.

В глобальном смысле право, его зарождение и развитие, есть продукт истории. Именно через генезис мы не столько узнаем прошлое, приобретаем опыт, сколько оцениваем будущее, стремясь не повторить ошибок пройденного.

В рамках данной статьи мы попытаемся изучить исторический аспект становления и развития норм отечественного судопроизводства. Это представит возможность определить истоки того либо иного способа закрепления в УПК РФ нормативных положений, а также разработать предложения по совершенствованию нормотворчества современного уголовно-процессуального законодательства.

Одним из древнейших памятников отечественного права является Русская правда [1]. Данный акт является документом, который действовал на этапе существования Древней Руси. Важно отметить, что историки не указывают абсолютно точную дату её принятия, и в настоящем моменте, это также вряд ли возможно. Известно одно, что данный документ действовал на территории всего Русского государства на протяжении нескольких столетий и изменения в нем были связаны с развитием Руси и деятельностью правителей. Это были как высшие чины государства (Ярослав Владимирович, Владимир Мономах и др.), так и писцы, которые делали попытки систематизации правовых предписаний [2]. Общеизвестно, что Русская правда имела две редакции (краткая и пространственная) и представляла собой светский судебник, который регулировал общественные отношения в Киевской Руси и в Новгороде, но не вторгался в церковную юрисдикцию [3].

С позиции нормотворчества и юридической техники Русская правда была очень слабо структурирована. В этой связи наибольший исследовательский интерес представляет Пространная редакция, положения которой касаются уголовного судопроизводства. В ней процессуальные нормы настолько тесно связаны с определением преступлений, что в ряде случаев разделить эти нормы путем их толкования не представляется возможным. Например, ст. с 1 по 5 указывают на ответственность за совершение убийства и в тоже время определяют порядок взыскания денежных средств, как средства наказания за совершенное деяние. Ряд норм прямо указывают на процедурный порядок доказывания. Так, на основании ст. 18 для опровержения ложного обвинения в убийстве человека необходимо было представить не менее 7 свидетелей, что соответствует современному пониманию достаточности доказательств. Многие ученые утверждают, что данная норма есть своеобразное правило, указывающее

на отсутствие ответственности в связи с давностью совершения преступления. Нам же думается, что основным моментом является невозможность установления личности погибшего лица, а не период давности.

Важно отметить, что совместно с современными способами доказывания (такими как показания свидетелей, представление предметов в качестве доказательств и т.д.) применялись и «не цивилизованные», т.е. древние способы такие как испытание железом, судебный поединок, испытание огнем и др. Безусловно, подобные мероприятия нельзя признать доказательственным процессом с позиции нормотворчества и юридической техники, в связи с чем они являются юридически нейтральными.

Статья 34 описывает процедуру официального заявления о пропаже коня или вещи «...Если у кого пропадет конь, оружие, или вещь, и он объявит о том на торгу, а после опознает пропажу в своем городе, то взять ему свое наличием, а за ущерб платить ему 3 гривны»... [4]. Думается, описанное в норме есть аналог современной процедуры подачи заявления о преступлении. Однако закон указывает что, если потерпевший этого своевременно не сделает, то он утрачивает свое право истребования имущества обратно и получения денег в возмещение морального ущерба.

Таким образом, для законодательства Древней Руси характерно то, что оно было систематизировано по количеству актов, но сами такие акты не были структурированы и содержали большое число норм, относившихся к различным отраслям права (в современном понимании).

Не меньший интерес в рамках нашего исследования, представляет следующие по времени происхождения законодательный акт — Судебник 1497 г. Данный документ является одним из первых кодифицированных актов, как в России, так и в Европе. Важно отметить, что именно Судебник 1497 г. стал катализатором для создания кодексов во многих других государствах, таких как Франция, Германия и др. [5]. В связи с этим истоки памятника русского феодального права представляет для нас особую ценность с точки зрения исследования современной юридической техники.

Судебник 1497 г., также, как и Русскую правду отличало то, что наряду с нормами судопроизводства существовали нормы уголовного и уголовно-исполнительного права (так называемые нормы материального права).

Ст. 1 Судебника была посвящена составу боярского суда, его функциям правам и обязанностям. Интересно, что ст. 2 анализируемого документа определяла основные

правила подсудности дел различных категорий, а также порядок передачи последних по подсудности (это было возможно реализовать через князя или лично судом). Кроме того, Судебник 1497 г. закреплял и правила доказывания, так ст. 12–13 описывали достаточность доказательств, подтверждающих вину лица в краже имущества (достаточными считались показания нескольких человек).

Не менее интересна норма ст. 11 предусматривающая «презумпцию вины» или «презумпцию виновности» в отличие от современных уголовно процессуальных норм, которые, напротив, закрепляют в своих положениях «презумпцию невиновности». Так, согласно Судебника, виновным считалось лицо, которое ранее уже было изобличено в совершении подобных преступных деяний.

Судебник предусматривал (ст. 19) возможность обжалования решения боярского суда в более высокую инстанцию — княжеский суд. При незаконности решения оно отменялось, поскольку для вступления его в законную силу требовалась обязательный доклад на решении от имени великого князя.

На основании сказанного можно сделать вывод, что Судебник 1497 г. является важным законодательным актом в сфере уголовного судопроизводства и прогрессивным этапом в развитии юридической техники. Главной его отличительной особенностью является кодифицированная форма, которая регламентировала деятельность государства.

Еще одним интересным, в рамках затронутой нами проблемы, актом является Соборное уложение 1649 г. Данный документ представлял очередным этапом развития нормотворчества в уголовном процессе, поскольку весьма большое место уделял вопросам правосудия. Важно отметить, что данный документ закрепил требования, предъявляемые к суду (гл. X), в том числе недопустимость участия в отправлении правосудия лица, которое имеет какой-либо интерес в деле «...которой судья истцу будет недруг, а ответчику друг или свой»... Помимо этого, было установлено обязательное требование фиксации хода

и результатов судебного процесса [6]. Определенным прогрессивным шагом было закрепление нормативных предписаний о недопустимости использования свиде-

тельских показаний, если последний не может указать источник своей осведомленности.

В целом проводя оценку Соборного Уложения 1649 г. Можно констатировать, что в данном акте все еще наблюдается тенденция смешивания норм материального (уголовного и уголовно-исполнительного) и процессуального права. Однако данные правила имели определенную дифференциацию в зависимости от регулируемой группы общественных отношений.

Существенную реформу законодательства провел Петр I. Последняя носила в целом относительно позитивный характер и окончательно разъединила нормы уголовного права и уголовного процесса, а также детально трактовала процесс розыска преступника и процедуру расследования преступлений. Однако были и отрицательные моменты данного периода, так, например, расширение государственно-властных полномочий и возникновения абсолютизма в России, полностью вытеснили состязательный уголовный процесс и распространение получил процесс инквизиционный. Только 5 ноября 1723 г. был издан именной указ «О форме суда» [7], в соответствии с которым розыск был отменен, а суд стал единственной формой процесса.

Таким образом, в контексте рассматриваемой периода можно сделать следующие выводы:

Во-первых, развития уголовно-процессуального законодательства начиная со времен Русской Правды показывает, что каждый новый нормативный акт, появившийся взамен или в дополнение ранее действующего, по сути, ознаменовывал определенные реформаторские изменения в политической жизни и уголовно-процессуальной системе страны, а также смену руководителей государства.

Во-вторых, исследование исторических процессов позволяет констатировать, что нормотворчество в уголовно-процессуальном законодательстве продолжает развиваться и совершенствоваться на основе норм ранее действовавшего законодательства, формируя и расширяя приемы юридической техники.

В-третьих, действующее в настоящее время уголовно-процессуальное законодательство является результатом определенного процесса, имеющего значительную продолжительность и апробацию в жизни.

Литература:

1. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси. / М.: Юрид. лит., 1984. — С. 189–193.
2. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси. — С. 34–35.
3. Филиппов А. Н. Учебник истории Русского права. — Юрьев, 1907. Ч. 1. — С. 99–123; Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси. — М., 1984. — С. 27.
4. Пространная правда Русская // <http://www.rpravda.uniyar.ac.ru/book/gusprav>
5. Черепний Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. М., 1951. — С. 385.
6. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Том 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. — С. 97–120.
7. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. I. Т. XVII. № 12424.

К вопросу о конституционно-правовом статусе прокуратуры Российской Федерации

Ковалева Виктория Михайловна, студент магистратуры
Ростовский государственный экономический университет «РИНХ» (г. Ростов-на-Дону)

В настоящей статье анализируется конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации как государственного органа с особым статусом, исследуется его сущность и содержание. Рассматриваются положения Конституции Российской Федерации и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202–1 в контексте определения статуса прокуратуры.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус, Конституция Российской Федерации, прокуратура, государственный орган.

В теории права правовой статус определяется как признанная законодательством и Конституцией Российской Федерации совокупность прав и обязанностей субъектов права, полномочий органов публичной власти и их должностных лиц, которые используются ими для выполнения своих социальных ролей [4, с. 92]. А, как известно, основу правового статуса любого субъекта права составляет его конституционно-правовой статус. Это в полной мере относится и к прокуратуре.

Конституция Российской Федерации в первоначальной редакции ст. 129 закрепила положение о том, что прокуратура Российской Федерации составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации, установила порядок назначения на должности и освобождения от должностей Генерального прокурора Российской Федерации и других прокуроров [1].

Закрепление статуса прокуратуры в Конституции РФ фактически сводится только к установлению ее системы и ключевых вопросов ее организации. Социального предназначения прокуратуры, ее компетенции и места в системе органов государственной власти Основной Закон не закрепляет. То есть конституционное регулирование статуса прокуратуры касается только ее организационной составляющей, в тот момент как функциональная составляющая определяется в других нормативных правовых актах.

Большинство вопросов, связанных с полномочиями, организацией и порядком деятельности прокуратуры Конституция Российской Федерации отнесла к предмету регулирования специального закона.

Базовым законодательным актом, регулирующим организацию и деятельность российской прокуратуры, является Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации». Согласно п. 1 ст. 1 указанного закона прокуратура Российской Федерации — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации [2].

Однако и этот закон не поставил точку в дискуссиях о задачах и функциях прокуратуры, ее месте в механизме государственной власти, роли в системе «сдержек и противовесов», в обеспечении защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Все это свидетельствует о неопределенности конституционно-правового статуса прокуратуры Российской Федерации, в этой связи его изучение, имеет большое значение, так как он является наиболее спорным в юридической науке.

В России, прокуратура заняла свое место в главе 7 Конституции РФ, которая с 5 февраля 2014 года имеет наименование «Судебная власть и прокуратура», исходя из раннего наименования «Судебная власть», в которой содержится статья 129 о прокуратуре, можно было сделать вывод о том, что она входит в судебную ветвь власти. Однако ни одна из формулировок данной статьи однозначно такой вывод сделать не позволяет, поэтому это приводит к заключению о невозможности отнесения прокуратуры к судебной власти. Так основная функция суда — осуществление правосудия, в случае же с прокуратурой — это надзор за законностью, хотя и не единственная.

Двусмысленность содержания и местонахождения статьи 129 в тексте Основного Закона породила многочисленные научные споры. Среди теоретических и практически значимых проблем выделяют в частности, вопросы о необходимости прокуратуры России, ее качественных характеристиках, о возможности отнесения ее к исполнительной власти и иные. При этом традиционно дискуссионным вопросом является определение природы прокурорской власти и положения прокуратуры в системе российской государственности. Споры об этом не прекращаются и не теряют своей актуальности, поскольку Конституция России не даёт однозначного ответа на этот вопрос. По данному вопросу в настоящее время имеется несколько позиций. Одни исследователи относят прокуратуру к четвертой (отдельной) ветви власти — надзорно-контрольной и говорят о необходимости закрепления ее статуса в отдельной главе Конституции РФ. Другие авторы предлагают признать прокуратуру органом президентской власти. Есть мнение, что прокуратура России не относится ни к одной из трех ветвей власти в ее классическом понимании [3, с. 31].

Наряду с этим отсутствию единодушного мнения ученых, исследующих место прокуратуры в системе государственных органов Российской Федерации, способствует норма в ст. 11 Конституции РФ, которая закрепив перечень государственных органов Российской Федерации, не называет среди них прокуратуру.

Тем не менее, необходимо отметить, что органы прокуратуры в силу их правового статуса как самостоятельного единого централизованного надзорного органа занимают особое место в государственной системе Российской Федерации. Имея функциональное отношение к каждой из трех закрепленных в ст. 10 Конституции Российской Федерации ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной), прокуратура не относится ни к одной из них, хотя и имеет признаки каждой из них. Такое особое ее положение в государственном устройстве способствует уравновешиванию ветвей власти, обеспечению их оптимального функционирования.

Выявляя дефекты (нарушения законов, упущения) в деятельности законодательных (представительных), ис-

полнительных и судебных органов и принимая меры к их устранению, органы прокуратуры способствуют совершенствованию деятельности всех ветвей власти, повышению правовой культуры соответствующих должностных лиц этих органов, судей, рейтингов их профессиональной деятельности, авторитета, а следовательно, и укреплению нашего государства — Российской Федерации, что и является одной из основных целей функционирования всех ветвей власти [5, с. 22].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что роль и место современной российской прокуратуры в функционировании государственно-правового механизма России исключительно велики. Более того, с усложнением задач в государственном управлении, экономике, проявлением ряда негативных явлений, таких как терроризм, коррупция и других, роль и значение правоохранительной деятельности прокуратуры будут только возрастать.

В таких условиях именно на прокуратуру возложена важная задача — формирование предпосылок по-настоящему уважительного отношения граждан, должностных лиц и органов публичной власти к закону в нашей стране.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, № 47, ст. 4472.
3. Абдулин Р. С. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебное пособие. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. — 220 с.
4. Основы государства и права: учебное пособие / Под ред. А. В. Малько. — М.: КноРус, 2015. — 220 с.
5. Прокурорский надзор: учебник для вузов / Под ред. А. Ю. Винокурова. — М.: Юрайт, 2019. — 380 с.

Проблемы квалификации получения взятки

Коняева Елена Николаевна, студент магистратуры
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

В статье анализируются дискуссионные вопросы применения ст. 290 УК РФ. Автором делается вывод о существовании проблем квалификации получения взятки по объективной и субъективной сторонам. Определяются источники возникновения данных проблем.

Ключевые слова: коррупция, получение взятки, должностное лицо.

В настоящее время реализация правоприменителями ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации вызывает ряд трудностей (далее — УК РФ) [11].

Во-первых, одним из самых сложных вопросов квалификации взятки по признакам объективной стороны на практике выступает получение взятки за общее покровительство и попустительство по службе [10, с. 28; 12, с. 56].

Данная проблематика объясняется тем, что на практике суды учитывают только те имеющиеся в Поста-

новлении Пленума ВС РФ № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 24) [9], которые носят дополнительный характер, игнорируя в то же время основные сосредоточенные в нем разъяснения, показывающие специфику, именно общий характер покровительства и попустительства, за которое должностное лицо получает взятку.

Можно выделить две основные проблемы, которые связаны с квалификацией получения взятки за общее по-

кровительство и попустительство по службе. В частности, суды по-разному понимают:

а) значение словосочетания «по службе» для определения отношений чиновника и лица, передавшего ценности (оказавшего услугу имущественного характера и т.д.),

б) степень вероятности совершения должностным лицом «оплачиваемых» взяткой действий (бездействия) по службе.

Первый вопрос решить легче, чем второй, поскольку здесь достаточно применить толкование ВС РФ признака, отраженного в абз. 4 п. 5 Постановления Пленума ВС РФ № 24. Так, в нем указывается, что имеющие отношение к общему покровительству или попустительству по службе действия (бездействие) могут быть осуществлены должностным лицом (взятополучателем) в пользу не только своих подчиненных, но и иных лиц, на которых распространяются его полномочия контрольного, надзорного и иного характера как представителя власти, а также полномочия организационно-распорядительного характера.

Представляется, что данное довольно широкое и правильное понимание отношений «по службе» помещает взяткодателя в любую область осуществления служебной компетенции взятополучателя, в том числе за пределы отношений подчиненности.

С учетом этого необоснованными следует признавать доводы, высказанные, к примеру, при исключении обсуждаемого признака из обвинения Г., занимавшего должность специалиста отдела лицензирования. Данное лицо было осуждено за получение от генерального директора организации М. взятки за действия в пользу взяткодателя, составлявшие его полномочия служебного характера, и действия, которым он ввиду занимаемого должностного положения мог способствовать, а равно за общее покровительство по отношению к взяткодателю и представляемым им лицам. В решении ВС РФ было указано, что суд первой инстанции правильно квалифицировал действия Г., за исключением действий по квалифицирующему признаку «за общее покровительство». В частности, ВС РФ обосновал свою точку зрения тем, что Г. получил взятку за содействие в повторном рассмотрении вопроса о выдаче лицензии организации, а не по службе [6].

Кроме того, мы считаем обоснованными следующие аргументы ВС РФ, которые были отражены в другом принимаемом им судебном решении. В частности, ВС РФ указал, что доводы, изложенные в кассационном представлении, в части необоснованного исключения из обвинения получения взятки за общее покровительство и попустительство не являются состоятельными ввиду того, что судом было установлено что осужденный З. предъявлял требования и получил взятку за осуществление определенных действий по таможенному оформлению партии груза, которые он уже осуществил, между ним и взяткодателем нет никакой служебной зависимости [7].

В перечисленных выше примерах признак «по службе» трактовался обоснованно узко, т.е. как от-

ношения, складывающиеся между руководителем и его подчиненным.

Наиболее сложным на практике представляется решение второго вопроса, который касается степени вероятности наступления обстоятельств, при которых от должностного лица потребуется совершить действия (бездействие), за которые им получена взятка. Восприятие правоприменителя порой фокусируется главным образом на разъяснениях, содержащихся в абз. 2 и 3 п. 5 Постановления Пленума ВС РФ № 24. В них действительно в качестве иллюстраций приведены относящиеся к общему покровительству или попустительству по службе конкретные действия или акты бездействия, за которые должностному лицу передается взятка (например, необоснованное назначение подчиненного).

Однако критерий, позволяющий выделить из служебного поведения должностного лица общее покровительство или попустительство по службе, содержится в первом абзаце названного пункта Постановления и состоит в том, что в последнем случае конкретные действия (бездействие), за которые получена взятка, «на момент ее принятия не оговариваются взяткодателем и взятополучателем, а лишь осознаются ими как вероятные, возможные в будущем».

Возможно, некоторая неточность данного определения может видаться в том, что в нем вероятность, лишь возможность совершения чиновником действий (бездействия) противопоставлена тому, что взяткодатель и взятополучатель заранее, до передачи взятки, оговорили, за что именно она передается.

Итак, обсуждаемый нами признак получения взятки отсутствует, когда чиновник и владелец ценностей (или посредник)

а) оговаривают конкретные, уже совершенные или которые планируется совершить, действия (бездействие) должностного лица и

б) эти действия (бездействие) носят не возможный, а обязательный характер. Но какова все же будет квалификация в случае, когда конкретные действия (бездействие) оговариваются, но их совершение осознается лишь как возможное? К примеру, учитель передает начальнику РОНО ценности, выражая при этом просьбу быть назначенным директором школы, тогда как на тот момент неизвестно, откроется ли в период работы одаряемого чиновника в школе соответствующая вакансия.

Как представляется, несмотря на то что конкретные действия (бездействие) чиновника сторонами оговариваются, приведенные обстоятельства требуют квалифицировать содеянное как получение/дачу взятки за общее покровительство в первом случае и как попустительство по службе — во втором. Подобное одаривание довольно точно может быть охарактеризовано как взятка «на всякий случай», и благоприятные для взяткодателя действия (бездействие) чиновника осознаются сторонами коррупционной сделки, в выражении Пленума, лишь как вероятные, возможные в будущем.

Но если сторонам такой «сделки» достоверно известно, что в будущем, пусть и сравнительно отдаленном, должностное лицо обязательно, безусловно получит возможность совершить нужные взяточдателю действия (акты бездействия), то обсуждаемый признак взяткополучателю вменен быть не может.

В приведенных примерах такие действия (бездействие) приобретают не вероятный, а неизбежный характер, когда сторонам в момент передачи ценностей определенно известно о возникновении через некоторое время вакансии директора школы (в связи, скажем, с предстоящей зарубежной командировкой мужа нынешнего директора, о чем она заблаговременно уведомила начальника РОНО), пусть точной даты открытия вакансии они еще не знают (первый случай), о запланированной на следующий квартал, пусть также без конкретной даты, проверке, которая, безусловно, выявит очевидные нарушения налогового законодательства в деятельности предпринимателя, передавшего чиновнику ценности (второй случай).

В подтверждение сказанного рассмотрим несколько решений из опубликованной практики высшего судебного органа.

Д. был осужден за то, что, занимая должность начальника отделения по борьбе с экономическими преступлениями отдела внутренних дел, затем — начальника отделения оперативно-розыскной части (по линии БЭП) УВД области, неоднократно получал от индивидуальных предпринимателей Ш., Г. и С. деньги за то, чтобы последние не были привлечены к предусмотренной законом ответственности за правонарушения, которые они могут в будущем совершить.

ВС РФ квалифицировал его действия в качестве получения взятки за общее покровительство предпринимательской и коммерческой деятельности, которое заключалось в бездействии, выразившемся в непроведении проверок по выявлению неправомερных действий [5].

И хотя действий Д. образуют состав получения взятки, скорее, за попустительство, нежели покровительство, в общем мотивированность решения, которое ВС РФ поддержал, видится лишь в том, что на момент принятия денег от предпринимателей Д. не имел какой-либо информации о неправомερных действиях со стороны индивидуальных предпринимателей, что требовало бы проведения соответствующей проверки и принятия определенных мер реагирования. Тогда как в отсутствие указанной информации проверка не могла быть проведена.

Еще один пример. Отсутствие на момент передачи денежных средств определенной информации о нарушениях законодательства в действиях передавшего их субъекта предпринимательской деятельности было установлено по делу Ф., занимавшего должность государственного налогового инспектора. Ф. был признан виновным в получении взятки в виде денежных средств от индивидуального предпринимателя Б. за общее покровительство и попустительство по службе. ВС РФ указал, что свидетель Б. пояснила суду, что решил дать взятку Ф. с целью непри-

влечения в будущем к ответственности в том случае, если он совершил налоговые правонарушения, т.е. для защиты интересов, которые законными не являются [8].

Во-вторых, еще одной проблемой квалификации получения взятки на практике является установление правоприменителями субъективной стороны получения взятки.

Напомним, что Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ [3] уточнил основания ответственности за взяточничество. Если ранее согласно ч. 1 ст. 290 УК РФ запрещаемое деяние состояло в получении должностным лицом взятки лично или через посредника, то новая редакция нормы дополнена фразой «(в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу)».

Получение взятки всегда считалось по определению корыстным преступлением. Согласно позиции высшего судебного органа, пишет П. Яни, преследуемая взяткополучателем корыстная цель предполагает обогащение за счет взятки самого этого чиновника, его родных или близких [13, с. 43].

В п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 разъясняется: «Если за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки (например, принятие руководителем государственного или муниципального учреждения спонсорской помощи для обеспечения деятельности данного учреждения за совершение им действий по службе в пользу лиц, оказавших такую помощь). При наличии к тому оснований действия должностного лица могут быть квалифицированы как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий».

Таким образом, предполагаемое использование материального вознаграждения не для удовлетворения материальных интересов должностного лица, а для обеспечения деятельности представляемой им организации, решения иных общественных задач свидетельствует об отсутствии признаков взяточничества. Видимо, не имеет решающего значения и то, как были получены материальные средства: лично руководителем или переведены на счет организации [1, с. 5].

В судебной практике возникает проблема отграничения преступления от оказания спонсорской помощи. Для правильной юридической оценки выявленного события необходимо устанавливать предполагаемое направление использования должностным лицом полученных материальных средств. По делу о получении взятки заведующего кафедрой Махровой за незаконные действия, которые состояли в выставлении зачета студенту с. без его фактического принятия, суд пояснил: «То, что денежные средства были приняты не в интересах ру-

ководимой Махровой М. В. кафедры, суд обосновал тем обстоятельством, что с. вначале предлагал свои услуги по «заправке принтера», однако Махрова М. В. указала на необходимость передачи именно денежных средств» [2].

Судом были признаны несостоятельными доводы адвокатов главы органа местного самоуправления Губанова о том, что передаваемые денежные средства предназначались не ему лично, а в качестве спонсорской помощи городу. «Губанов В. И. требовал передать ему деньги за выдачу разрешения на строительство-реконструкцию торгового центра, вначале <...> рублей, потом <...> рублей и кухонную мебель <...>, которая не могла быть передана городу в качестве спонсорской помощи, потом <...> рублей, а затем окончательно потребовал <...> рублей. При этом Губанов требовал передать ему <...> рублей сразу, а остальные деньги по частям по <...> рублей в месяц» [4].

Приведенные примеры показывают, что о целях должностного лица, получающего материальное вознаграждение, следует судить по таким объективным обстоятельствам, как стремление скрыть факт передачи и получения денежных средств, особенности передаваемого имущества, планируемых услуг, возможность их использования в интересах организации или всего общества и т. д.

В руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда при квалификации получения или дачи взятки умысел преступника, а именно степень его завершенности, имеет лишь частичное значение для признания деяния оконченным или неоконченным преступлением, принцип вины реализуется не полностью, при квалификации указанных преступлений проявляются элементы объективного вменения.

Субъективная сторона получения взятки характеризуется умышленной формой вины. Должностное лицо, получающее взятку, осознает противоправность и общественную опасность своего поведения, выраженного в совершении действий (бездействия) в интересах лица, давшего взятку. Осознает оно также, что для получения предмета взятки и достижения требуемого взяткодателю результата использует должностные полномочия, желает этого в целях получения взятки. Стремление лица приобрести материальную выгоду (не имеет значения, до или после совершения им деяния) следует рассматривать в качестве корыстного мотива данного преступления.

Если лицо получило от кого-либо деньги или иные ценности якобы для передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в качестве взятки либо предмета коммерческого подкупа и присваивает их, содеянное следует квалифицировать как мошенничество. Действия собственника ценностей следует квалифицировать как покушение на дачу взятки. Для состава получения взятки

не имеет значения, когда должностному лицу передана взятка — до или после совершения им обусловленных действий, равно как и то, оговаривались ли заранее характер и содержание служебных действий, которые виновный должен был или уже совершил за получение незаконного вознаграждения. В судебно-следственной практике различают взятку-подкуп, при получении которой действия должностного лица предварительно оговариваются со взяткодателем, и взятку-вознаграждение, когда материальные ценности вручаются субъекту уже после совершения им заранее не обусловленных предварительной договоренностью действий.

Современная видимость борьбы с коррупцией заключается в выявлении денежного вознаграждения чиновнику (субъективной стороны коррупционного поведения) или в провокации получения взятки должностным лицом, намеченным в качестве показателя борьбы с коррупцией, и прикреплении этого факта запретного обогащения к служебным действиям, не обязательно незаконным. Отсюда презумпция незаконности доходов должностных лиц, требование сведений о которых законодательно считается противодействием коррупции.

Логичнее пойти по другому пути и установить презумпцию коррупционности определенных нарушений закона. Вместо оправдания доходов чиновник должен оправдывать незаконные решения (исследование от объективной стороны к субъективной стороне служебного поступка). Коррупционные проявления в отличие от неправомерно полученных доходов скрыть невозможно.

Итак, на основании вышеизложенного мы пришли к следующим выводам:

1. Одним из главных проблемных вопросов квалификации взятки по признакам объективной стороны на практике выступает получение взятки за общее покровительство и попустительство по службе. Данная проблематика объясняется тем, что на практике суды учитывают только те имеющиеся в Постановлении Пленума ВС РФ № 24, которые носят дополнительный характер, игнорируя в то же время основные сосредоточенные в нем разъяснения, показывающие специфику, именно общий характер покровительства и попустительства, за которое должностное лицо получает взятку.

2. На сегодняшний день институт субъективной стороны на практике при разрешении вопросов о получении взятки не имеет первостепенного значения. При квалификации получения или дачи взятки умысел преступника, а именно степень его завершенности, имеет лишь частичное значение для признания деяния оконченным или неоконченным преступлением, принцип вины реализуется не полностью, при квалификации указанных преступлений проявляются элементы

Литература:

1. Борков, В. Квалификация незаконного сбора начальником денежных средств с подчиненных / В. Борков // Уголовное право. — 2015. — № 6. — С. 4–9.

2. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 12 января 2012 г. № 47–011–83 [электронный ресурс]. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2019).
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ // Российская газета. — 2016. — 8 июля.
4. Определение Верховного Суда РФ от 8 сентября 2011 г. № 19-О11–49 [электронный ресурс]. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2019).
5. Определение Верховного Суда РФ от 14 мая 2010 г. № 31-О10–6 [электронный ресурс]. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2019).
6. Определение Верховного Суда РФ от 12 апреля 2007 г. № 5-о07–49 [электронный ресурс]. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2019).
7. Определение Верховного Суда РФ от 17 ноября 2005 г. № 56-о05–70 [электронный ресурс]. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2019).
8. Определение Верховного Суда РФ от 10 февраля 1998 г. [электронный ресурс]. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2019).
9. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 // Российская газета. — 2013. — 17 июля.
10. Седых, Д. А. Злоупотребление влиянием в корыстных целях / Д. А. Седых // Российский судья. — 2018. — № 1. — С. 27–30.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Российская газета. — 1996. — 18 июня.
12. Яни, П. С. Антикоррупционный комплаенс в уголовно-правовой сфере: содержательный элемент / П. С. Яни, Н. В. Прохоров // Российская юстиция. — 2018. — № 9. — С. 54–57.
13. Яни, П. Физическое посредничество во взяточничестве / П. Яни // Законность. — 2014. — № 11. — С. 41–45.

Конституционно-правовые основы защиты прав педагогических работников в Российской Федерации

Копытова Нина Ивановна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Защита прав педагогических работников осуществляется в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации. Так, в Послании Президента РФ Федеральному собранию от 12.12.2013 говорилось о том, что положения основного закона РФ — Конституции соединила два базовых приоритета — это высочайший статус прав, свобод граждан и сильное государство, подчеркнув тем самым взаимную обязанность — уважать и защищать друг друга.

Так, в защиту своих прав педагогический работник может обратиться в судебные органы, в органы прокуратуры, а в случае, если речь идет о нарушении трудовых прав, — в инспекции по труду. К примеру, педагогический работник в соответствии со статьей 44 Конституции РФ каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания [1].

Понятие «преподавания» в положениях данной статьи рассматривается как вид творческой деятельности в процессе воспитания и обучения. Свобода преподавания включает в себя право на свободу выбора и использования методик обучения и воспитания, учебных пособий

и материалов, учебников, методов оценки знаний обучающихся. Необходимо отметить, что термин «преподавание» является конституционным и опосредует соответствующую субъективную свободу.

Таким образом, учитывая, что в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод, что получило свое отражение в ряде конституционных принципов. К примеру, в запрете на издание законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина, или же недопустимость придания обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность [7, с. 161].

Однако важнейшей гарантией прав и свобод и одновременно субъективным конституционным правом человека является право на судебную защиту прав и свобод. Право на судебную защиту является абсолютным, и не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах.

Следующим видом конституционных прав педагогических работников, входящий в конституционно-правовую основу защиты — это право на уважение профессиональной деятельности, которая предполагает определенную свободу, под которой понимается «запрет

вмешательства со стороны государственных органов», а не свобода как таковая.

В этом контексте методика защиты конституционного права на уважение частной жизни весьма близка формам и способам реализации академических прав и свобод. Частная жизнь граждан и преподавательская деятельность в равной мере нуждаются в защите от чрезмерного государственного вмешательства, мотивированного государственным суверенитетом без учета конституционного принципа свободы.

Следующим важным конституционным правом является закрепленное в положениях статьи 37 Конституции РФ право на труд [1].

Так в настоящее время правовой статус педагогических работников, как было уже сказано выше подробно разработан и установлен в нормативно-правовыми актами, и международными договорами. Их основные права и обязанности получили свое правовое закрепление в правовых нормах Трудового кодекса РФ, в ФЗ «Об образовании», а также в ведомственных нормативно-правовых актах.

Тем не менее, одновременно с этим существуют проблемы реализации прав, свобод, и гарантий данных участников образовательных отношений, которые имеют теоретический и практический характер и связаны с различными обстоятельствами. В частности имеются серьезные недостатки в правовой регламентации прав педагогических работников, отсутствует единый подход к вопросам реализации данных прав и свобод, не в полном объеме применяются отдельные положения нормативных правовых актов в сфере правовой защиты образовательной среды.

Одной из глобальных проблем правовой защиты в области образования является нарушение прав педагогических работников и ослабление их судебной защиты. Так, чаще всего нарушаются права на справедливую и равную оплату труда, на охрану труда, на свободу от принудительного труда, на свободу педагогической деятельности.

Необходимо отметить, что педагогические работники редко прибегают судебной форме защиты своих конституционных прав и свобод, зачастую они чаще обращаются в комиссии по трудовым спорам. К числу основных тем вопросов, с которыми педагогические работники обращаются в КТС это: распределение учебной нагрузки, установление стимулирующих выплат, продолжительность отпуска, оплата и работа в выходные и нерабочие праздничные дни, вопросы рабочего времени. К примеру, относительно стимулирующих выплат имеется случаи обращения педагогического работника в судебные органы.

В Ульяновский областной суд обратилась З. с апелляционной жалобой на решение Майнского районного суда Ульяновской области от 26.02.2014 года, по которому в удовлетворении исковых требований было отказано. Так, З. обратилась в суд с иском к муниципальному учреждению администрации муниципального образования В., муниципальному учреждению Ф, о взыскании выплат

стимулирующего характера в размере 6218 рублей за период с 01.10.2013 по 31.12.2013 год [2].

В обосновании своих требования истица ссылалась на п. 12 Положении об отраслевой системе оплаты труда муниципальных образовательных учреждений, которая включает в себя: оклад, выплаты компенсационного характера, выплаты стимулирующего характера. Однако 08.11.2013 вышел приказ об отмене стимулирующих выплат. Истица считает, что выплаты стимулирующего характера являются составной частью отраслевой системы оплаты труда работников бюджетной сферы, поэтому их прекращение является нарушением трудовых прав. Отсутствие денежных средств не освобождает работодателя от уплаты труда педагогических работников [2].

Суд, отказывая в удовлетворении апелляционной жалобы, пришел к выводу о том, что стимулирующие выплаты за качество выполняемой работы не являются обязательной составляющей заработной платы. Данные выплаты осуществляются в пределах средств, предусмотренных на оплату труда, поэтому их отмена приказом директора школы при отсутствии денежных средств на указанные цели в фонде оплаты труда являются законными.

Следует отметить, что судебная практика по данным спорам весьма неоднозначна. Так, в отличие от Ульяновского областного суда Тандийский районный суд (Республика Тыва) по делу № 2–157/2014 признал стимулирующие выплаты составной частью заработной платы педагогических работников [4].

Наряду с нарушением трудовых прав педагогических работников отмечается большое количество несправедливых решений, принятых органами управления образованием и вынесенных судами по жалобам родителей, что объясняется неумением пользоваться имеющимися в распоряжении правовыми механизмами.

В случае если данные обвинения являются ложными, педагогический работник вправе обратиться за защиту своих нарушенных прав в соответствии со статьей 128.1 Уголовного кодекса РФ клевета [6].

Под клеветой необходимо понимать распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Данные действия наказываются штрафом либо обязательными работами [6].

Педагогический работник в соответствии с положениями статьи 152 Гражданского кодекса РФ имеет право на защиту чести, достоинства, и деловой репутации [3].

За защиту своей чести, достоинства, и деловой репутации педагогический работник имеет право обратиться в суд с требованием об опровержении порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию.

Таким образом, предлагается для усиления эффективности осуществления правовой защиты педагогических работников расширить и конкретизировать в образовательном законодательстве правовые аспекты конструктивного взаимодействия педагогов с обучающимися и их родителями.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 N11-ФКЗ).
2. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 13.05.2014 по делу № 33–1490/2014.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета от 8.12.1994 № 238.
4. Решение Тандинского районного суда (Республика Тыва) от 19.05.2014 по делу № 2–157/2014.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации 30 декабря 2001 г. // Российская газета от 31.12.2001 № 256.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета от 17.06.1996 № 25.
7. Ростова М. В. Свобода преподавания и творчества в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 160–165. — URL <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-prepodavaniya-i-tvorchestva-v-sisteme-konstitutsionnyh-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina> (дата обращения: 05.05.2019).

Проблемы реализации права на дошкольное образование среди отдельных категорий лиц

Куликова Анастасия Викторовна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Четвертакова Ирина Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент
Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами реализации права на образование определенных категорий лиц: с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов, лиц без гражданства, мигрантов и переселенцев, а также детей родителей, реализующих свое право на отказ от профилактических прививок и противотуберкулезной помощи.

Ключевые слова: право на образование, нормативное закрепление права, гарантия прав, доступность образования, проблемы реализации права на образование, образование и медицина, нарушение права на образование, инклюзивное образование.

Под образованием традиционно понимается исторически-сложившаяся социальная государственная гарантия, призванная удовлетворять потребности каждого человека в получении и развитии своих знаний, навыков и умений, самоопределении, которое способствует росту интеллектуального потенциала общества. Право человека на образование является одним из наиболее значимых социальных прав человека, которое влияет на развитие человека как индивидуума, формирует общество, находится в тесной связи с политическими, гражданскими, экономическими и другими социальными правами человека.

Право на образование является неотъемлемым правом любого человека. Под этим правом понимается обязательность начального общего и основного общего образования, а также профессионального — на равных для всех условиях, а высшего образования — на конкурсной основе. Право на образование, как фундаментальное право человека, впервые было закреплено во «Всеобщей декларации прав человека», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948. В статье 26 Декларации о правах человека говорится: «каждый человек имеет право на образование» [2]. Статья 28 «Конвенции о правах ребенка» также признает право каждого ребенка на образование

и вводит требования, предъявляемые к обеспечению гарантии реализации данного права [3], а именно:

1. бесплатное и обязательное начальное образование;
2. вариативность форм получения образования;
3. доступность высшего образования для всех на основе индивидуальных способностей;
4. доступность информации и материалов в области образования;
5. возможность получения регулярного непрерывного образования.

В Российской Федерации право каждого человека на образование признано в основном нормативно-правовом документе государства — Конституции РФ. В ст. 43 Конституции говорится о том, что каждый имеет право на образование, которое является неотчуждаемым правом человека и принадлежит ему с рождения в соответствии с частью 2 статьи 17 [1]. Вторым документом, определяющим и закрепляющим право на образование, является «Закон об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. В соответствии с частью 2 статьи 5 право на образование в Российской Федерации гарантируется независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и долж-

ностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств [4]. Таким образом, Конституция РФ наделяет каждого человека правом на образование, а Законом об образовании гарантируется реализация этого права.

Образование, как право каждого человека, подразумевает под собой:

1. безусловную гарантию права на образование любому человеку без дискриминации по какому-либо признаку;
2. обязанность государства защищать, уважать и реализовывать право гражданина на образование;
3. безопасность и доступность образования;
4. гибкость, в т.ч. для детей с ограниченными возможностями;
5. обязательность и бесплатность основного общего образования;
6. соблюдение права на образование;
7. наказуемость нарушенного права на образование.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» действует в интересах более 40 млн человек: обучающихся и их родителей, педагогов и всех, кто вовлечен в образовательный процесс. Именно поэтому авторами нового закона выступили сами граждане России.

В течение всего периода подготовки документа прошли широкие общественные обсуждения, в ходе которых было получено свыше 20 тыс. предложений. Данные предложения были рассмотрены и нашли свое отражение в положениях документа. Благодаря такой подготовке документа его ключевым элементом стал сам человек.

Новый закон об образовании сохранил и расширил государственные гарантии бесплатного образования. За каждым гражданином закрепляются права на бесплатное дошкольное, школьное и среднее профессиональное образование, а на конкурсной основе — и на высшее. В законе впервые закреплено право на дистанционное, электронное, сетевое и семейное образование, что расширяет возможности получения знаний и реализации образовательных программ для всех категорий граждан.

Несмотря на то, что на законодательном уровне закреплено право каждого на образование, на практике наблюдаются нарушения данного права и проблемы в его реализации. В настоящее время политика государства хоть и направлена на реализацию права на общедоступное образование для каждого, тем не менее, можно выделить несколько категорий лиц в Российской Федерации, чьи права могут быть нарушены или зачастую бывают ущемлены. К таким категориям можно отнести:

1. детей с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ);
2. детей переселенцев и мигрантов, иностранных граждан;
3. детей родителей, реализующих свое право на отказ от профилактических прививок и/или противотуберкулезной помощи.

Новый Закон об образовании ввел также новый термин «инклюзивное образование», под которым понимается «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [4, п. 27, ст. 2,]. Это означает, что любой ребенок с ограниченными возможностями здоровья или инвалидностью имеет право на получение образования в общеобразовательных организациях. В обязанности принимающей образовательной организации входит создание доступной среды и специальных условий в зависимости от потребностей обучающегося: расширенные дверные проемы, пандусы, специальные технические средства обучения и т.д. [4, ст. 79] На практике оказывается, что большинство образовательных организаций не соответствуют предъявляемым требованиям по разным причинам, чаще всего по причине отсутствия финансирования, отсутствия в штатном расписании требуемых специалистов для работы с ребенком с ОВЗ (дефектолог, тьютор) или невозможностью создать безбарьерную среду в типовом проекте здания образовательной организации, которая также требует немалых финансовых вложений. Безусловно, в таких ситуациях можно говорить о том, что образовательная организация не в полной мере обеспечивает право лица с ОВЗ на образование.

Несмотря на многонациональность государства образовательный процесс, как правило, ведется на русском языке. Законом об образовании предусмотрено «получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации», данное право зачастую нарушается, если речь идет о детях мигрантов и переселенцев, которые сталкиваются с языковым барьером.

В п. 3 ст. 67 Закона об образовании говорится, что «правила приема в государственные и муниципальные образовательные организации на обучение по основным общеобразовательным программам должны обеспечивать также прием в образовательную организацию граждан, имеющих право на получение общего образования соответствующего уровня и проживающих на территории, за которой закреплена указанная образовательная организация». Однако дети иностранцы, до момента получения разрешения на временное проживание или вида на жительства, не могут предоставить свидетельство о регистрации ребенка по месту жительства или по месту пребывания на закрепленной территории или документ, содержащий сведения о регистрации ребенка по месту жительства или по месту пребывания, поскольку он не предусмотрен на законодательном уровне для данной категории лиц. В таких случаях зачастую нарушается принцип территориальной близости образовательной организации.

Родители детей, которые реализуют своё право на отказ от профилактических прививок и/или противотуберкулезную помощь сталкиваются с отказами в зачислении в образовательные организации или недопуском в организацию.

Так, например, А.Ф. обратилась в суд с иском в интересах дочери А. А., о признании незаконным отказа директора муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения в допуске ее ребенка в детский сад, об обязанности допустить ребенка в общеобразовательное учреждение, признании незаконным медицинского заключения о не допуске ребенка в общеобразовательное учреждение, выданного районным врачом — педиатром государственного бюджетного учреждения Республики Марий Эл С. С., признании незаконным действий медсестры отделения общей (семейной) врачебной практики государственного бюджетного учреждения Республики Марий Эл Н. об отказе в выдаче медицинской справки о допуске ее ребенка в детский коллектив.

В обоснование иска А. Ф. указала, что при оформлении медицинской карты ее дочери для посещения детского сада, районный врач-педиатр не допустила ребенка в детский сад ввиду того, что ребенок не привит и нет реакции Манту. Она отказалась от туберкулинодиагностики — реакции Манту и противотуберкулезной помощи — осмотров врачами — фтизиатрами в связи с тем, что признаков заболевания у ребенка туберкулезом не было обнаружено, ее семья является благополучной и контактов с больными туберкулезом не имела. Медицинская справка о допуске ребенка в детский коллектив медсестрой Н. не была принята во внимание, в выдаче справки о допуске ребенка в детский коллектив медсестра Н. отказала. Из-за отсутствия такой медицинской справки, игнорируя заключенный между ней и школой договор об оказании образовательных услуг дошкольного образования, директор школы И. не допустила ребенка к посещению общеобразовательного учреждения. Моркинским районным судом Республики Марий Эл от 29 января 2016 года в удовлетворении иска была отказано. Верховный суд республики Марий-Эл по делу 33–597/2016 оставил решение Моркинского районного суда Республики Марий Эл от 29 января 2016 года без изменений [5]. Суд признал действия руководителя образовательной организации законными и не усмотрел нарушения права ребенка на образование, принимая во внимание законное право родителя на добровольное согласие на медицинское вмешательство над ребенком.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.
2. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета 05.04.1995 № 140.
3. «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «Консультант-Плюс».
4. Федеральный закон от 29.12.2012 N273-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. — 2012. — 31 декабря.
5. Апелляционное определение Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 21.04.2016 N33–597/2016 // СПС «Консультант-Плюс».
6. Дуброва А.Н. Право на образование как одно из конституционных прав человека // Молодой ученый. — 2015. — № 10. — С. 909–911.

В аналогичной ситуации 18.12.2018 г. Прокуратурой города Обнинска Калужской области было отказано в возбуждении дела о привлечении руководителя образовательной организации к ответственности по ст. 5.57. КоАП. в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

Выделим, на наш взгляд, главные проблемы реализации права на образование вышеуказанных категорий лиц:

1. несовершенство инфраструктуры образовательных организаций для обучения детей с ОВЗ и инвалидов, выражающееся в отсутствии доступной среды (за исключением современно-построенных образовательных учреждений);
2. отсутствие или несовершенство современных информационно-коммуникативных технологий в образовательных организациях;
3. отсутствие квалифицированных педагогов для работы с детьми с ОВЗ и тьюторов;
4. нарушение законного права выбора языка обучения;
5. требование регистрации по месту жительства или пребывания;
6. отказ в принятии в желаемое образовательную организацию на основании регистрации по месту жительства или пребывания;
7. правовые коллизии в законодательстве.

Таким образом, право на образование является одним из основных прав человека, закрепленных в международных правовых документах и в Конституции Российской Федерации. Однако на практике встречаются проблемы в ходе реализации этого права, особенно это касается отдельных категорий: лиц с ограниченными возможностями здоровья, инвалидов, мигрантов и беженцев, иностранных граждан и граждан, пользующихся своим законным правом на отказ от профилактических прививок и противотуберкулезной помощи. В этой связи, вопрос по данной теме является противоречивым, остается актуальным и подлежит более углубленному изучению с целью вынесения конкретных предложений по совершенствованию законодательства в сфере образования и смежных областей.

7. Комар Ю.Д. Проблемы реализации конституционного права на образование // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сборник статей по материалам XLV студенческой международной научно-практической конференции. — 2018. — № 10 (45) — С. 730–735.
8. Курицына Е.В. Конституционное право на образование в Российской Федерации: понятие и содержание. Наука. Общество. Государство. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-pravo-na-obrazovanie-v-rossiyskoy-federatsii-ponyatie-i-soderzhanie> (дата обращения: 08.03.2019).

Юридические проблемы лиц без определенного места жительства и пути их преодоления

Лучинин Николай Павлович, студент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Статья затрагивает юридические аспекты положения лиц без определенного места жительства в реалиях современной России, раскрывает юридические проблемы, касаемо этой категории граждан, и пути их преодоления.

Ключевые слова: бездомный, закон, лицо без определенного места жительства, правовое положение, правовой статус, Российская Федерация, Россия.

В Российской Федерации существует множество негативных социальных явлений, всё острее проявляющихся в постсоветский период. Одним из них является наличие в обществе такой социальной группы, как лица без определенного места жительства, иначе говоря, бомжи или бездомные.

По официальным данным переписи населения 2010 года, размещенным на сайте [1, с. 8] Федеральной службы государственной статистики (Росстат) на территории Российской Федерации на 2010 год проживало 64 077 бездомных, что на 78 500 человек меньше, чем было в 2002 году. В Приволжском федеральном округе число бездомных также по официальным данным уменьшалось с 12 089 до 8 933. Однако, если по России и федеральному округу число лиц без определенного места жительства убывало, то в Кировской области оно наоборот выросло со 197 в 2002 до 248 в 2010 году. Кроме того, по словам [2, с. 8] лидера партии «Справедливая Россия» Сергея Миронова, в России уже на 2017 по различным оценкам проживало от 3 до 5 миллионов бездомных. Показатели неутешительные. А ведь число лиц без определенного места жительства не только не снижается и в настоящее время, но продолжает расти быстрыми темпами.

Особенность ситуации с бездомными в России состоит в том, что:

во-первых, нет терминологической ясности в понимании, что является местом жительства и местом пребывания для бездомных;

во-вторых, нереализованность права на жилье, закрепленного в ст. 40 Конституции Российской Федерации, сама по себе являющаяся огромной социальной про-

блемой, влечет за собой невозможность регистрации по месту жительства и связанный с ней комплекс правовых проблем, приводящих к невозможности реализации бездомными своих конституционных прав, фактически исключающих бездомных из системы общественных отношений. Несмотря на то, что ст. 3 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [3, с. 8], устанавливает принцип, заключающийся в том, что регистрация или отсутствие таковой не может служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституциями (уставами) и законами субъектов Российской Федерации, он во многом является декларативным, а лица, не имеющие регистрации, в том числе и лица, не имеющие определенного места жительства, постоянно ущемляются в правах и законных интересах в своей повседневной жизни. Можно привести конкретные примеры:

Право на труд (Ст. 37 Конституции РФ [4, с. 8]):

В России фактически ограничиваются условия для реализации лицами без определенного места жительства права на труд, поскольку:

во-первых, бездомные объективно не могут представить работодателю документы, предусмотренные ст. 65 Трудового кодекса [5, с. 9] Российской Федерации. Как минимум такими документами являются свидетельство государственного пенсионного страхования, которое оформляется территориальным органом Пенсионного фонда по предъявлении документа, подтверждающего факт регистрации по месту жительства, и документ воинского учета

из-за того, что нормативными актами предусмотрено получение этих документов по месту жительства.

Во-вторых, на практике при трудоустройстве работодатели сверх документов, предусмотренных ст. 65 Трудового Кодекса Российской Федерации, зачастую требуют свидетельство о постановке на учет в налоговом органе по месту жительства (ИНН), который также как и вышеперечисленные документы выдается налоговым органом по месту жительства.

Право на социальное обеспечение (Ст. 39 Конституции РФ):

Нормативными актами в России предусмотрено, что государственные пенсии бездомным назначаются по месту их фактического проживания. На это указывается и в информационном письме ПФ РФ от 27.03.2019 «Россиянам без прописки социальная пенсия назначается по месту фактического проживания» [6, с. 9]. Вместе с этим понятие «место фактического проживания» законодателем не определено. Отсутствие правового определения этого понятия создает широчайшее поле для толкования этого определения, а соответственно нарушения права бездомных граждан на получение пенсий, установленных законом.

Федеральный Закон от 22.08.2004 N122-ФЗ [7, с. 9], именуемый в народе «законом о монетизации льгот», разделил всех льготников на две категории: федеральных и «субъектных». Как правило, законы субъектов РФ предусматривают предоставление мер социальной защиты за счет бюджетов соответствующих субъектов РФ только гражданам, зарегистрированным по месту жительства в этих субъектах РФ.

Право на охрану здоровья (Ст. 41 Конституции РФ):

Правовые и экономические условия, существующие в Российской Федерации, позволяют обеспечить лицам без определенного места жительства в лучшем случае право на экстренную медицинскую помощь при внезапных острых заболеваниях, состояниях, обострении хронических заболеваний, представляющих угрозу жизни пациента. Зачастую невозможность получения бездомными полиса обязательного медицинского страхования (ОМС), выдаваемого по месту регистрации или официальной работы, делает недоступными для бездомных некоторые виды медицинской помощи.

Кроме того, у большей части бездомных отсутствует доступ к безопасной питьевой воде, к горячей пище, к санитарно-гигиеническим условиям, что неизбежно влечет за собой возникновение угроз здоровью как бездомных, так и окружающих.

Право на судебную защиту (Ст. 46 Конституции РФ):

Бездомные в некоторой степени подвержены дискриминации в вопросах доступа к правосудию и механизмам защиты и реализации своих прав. Такая дискриминация отражается в существующем в Российской Федерации процессуальном законодательстве.

Так в п. 2 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ [8, с. 9], который содержит требования к форме и содержанию искового за-

явления, предусмотрено, что в исковом заявлении должно быть указано место жительства истца. Отсутствие определенного места жительства и невозможность его указания в исковом заявлении являются основанием для оставления искового заявления без движения.

Данная ситуация усугубляется еще больше в том случае, если у бездомных отсутствуют документы, удостоверяющие их личность. А такое наблюдается очень часто в среде лиц без определенного места жительства. В связи с этим у них фактически не может быть реализовано и право, закрепленное в ст. 32 Конституции Российской Федерации, а именно **избирательное право**.

В силу всех вышеперечисленных факторов данной категории населения Российской Федерации необходима всесторонняя помощь: как социальная, медицинская, так и юридическая. Главное, чтобы эти люди помощь готовы были принимать.

По нашему мнению, юристы (а мы рассматриваем данный вопрос именно в аспекте юридической помощи бездомным) в такой ситуации, прежде всего, могут помочь в восстановлении документов, решении вопросов, связанных с жильем (часто оказывается, что люди «падают на улицу» по вине «черных риэлторов»), оказании помощи в установлении инвалидности, психических отклонений, заболеваний, а также установлении и назначении пенсионного обеспечения.

Однако необходимо и изменение законодательства с учётом существующих проблем. Так, например, существует инициатива, в соответствии с которой в Государственную Думу Российской Федерации еще 5 июля 2017 года были внесены законопроекты № 217770–7, № 217802–7, № 217812–7, № 217822–7.

В соответствии с законопроектом № 217770–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части регламентации добровольческой благотворительной деятельности в некоммерческих организациях, осуществляющих социальную и трудовую реинтеграцию лиц без определенного места жительства» [9, с. 10] предполагалось установление особенностей привлечения к трудовой деятельности лиц без определенного места жительства некоммерческими организациями, осуществляющими их социальную и трудовую реинтеграцию. То есть в целях эффективной, направленной на результат трудовой деятельности выше указанных лиц, необходимо было бы применять особые, отличные от стандартных трудовых или гражданско-правовых отношений схемы взаимодействия. А именно приравнивание привлечения указанных лиц к трудовой деятельности к добровольческой деятельности, предусмотренной Федеральным законом «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Этими мерами можно было бы добиться гибкого привлечения указанных категорий граждан к трудовой деятельности с возможностью их социальной и трудовой реабилитации, а также оплатой их труда на основании заключаемых договоров по осуществлению добровольческой деятельности, что положи-

тельно отразилось бы на процессах социальной адаптации и возвращения лиц без определенного места жительства к полноценной жизни.

Законопроект № 217802–7 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации »О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации« в части установления особенностей регистрации по месту пребывания либо по месту жительства лиц без определенного места жительства» [10, с. 10] направлен на установление нормы, защищающей права граждан, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации, а также конкретизацию понятий «место жительства» и «место пребывания» в отношении лиц без определенного места жительства. Предполагается определять место пребывания и место жительства бездомного «по адресу организаций социального обслуживания, предоставляющих социальные услуги лицам без определенного места жительства, либо по адресу администрации муниципального образования, на территории которого указанные лица фактически постоянно либо преимущественно находятся». Кроме этого, регистрация по месту пребывания, либо по месту жительства лица без определенного места жительства должна осуществляться по выбору указанного лица по адресам организаций социального обслуживания, предоставляющих социальные услуги лицам без определенного места жительства, либо по адресу администрации муниципального образования, на территории которого указанные лица фактически постоянно либо преимущественно находятся.

Проект Федерального Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части установления дополнительных гарантий поддержки благотворительных организаций, осуществляющих деятельность по социальной и трудовой реинтеграции лиц без определенного места жительства» № 217812–7 [11, с. 10] направлен на поддержку благотворительных организаций, осуществляющих деятельность по социальной и трудовой реинтеграции лиц без определенного места жительства, со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления. Кроме этого, создаются некие правовые гарантии для благотворительных организаций, защищающие их от произвола органов государственной власти и органов местного самоуправления. Так «в целях недо-

пустимости создания порочной правоприменительной практики, при которой органы государственной власти и органы местного самоуправления могут уклоняться от оказания поддержки» таким организациям, любой отказ в заключении соглашения с благотворительной организацией со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления должен быть мотивирован и направлен в адрес благотворительной организации в письменном виде в течение 15 дней со дня его вынесения.

В законопроекте № 217822–7 [12, с. 10] «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части установления возможности предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, благотворительным организациям, в том числе осуществляющим деятельность по социальной и трудовой реинтеграции лиц без определенного места жительства, в безвозмездное пользование» предусматривается возможность предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности в безвозмездное пользование благотворительных организаций на реализацию целей, ради которых эта благотворительная организация создана, в порядке и на условиях, определенных законодательством Российской Федерации. Это будет способствовать развитию благотворительных организаций и стимулированию их деятельности по всей стране, что, безусловно, положительно скажется как на отдельных категориях граждан, в отношении которых реализуется благотворительная деятельность, так и на обществе в целом.

На сегодняшний день законопроекты № 217770–7 и № 217802–7 отклонены Государственной Думой, а № 217812–7 и № 217822–7 всё еще находятся на рассмотрении.

В данный момент существует необходимость внесения в законодательство изменений, касающихся положения бездомных в российском обществе, причем начать необходимо именно с теоретической базы, которая определила бы границы понятий «место жительства», «место пребывания», в отношении лиц без определенного места жительства.

Вопросы правового регулирования социального статуса этой категории лиц требует дальнейшей проработки в нормативных актах Российской Федерации.

Литература:

1. Население частных и коллективных домохозяйств, домохозяйств бездомных по субъектам российской федерации [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol11/pub-11-3-5.pdf (Дата обращения: 01.10.2019);
2. Справедливая Россия» оценила число бомжей в РФ в 3–5 млн, Росстат — 64 тыс. в 2010 году [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://news.rambler.ru/community/37322974-spravedlivaya-rossiya-otsenila-chislo-bomzhey-v-rf-v-3-5-mln-rosstat-64-tys-v-2010-godu/> (Дата обращения: 27.09.2019);
3. Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25.06.1993 п 5242–1 (последняя редакция) // СПС «консультант плюс». [Электронный ресурс] — режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/>. (Дата обращения: 26.09.2019);

4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 — ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/>. (Дата обращения: 30.09.2019);
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N197-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/b618fae23b33471d3e7e3e373dd93fced4356b8/. (Дата обращения: 01.10.2019);
6. Информация ПФ РФ от 27.03.2019 «Россиянам без прописки социальная пенсия назначается по месту фактического проживания» // СПС «Консультант плюс». [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321146/. (Дата обращения: 01.10.2019);
7. Федеральный закон «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов »О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 22.08.2004 N122-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Консультант плюс». [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49025/. (Дата обращения: 03.10.2019);
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 26.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // СПС «Консультант плюс». [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/69470b15e4eb033f5bfa691094e1d083f32238e9/. (Дата обращения: 01.10.2019);
9. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/217770-7>. (Дата обращения: 06.10.2019);
10. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/217802-7>. (Дата обращения: 06.10.2019);
11. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/217812-7>. (Дата обращения: 04.10.2019);
12. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/217822-7>. (Дата обращения: 06.10.2019);

Полномочия прокурора по предупреждению нарушений миграционного законодательства

Максимова Евгения Владимировна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Ключевые слова: прокурор, миграция, профилактика правонарушений.

Экономическое развитие любого современного государства во многом предопределяется развитием миграционных процессов. Согласно Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для её дальнейшего поступательного развития [1].

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2017 год иностранные граждане и лица без гражданства совершили более 30,5 тыс. преступлений на территории РФ. По результатам правоприменительной

практики подразделений по вопросам миграции МВД России за 11 месяцев 2018 года при установлении фактов фиктивной регистрации иностранных граждан зарегистрировано 6 тыс. преступлений [2].

С учётом изложенного прокурорский надзор за исполнением миграционного законодательства приобрёл особую актуальность, в том числе как средство профилактики правонарушений и преступлений.

Согласно статье 2 Федерального закона от 23.06.2016 N182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», профилактикой правонарушений является комплекс правовых, организационных и иных мер, направленных на выявление

и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений. Поскольку для прокурора предупредительно-профилактическая работа, является одним из основных видов деятельности, частью 3 статьи 6 Федерального закона от 23.06.2016 N182-ФЗ ему предоставлена возможность применения и специальных мер профилактики.

Своевременно выявляя нарушения законов, устанавливая и устраняя обстоятельства, способствующие их нарушению, принимая исчерпывающие меры по привлечению к ответственности виновных лиц, прокурор тем самым способствует предупреждению правонарушений. И чем активнее и компетентнее осуществляется прокурорский надзор, в частности за исполнением миграционного законодательства, чем выше его эффективность, тем выше и результат в плане предупреждения правонарушений [3].

Более того, осуществляя надзор за исполнением законов в сфере миграции прокурор, используя полномочия по применению правовых средств прокурорского реагирования, способствует совершенствованию деятельности правоохранительных и иных органов, в том числе и их деятельности по предупреждению правонарушений.

В соответствии со статьей 25.1 Федерального закона от 17.01.1992 N2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор в целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях объявляет должностным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона [4]. Предостережение в отличие от других актов прокурорского реагирования имеет особую цель — не допустить нарушения закона. Оно применяется в том случае, когда закон еще не нарушен, но прокурору по результатам проведенной проверки стало известно, что конкретное лицо намерено в будущем нарушить закон. Применяя предостережение и тем самым непосредственно обращаясь к правонарушителям, прокурор располагает большими возможностями для проведения индивидуальной профилактической работы. При этом он обязательно разъясняет должностному лицу требования соответствующих правовых норм, нарушенных этим лицом, подчеркивает необходимость недопущения подобных нарушений в будущем и напоминает о возможных последствиях, если противоправные действия не будут прекращены.

Предупредительно-профилактическая деятельность прокурора предполагает знание причин и условий нарушений законов, в нашем случае миграционного законодательства. Наиболее полному установлению обстоятельств, способствующих совершению нарушений

миграционного законодательства, способствует, проведение совместных проверок исполнения законов с управлением по вопросам миграции МВД России, государственной инспекцией труда. Выявляя нарушения закона, по результатам таких проверок, прокурор вносит представление об устранении выявленных нарушений закона [5].

Представление прокурора об устранении нарушений закона, в соответствии с частью 1 статьи 24 Федерального закона «О прокуратуре РФ», вносится прокурором или его заместителем в орган или должностному лицу, которые обязаны устранить допущенные нарушения и подлежит безотлагательному рассмотрению.

Осуществляя надзор за исполнением миграционного законодательства прокурору необходимо усилить контроль за соблюдением требований, содержащихся в актах реагирования [6].

Дело в том, что нередко должностные лица, не принимая действенных мер к устранению выявленных прокурором правонарушений и способствующих им обстоятельств, отходят от отписками, дезинформируя тем самым прокурора. В связи с этим при последующих посещениях соответствующих органов (хозяйствующих субъектов, органов контроля и других) прокурорам необходимо на местах выяснять, какие принимались меры в связи с внесенным актом реагирования. В случаях игнорирования требований прокурора, необходимо принимать исчерпывающие меры, ставя вопрос о привлечении виновных лиц к ответственности.

Неотъемлемой частью профилактики нарушений закона является работа прокурора по организации правового просвещения и правовому информированию граждан. В Приказе от 02.08.2017 года № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию граждан» Генеральный прокурор отмечает, что деятельность ведомства в данном направлении должна быть направлена на повышения уровня правовой грамотности и развития правосознания граждан, оказания воспитательного воздействия в целях недопущения совершения правонарушений [7].

По-настоящему эффективные результаты по предупреждению правонарушений достигаются тогда, когда надзорные меры дополняются профилактическими. В связи с этим при непосредственных контактах прокурора с населением (проведении индивидуальных и групповых бесед, консультировании, чтении лекций), а также при использовании средств массовой информации основной упор рекомендуется делать на разъяснении гражданам требований, в частности, миграционного законодательства и ответственности в случае его нарушения.

Литература:

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. утв. Президентом РФ [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.kremlin.ru, свободны. — Загл. с экрана.

2. «Доклад по результатам правоприменительной практики, статистике типовых и массовых нарушений, а также руководства по соблюдению обязательных требований в сфере миграции» (утв. МВД России 21.12.2018)// Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315497 (дата обращения: 26.01.2019)
3. Прокурорский надзор / Под ред. Ю. Е. Винокурова. М., 2010. 396 с.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 N2202–1 (ред. от 27.12.2018) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019). СЗ РФ. 1995. N47. ст. 4472.
5. Абдулин Р. С. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. 220 с.
6. Винокуров К. Ю. Прокурорский надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции: Дис. канд. юрид. наук. М., 2004. 176 с.
7. Приказ Генпрокуратуры России от 02.08.2018 N471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию». Законность. N9. 2018.

Проблемы реализации социальной защиты сотрудников органов внутренних дел на современном этапе развития Российской Федерации

Миренкова Евгения Павловна, студент магистратуры;
Кременов Игорь Наумович, кандидат юридических наук, доцент
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Эффективность деятельности правоохранительных органов находится в зависимости от уровня социальной защиты их сотрудников. Значимость роли совершенствования системы социальных гарантий, предоставляемых сотрудникам органов внутренних дел увеличивается соразмерно с масштабами современных вызовов и угроз, стоящих перед Российской Федерацией. В том числе это связано с тем, что невысокий уровень доходов сотрудников полиции, назначаемых им пенсий, слабая обеспеченность жильем способствуют усилению социальной напряженности, толкают отдельных сотрудников на путь коррупции. В то же время от эффективности проводимой государственной политики в МВД России во многом зависит результативность правоохранительной деятельности.

В данной статье, проводя анализ некоторых правовых актов, касающихся социальной защиты такой категории граждан, как сотрудники органов внутренних дел, показано, что создание подлинно социального, правового государства — достаточно длительный процесс, требующий значительных усилий, как органов публичного управления, так и институтов гражданского общества.

Нестабильность жизни общества, сложные процессы, которые происходят в России, в значимой мере повлияли на кадровый состав органов внутренних дел. Вместе с тем, наряду с недостаточным уровнем материальной обеспеченности и социальной защищенности, увеличивалась и нагрузка на сотрудников. Все это привело, к уходу из органов внутренних дел опытных специалистов. На смену им приходили «случайные люди», не имевшие профессиональной подготовки, морально и психологически не подготовленные к прохождению службы в органах внутренних дел, что привело к резкому падению авторитета правоохранительных структур в глазах населения страны. Слабый кадровый состав подразделения правоохранительного органа, недостаточная квалификация, отсутствие профессионализма и явились причинами нарушения законности и служебной дисциплины в целом [9].

На повестку дня встают вопросы о том, какие специалисты нужны органам внутренних дел в современных условиях, каков должен быть их профессиональный уро-

вень, для того чтобы они были способны эффективно противостоять современным вызовам и угрозам национальной безопасности государства. И, наконец, какие меры следует принять для того, чтобы работа этих специалистов была максимально эффективной.

Особое место в обеспечении экономической безопасности органами внутренних дел принадлежит система социальных гарантий и в целом государственной социальной политике, проводимой в отношении сотрудников ОВД.

В. В. Митрохин утверждает, что «в современный период как никогда необходимо материальное стимулирование государственных служащих, публичное распределение социальных льгот» [8, с. 691–699]. С. П. Матвеев считает, что на современном этапе государственного развития «проведение модернизации правоохранительной службы невозможно без усиления гарантий социальной защищенности сотрудников органов внутренних дел» [7, с. 18].

Понятие «социально-правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел» (ОВД) активно вошел

в правовой лексикон в конце 80-х годов 20 века. Это деятельность государства по выработке и реализации системы мер правового, политического, социального, экономического, материально-технического и организационного характера, гарантированных нормативными актами в целях социальной обеспеченности жизни сотрудников и создания надлежащих условий для осуществления ими служебной деятельности. Исполнение сотрудниками ОВД возложенных на них обязанностей обеспечивается системой гарантий их социально-правовой защищенности и поддержки, представляющих собой соответствующие юридические средства, механизмы и процедуры [1].

Организация наиболее эффективной системы контроля со стороны общества за деятельностью правоохранительных структур было результатом тех реформ, которые начали проводиться. Социальные отношения в сфере внутренних дел регламентируются Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. «О полиции», Федеральным законом от 19 июля 2011 г. «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации», Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» и др.

В новых законах и иных нормативных правовых актах получают свое отражение основополагающие вопросы организации и деятельности органов правопорядка. Государству необходимо наряду с моральными стимулами устанавливать ряд стимулов материального характера, который должен непрерывно совершенствоваться и дорабатываться.

Так, например, в МВД России проводится работа по оптимизации нормативной базы по правовой и социальной защищенности сотрудников органов внутренних дел, понесших травмы при исполнении служебных обязанностей. При непосредственном участии МВД России подготовлены проекты законодательных и других нормативных правовых актов, которые направлены на улучшение правовой и социальной защищенности личного состава, а также ветеранов органов внутренних дел. Прежде всего в области теории мотивации и стимулирования труда, в которых обосновывается вывод о том, что оплата труда, а также социальные гарантии, предоставляемые работникам организаций различных организационно-правовых форм, играют решающую роль в схеме повышения результатов работы. Кроме того, они повышают эффективность деятельности как отдельно взятой организации, так и всего ведомства в целом [4–6]. Соответственно, государственная социальная политика, которая проводится в отношении сотрудников ОВД, также способна оказать влияние на результаты правоохранительной деятельности, улучшение ее эффективности и в итоге — на состояние безопасности в стране. В этой связи очевидно, что для повышения безопасности граждан особое значение имеют дальнейшее развитие системы социальных гарантий сотрудникам ОВД, внедрение новых методов формирования государственной социальной политики в МВД России, повышение эффективности практической реали-

зации положений действующего законодательства о социальных гарантиях. Основная роль в формировании доходов сотрудников ОВД, поддержании достойного уровня их жизни и в обеспечении эффективной работы правоохранительной системы принадлежит оплате труда. Важное место оплата труда занимает и в числе мер по регулированию трудовых отношений государственных служащих и их социальной поддержке.

С момента принятия основополагающих нормативных правовых актов, которые сегодня регламентируют деятельность органов внутренних дел и определяют в том числе режим социальной защиты сотрудников органов внутренних дел [1; 2; 3], проблемы его реализации, которые ранее были характерны для системы органов внутренних дел, значительно снижены [9].

Тем не менее, организация социальной работы кадровыми подразделениями усложняется частыми изменениями и дополнениями в нормативно-правовой базе, приводит к пробелам и противоречиям в работе кадровых подразделений. Как уже говорилось ранее, одной из важных составляющих социальной поддержки сотрудников органов внутренних дел является их денежное довольствие, которое включает в себя: оклад по занимаемой штатной должности, оклад по специальному званию, которые составляют оклад денежного содержания; процентную надбавку за выслугу лет; процентные надбавки за ученую степень и ученое звание; надбавки за работу с секретными сведениями, а также квалификационные звания по физической подготовке. Стоит отметить, что денежное содержание сотрудников полиции имеет большое значение, как для повышения престижа службы, социально-правового статуса сотрудников, так и укрепления законности и дисциплины полицейских [9].

Национальные интересы: приоритеты и безопасность которых являются медицинское, жилищное и пенсионное обеспечение, социальное страхование и профессиональное образование. Охрана здоровья сотрудников ОВД. Важная роль в проведении государственной социальной политики в МВД России отводится медицинскому обеспечению сотрудников. Это связано с тем, что служба в правоохранительных органах связана с повышенными требованиями, предъявляемыми к сотрудникам, — крепким здоровьем, физической выносливостью, психологической устойчивостью в стрессовых ситуациях. Более того, в связи с профессиональной деятельностью нередко подвергаются риску и опасности жизнь и здоровье сотрудников ОВД [10].

Неотъемлемой частью системы социальной защиты сотрудников ОВД является обязательное государственное страхование жизни и здоровья. Как показывает статистика в этой области, число ежегодно травмированных и погибших сотрудников достигает нескольких тысяч человек. Смысл института обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников полиции заключается в создании нового способа дополнительной социальной гарантии или специфического способа возмещения вреда, причиненного в процессе

выполнения служебных обязанностей, а страховые выплаты помогут пройти сотруднику полиции более полную реабилитацию, и приступить к исполнению своих профессиональных обязанностей. В случае гибели сотрудника полиции государственное страхование призвано в материальной форме «возместить» понесенную утрату его родственникам [3].

После принятия Федерального закона РФ от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» сложилась ясная структура, которая регулирует отношения в данной сфере.

Давая определение обязательного государственного страхования, следует обратиться к статьям 927 и 969 ГК РФ. В соответствии с ними под обязательным государственным страхованием следует понимать — установленное законом обязательное страхование жизни, здоровья и имущества граждан за счет средств, предоставленных из соответствующего бюджета. Данный вид страхования — единственный вид обязательного страхования, особо выделенный в ГК РФ. Неотъемлемое государственное страхование является одним из самых сложных видов страхования с юридической стороны. Основан он на гражданско-правовом договоре и допускает участие в страховании коммерческих организаций. Данные организации должны иметь лицензию, опыт в работе более одного года, отличаться финансовой стабильностью, а уставной капитал должен быть без участия иностранных инвестиций.

В соответствии со ст. 43 Закона «О полиции» все сотрудники полиции подлежат обязательному государственному личному страхованию. Заключая договор обязательного государственного страхования между страхователем и страховщиком в пользу третьего лица — застрахованного лица (выгодоприобретателя), необходимо знать, что содержание договора включает в себя перечень обязательств, страховых случаев, и способы выплаты страховых сумм. Срок действия договора об обязательном страховании один календарный год. На практике очень часто возникает вопрос, подлежат ли обязательному государственному страхованию стажеры, поскольку им специальные звания присваиваются только после истечения испытательного срока, да подлежат. Действительно, на время испытательного срока, на стажера распространяется законодательство Российской Федерации о труде. Однако, в соответствии со ст. 24 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел», на стажеров распространяется действие ст. 68 указанного закона, то есть стажеры наравне с сотрудниками органов внутренних дел подлежат обязательному государственному личному страхованию, и имеют полное право на выплату страховых сумм, при наступлении страхового случая [9].

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что крайне важными являются разработка и принятие концепции развития государственной социальной политики в МВД России на долгосрочную перспективу. В основу данной концепции должен быть положен методологический подход, основанный на определении комплекса мероприятий при проведении государственной социальной политики в МВД России, а также механизмов, институтов и инструментов, обеспечивающих ее эффективное функционирование.

Литература:

1. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
2. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 49. Ч. 1. Ст. 7020.
3. Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 30. Ч. 1. Ст. 4595.
4. Шапиро С. А. Мотивация и стимулирование персонала. М.: ГроссМедиа, 2005. 224 с.
5. Марр Р., Шмидт Г. Управление персоналом в условиях социальной рыночной экономики: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 450 с.
6. Ветлужских Е. Мотивация и оплата труда. Инструменты. Методики. Практика. М.: Альпина Паблишер, 2013. 152 с.
7. Матвеев С. П. Социальная защита государственных служащих: теоретические основы построения системы, практика осуществления и проблемы административно-правового регулирования: автореф. ...дис. д-ра юрид. наук. — Воронеж, 2012.
8. Митрохин В. В. Принципы организации и прохождения службы в органах внутренних дел // Административное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 691–699.
9. Маздогова З. З. Проблемы реализации социальной защиты сотрудников полиции на современном этапе: Проблемы в российском законодательстве // электронный юридический журнал. 2016 — режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy> — (Дата обращения: 03.10.2019).

10. Быковская Ю. В. Роль социальных гарантий сотрудникам органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности и необходимость их совершенствования: Национальные интересы: приоритеты и безопасность // электронный журнал. 2015 — режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh> — (Дата обращения: 04.10.2019).

К вопросу о социально-юридической обоснованности выделения специальных составов мошенничества, связанных с использованием информационных технологий

Моравский Дмитрий Анатольевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Подавляющее большинство направлений современной человеческой деятельности в той или иной степени связаны с информационными технологиями, прочно вошедшими в различные сферы жизни (в экономику, промышленность, транспорт, образование, культуру, медицину и проч.). Развитая информационная инфраструктура способствует социально-экономическому прогрессу, созданию и распространению научно-технической информации. Объединение компьютеров в сети дает возможность быстрого обмена информацией между пользователями в любом месте земного шара. Сегодня сложно представить предоставление услуги, куплю-продажу товара, не подразумевающие безналичную оплату с использованием банковских карт, а также посредством различных платежных систем, включая так называемые электронные деньги.

Однако компьютеризация общества влечет не только положительные, но и отрицательные последствия, развитие информационных технологий влечет и рост преступлений в данной сфере. Согласно данным о состоянии преступности в России [3] из всех зарегистрированных преступлений в январе 2019 года, более трети составили преступления, связанные с хищениями. При этом количество хищений совершенных путем обмана (мошенничество), по сравнению с аналогичным периодом прошлого года возросло на 8,8%. Аналогичные данные показывает и статистика за предыдущие годы — львиная доля всех преступлений относится к хищениям. Как показывает практика, такое явление как мошенничество распространяется в различных сферах жизни «в ногу со временем», преступным элементом нашего общества активно используются технические возможности злоупотребления своими правами и посягательства на имущественные права других граждан. Таким образом, в связи с активизацией развития информационных технологий, интенсивно внедряющихся в общество, одной из самых актуальных задач правовой доктрины и судебно-следственной практики становится совершенствование правовой регламентации общественных отношений, складывающихся в области создания и обеспечения информационной безопасности.

За последние годы законодатель не раз реагировал на складывающуюся ситуацию, выделяя деяния, ранее подпадавшие под ст. 159 УК РФ в отдельные составы преступления [1], акцентируя внимание на способе и средстве их совершения, в том числе, связанном с платежными банковскими картами (ст. 159.3 УК РФ) или с манипуляциями с компьютерной информацией (ввод, удаление, блокирование, модификация), позволяющими совершить хищение (ст. 159.6 УК РФ).

В процессе правотворческой деятельности, инициаторы введения изменений в УК в пояснительной записке к законопроекту, указали на то, что данный закон направлен на дифференциацию различных видов мошенничества, необходимость которой, обусловлена тем, что указанные преступления совершаются в самых различных сферах общественных отношений, затрагивают интересы, как отдельных граждан, так и больших групп граждан и причиняют общественным отношениям существенный вред [2]. Однако, с течением времени, с учетом формирующейся судебной практики, по прошествии почти пятнадцати лет, правоприменитель приходит к выводу о том, что вновь принятые уголовно-правовые нормы о мошенничестве вызывают на практике существенные сложности. Среди них, например, проблемы конкуренции уголовно-правовых норм, предусматривающих различные виды мошенничества, отграничения мошенничества от смежных составов преступлений, квалификации мошенничества по совокупности с другими преступлениями, определения содержания новых терминов, раскрывающих признаки специальных видов мошенничества, проблему дифференциации уголовного наказания за различные виды мошенничества и проч. [5]. Инициатором данного законопроекта выступил Верховный Суд РФ, который на основе анализа правоприменительной практики, сложившейся к тому периоду, счел необходимым предложить отдельные виды мошенничества в зависимости от сферы. Фактически на тот период сложилась аномия вокруг мошенничества, поэтому преступники с легкостью уходили от ответственности, прикрываясь якобы неудачной предпринимательской деятельностью или притворными гражд-

данско-правовыми сделками. Выделение специальных видов мошенничества, по сути явилось первым шагом в «наведении порядка» в правилах ведения предпринимательской деятельности в России, области страхования, кредитования и др. Первоначальная редакция новых норм выглядела вполне оправдано и последовательно, исходя из тех целей, которые преследовал Верховный Суд РФ: обеспечение защиты граждан от мошенничества, дифференциация ответственности за мошенничество разных видов, уход от гражданско-правовых споров при наличии признаков мошенничества путем более казуистичного отражения норм о мошенничестве в уголовном законе. Пределы возможного наказания в виде лишения свободы, которые предусматривал законопроект, в сравнении с пределами наказания, предусмотренными в основной норме о мошенничестве, были одинаковы. Отличие изложенных в законопроекте норм от ст. 159 УК РФ было только в наборе квалифицирующих признаков. В результате поправок, внесенных Комитетом Государственной

Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству санкции и размеры причинного ущерба были существенно изменены, а вступивший в силу закон сегодня не критикует только ленивый. Данная критика имела свой небольшой, но все же позитивный результат. В ходе пересмотра всех составов мошенничества в июне 2016 года законодатель частично изменил санкции и размеры причиненного ущерба, что с одной стороны несколько исправило ситуацию. В то же время данный закон внес больше хаоса в систему специальных составов мошенничества.

В целом в научных кругах критически оценивается деление мошенничества на самостоятельные виды, что обусловлено многочисленными сложностями в правоприменительной деятельности, как верно по данному поводу заметила Н. А. Лопашенко «...правоприменение ставит новые вопросы, вызванные неловкостью законодателя, и они требуют ответов, и уже не неловких, а правильных, точных...» [4].

Литература:

1. Федеральный закон от 29.11.2012 N207-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2012.
2. Паспорт проекта Федерального закона № 53700—6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности (М.). URL: <http://www.asozd2.duma.gov.ru>
3. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России, представленный Генеральной прокуратурой РФ // <http://crimestat.ru/analytics> [дата доступа: 14.03.2019]
4. Лопашенко Н. А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т. 9. № 3. С. 511.
5. Шеслер А. В. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. № 2; Шевелева С. В., Урда М. Н. Проблемы применения ст. 159.1 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 6. С. 70—73.

Международно-правовая защита прав мигрантов

Мурадова Дурдонахон Ойбек кизи, помощник юрисконсульта
Республиканский социально-информационный центр ISTIQBOLLI AVLOD (г. Ташкент, Узбекистан)

Как нам известно, международная трудовая миграция представляет собой процесс перемещения трудовых ресурсов из одной страны в другую с целью трудоустройства на более выгодных условиях, чем в стране происхождения. Помимо экономических мотивов процесс международной миграции обуславливается также сообщениями политического, этнического, культурного, семейного и иного характера. Таким образом, международная миграция рабочей силы является частью широкого явления — международной миграции населения, когда данный процесс не связан прямо с трудоустройством. Международная миграция включает две основные составляющие: эмиграцию и иммиграцию. Под эмиграцией понимается выезд из страны на постоянное место житель-

ства, под иммиграцией — въезд, в страну на постоянное место жительства. Международная миграция включает также процесс репатриации — возвращение в страну происхождения ранее выехавших из нее граждан. [1]

В зависимости от **географических направлений** различают: внешнюю и внутреннюю миграцию населения. Под внутренней понимается перемещение населения между городами и регионами одной страны, а под внешней — из одной страны в другую. В свою очередь, внешняя миграция делится на:

- межконтинентальную;
- внутриконтинентальную.

В зависимости от **долговременности каждого перемещения**, миграция населения делится на:

- постоянную, или безвозвратную (имеет характер межконтинентальная миграция и миграция из села в город);
- временную, как правило, внутриконтинентальную;
- сезонную, связанную с ежегодными поездками на заработки или кочевники;
- маятниковую, предусматривающую ежедневные поездки к месту работы за пределы своего населенного пункта.

В зависимости от **правового статуса** миграция может быть легальной и нелегальной.

Как следствие признания суверенных прав государства на вопросы допуска иностранцев, иммиграционный контроль как таковой в целом лежит за рамками обязательств государств по обеспечению прав человека. Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают, 1985 г. гласит, что ничто в Декларации не должно толковаться как узаконивающее незаконное проникновение иностранца в государство, как ограничивающее право любого государства принимать законы и правила, касающиеся въезда иностранцев и условий их пребывания.

Не всякий иностранец, въезжающий в страну, гражданства которой он не имеет, является мигрантом в собственном смысле слова. В наиболее общем виде, под мигрантами понимают людей, изменивших место своего обычного проживания. Рекомендации по статистике международной миграции, подготовленные в рамках ООН, предлагают отличать мигрантов от международных посетителей, иначе — туристов, определяемых как людей, прибывающих в государство, не являющееся государством их гражданства, на срок до одного года и не имеющих целью занятие деятельностью, оплачиваемой из источника в государстве пребывания. Таким образом, мигрантом является лицо, проживающее более года на территории государства, к гражданству которого это лицо не принадлежит (долгосрочный мигрант), или проживающее на территории иностранного государства более трех месяцев, но менее года, за исключением случаев прибытия для проведения отпуска, посещения друзей или родственников, по делам, для лечения или паломничества (краткосрочный мигрант). Отдельные категории пребывающих в государстве лиц традиционно не учитываются в миграционной статистике: дипломатические представители или работники консульских учреждений, равно как их иждивенцы и домашние работники, военнослужащие, кочевники. В свою очередь, нелегальные мигранты — это лица, которые в поисках работы въезжают в страну нелегально или прибывают в неё на законных основаниях и нелегально трудоустраиваются. [2]

Исходя из этого, вопрос международно-правовой защиты прав человека сопрягается с регулированием миграции в осуществлении людьми права на свободу передвижения, в запрете высылки (*non-refoulement*), дискриминации, а также реализации права на обжалование решений и воссоединение семьи. Так, например, право на

свободное передвижение закреплено в ст. 13 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.: каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства, каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну. Что также указывается в статье 28 Конституции Республики Узбекистан, где гражданин Республики Узбекистан имеет право на свободное передвижение по территории республики, въезд в Республику Узбекистан и выезд из нее, за исключением ограничений, установленных законом. Касательно Специальных прав мигрантов, они закреплены в трех основных документах: Конвенции Международной организации труда (МОТ) N97 о правах мигрантов (пересмотренной) 1949 г., Конвенции МОТ N143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения 1975 г. и Конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.

По состоянию на июль 2008 г. государствами-участниками Конвенции 1949 г. являются 47 стран, включая Бельгию, Францию, Германию, Италию, Нидерланды, Португалию, Испанию и Великобританию. У Конвенции 1975 г. 23 государства участника, в том числе члены ЕС Кипр, Италия, Португалия и Швеция. Конвенция 1949 г. касается, по сути, только законно нанятых мигрантов, хотя в ней и есть различные положения, которые могут противоречить действующей политике возвращения мигрантов (например, репатриация мигрантов, проживающих в стране более пяти лет, не должна «в принципе» осуществляться). Конвенция 1975 г. была принята специально для решения обостряющейся проблемы нерегулируемой миграции, очевидной уже в 1970-х годах. В частности, часть I касается незаконной работы, преследования не только работников, но и работодателей и обеспечения равного отношения к незаконным мигрантам. Кроме того, потеря работы не считается достаточным основанием для аннулирования разрешения на работу или вида на жительство. [3] Большинство положений этой конвенции в большей или меньшей степени воспроизведено в Конвенции ООН 1990 г. Конвенция 1990 г. — это комплексный документ, кодифицировавший и конкретизировавший права человека применительно к трудящимся-мигрантам. Он содержит гражданские, политические, экономические, социальные, культурные права человека, специальные нормы, касающиеся прав женщин, детей. Перечисленные в Конвенции права разбиты на две группы, первая из которых применима ко всем трудящимся-мигрантам независимо от законности их пребывания в государстве, а вторая — лишь к надлежаще оформленным. Примерами прав первой группы служат право на жизнь (ст. 9), свобода от рабства или принудительного труда (ст. 11), запрет тюремного заключения на основании невыполнения какого-либо договорного обязательства (ст. 20) и др.; во второй группе закреплены такие права, как право на участие в профсоюзах (ст. 26), равный

доступ к социальному обеспечению (ст. 27), право на получение срочной медицинской помощи (ст. 28), равенство доступа к государственному образованию (ст. 30) и др.

Последнее десятилетие 20-го века было отмечено большими изменениями в экономической и политической жизни стран Центральной и Восточной Европы, включая новые независимые государства, образовавшиеся после распада СССР. Одним из наиболее важных компонентов этих изменений является выход всех стран этого региона из миграционной изоляции и их активное включение в мировой миграционный обмен.

Республика Узбекистан исторически является многонациональным государством и центром миграции населения в Центральной Азии. Так, в период существования СССР, где было единое миграционное пространство без границ, ей были свойственны различные виды активного передвижения населения. Свойственна была также внутренняя и внешняя трудовая миграция. Работники разного профиля направлялись по государственному организованному набору в труднодоступные северные районы России, а жители отдалённых селений самостоятельно выезжали на сельскохозяйственные работы или торговали своей продукцией в соседних республиках. Кроме того, в определённый период времени Узбекистан был принимающей страной: для беженцев, прибывших в результате военных или иных конфликтов (последствия Второй мировой войны, вынужденное переселение крымских татар и других этнических групп), стихийных бедствий, или рабочих для строительства объектов союзного значения (привлечение строителей из союзных республик для восстановления последствий землетрясения 1966 г. в столице г. Ташкенте, также для строительства ирригационных, горнодобывающих и иных объектов, освоения степных и пустынных земель). В целях открытия учебных заведений и обучения в ВУЗах прибывала молодёжь, в том числе, из дальнего зарубежья (Среднеазиатский педиатрический институт, Ташкентский государственный университет и др.) Кроме того, развитая туристическая инфраструктура сделала Узбекистан центром мирового масштаба по приёму туристов для посещения древних городов Самарканда, Бухары и Хивы. Из года в год, вследствие принимаемых правительством позитивных решений, касающихся привлечения иностранных граждан в страну для развития туристического потенциала страны, наблюдается следующая тенденция. Так, количество иностранных граждан, посетивших Узбекистан по итогам января-июня 2019 года, составило 3694,6 тыс. человек. Данный показатель возрос, по сравнению с соответствующим периодом прошлого года, на 35,7%. Что касается выезда граждан Узбекистана за рубеж, то здесь их количество достигло 6207,4 тыс. человек. По сравнению с январем-июнем 2018 года, этот показатель снизился на 11,3%. Судя по динамике численности приехавших иностранных граждан в Узбекистан, отмечен их значительный приток в период с января — июня 2018 года по январь — июнь 2019 года — рост составил 971,9 тыс.

человек. Между тем поток граждан Узбекистана за рубеж сократился с 7002,1 тыс. человек в январе-июне 2018 года до 6207,4 тыс. человек за соответствующий период 2019 года. В страны СНГ выехали граждане Узбекистана в количестве 5918,5 тыс. человек, среди которых 3368,2 тыс. человек поехали к родственникам, 1916,3 тыс. человек выехали на заработки, 60,4 тыс. человек — с туристической целью. В страны дальнего зарубежья поехали 288,9 тыс. граждан Узбекистана, из них 178,9 тыс. человек — с туристической целью, 41,1 тыс. человек — работать и т.д. Если исходить из анализа данных распределения граждан Республики Узбекистан, выехавших в январе — июне 2019 года по возрасту, то, можно заключить, что основную долю выехавших составили лица в возрасте 31–55 лет — 53,3%, 19–30 лет — 30,2%, 56 лет и старше — 11,8%, 0–18 лет — 4,7%. С туристической целью выехали 52,6% граждан в возрасте 31–55 лет, 19,4% — 19–30 лет, 20,0% — 56 лет и старше. Выехали учиться 84,5% лиц в возрасте 19–30 лет, 7,7% — в возрасте до 18 лет. Со служебной целью покинули страну 69,9% лиц в возрасте 31–55 лет, 18,5% — в возрасте 19–30 лет. [4]

Подводя итог, необходимо отметить, что в целях обеспечения качественных и доступных услуг в сфере трудоустройства граждан, постановлением Президента Республики Узбекистан внедряется принципиально новая схема оказания услуг органами по труду по принципу «одно окно», предусматривающая оказание всего комплекса в любой точке доступа, в том числе в органах самоуправления граждан, с активным внедрением интернет-услуг в сферу трудоустройства и содействия занятости, предусматривается проработать вопросы расширения сети филиалов Агентства по внешней трудовой миграции, обеспечивающих организованное трудоустройство граждан нашей страны за рубежом. Постановления правительства об изменениях в регулировании внешней трудовой миграцией направлены, как отмечается в самих актах, на дальнейшее совершенствования системы, кардинального расширения ее организованных форм, обеспечения защиты трудовых и социальных прав граждан, выезжающих на работу за пределы республики, расширения вовлечения в предпринимательскую и трудовую деятельность вернувшихся из-за рубежа трудовых мигрантов, а также последовательной реализации задач, определенных Стратегией действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах. [5]

Учитывая, что в центре миграционных процессов стоит человек, следовательно, трудящийся-мигрант должен обладать всем спектром трудовых и социально-культурных прав, регламентированных национальными и международными документами. В государствах должны существовать национальные механизмы эффективной юридической и иной защиты мигрантов на законодательном и практическом уровне. Для повышения уровня осведомленности о правах и обязанностях трудовых мигрантов, необходимо создать пункты для предоставления регулярных бес-

платных юридических консультаций гражданам, которые собираются выезжать на заработки за границу. Было бы целесообразным создать такие пункты во всех областях Республики Узбекистан. В свою очередь, унификация законодательства и ратификация Узбекистаном основополагающих международных актов в области прав человека и необходимость их имплементации в национальное законодательство определяет необходимость дальнейшей разработки национальной базы в данной области. Собственная правовая база по вопросам трудовой миграции значительно облегчит процесс присоединения Респу-

блики Узбекистан к ряду международных договоров. Принятие закона «О трудовой миграции» станет необходимым этапом на пути подключения нашей республики к механизму международно-правовой защиты трудовых мигрантов и закрепит фундаментальные основы миграционной политики Республики Узбекистан. Очевидно, что активизация процесса реформирования в Узбекистане подтверждает выбор страны в пользу дальнейшего наращивания взаимовыгодного регионального сотрудничества, в том числе в сфере экономической интеграции государств Центральной Азии.

Литература:

1. Международные экономические отношения: Учебник / Под ред. Б. М. Смитенко. — М.: ИНФРА-М, 2005.
2. Рязанцев С., Ткаченко М. «Мировой рынок труда и международная миграция», 2010 г.
3. Рекомендации по статистике международной миграции. 1-е изд., пересм. Демографический отдел. Департамент по экономическим и социальным вопросам. ООН. Нью-Йорк, 1998 // Док. ООН
4. <https://www.stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-komiteta/7270-4634634643-2>
5. Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегий действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан» № УП-4947, 07.02.2017 // Национальной базе данных законодательства Республики Узбекистан (www.lex.uz). URL: <http://lex.uz/search/nat?actnum=4947> (дата обращения: 11.10.2019).

Реестр требований кредиторов

Павлюченков Алексей Андреевич, студент магистратуры;

Наумова Елена Анатольевна, старший преподаватель

Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России

Реестр требований кредиторов ведется арбитражным управляющим и содержит следующие сведения:

- Размер требования;
- Очередность удовлетворения требований;
- Основания удовлетворения;
- Дата погашения требования.

Включение и исключение из реестра происходит на основании определения суда, который ведет дело о банкротстве должника. Не являются основанием для включения в реестр кредиторов решения и определения судов, которые признали обязательства должника обоснованными.

Собрание кредиторов, как отмечается в науке, это правосубъектное объединение участников, которые объединены общим интересом, организационно не связаны между собой [1].

Хотя законодатель не дает собранию кредиторов правового статуса, тем не менее ход и развитие процедуры банкротства, его сроки определяет именно собрание кредиторов. Собрание кредиторов вправе назначать арбитражного управляющего воздействовать на органы управления должника.

Перечисление прав и полномочий кредиторов:

1. выбор процедуры банкротства;
2. утверждение плана и определение сроков финансового оздоровления и внешнего управления;

3. Выбор и утверждение арбитражного управляющего;

4. Создание комитета кредиторов и определение его функций;

5. Определение размера вознаграждения арбитражного управляющего;

6. Избрание председателя собрания.

Полномочия собрания кредиторов в части определения размера вознаграждения арбитражного управляющего могут провоцировать злоупотребление полномочиями арбитражным управляющим. Имея личную финансовую заинтересованность, арбитражный управляющий может преследовать интересы кредиторов в ущерб интересов должника.

Конкурсные условия кредиторов имеют право созывать собрания кредиторов, но только те из них, которые имеют 10% и более от общей суммы требований или если количество инициаторов собрания составляет 1/3 от общего числа кредиторов.

В соответствии с Постановлением конституционного суда РФ от 22.07.2002 № 14-П, процедура банкротства предполагает принуждение меньшинства кредиторов большинством [2].

Участниками собраний кредиторов являются:

1. Участники с правом голоса;
2. Участники без права голоса;

Для участия в голосовании на собраниях кредиторов требования кредитора должны быть включены в реестр требований кредиторов. Число голосов, находящихся в распоряжении кредитора, прямо пропорционально размеру его требования. При определении размера требований не учитываются денежные санкции (пени, неустойки, штрафы и др.). Решение на собрании принимают самые крупные кредиторы с подавляющим числом голосов.

Например, на момент проведения собрания кредиторов только требования двоих кредиторов включены в реестр требований. У первого кредитора размер требований составляет пятьсот тысяч рублей, у второго кредитора размер требований равен шестистам тысячам рублей. Так как при голосовании решения принимаются большинством голосов, то решение, вынесенное собранием, определит второй кредитор. Но такое главенствующее положение второго кредитора будет до тех пор, пока по решению суда не будет включен еще один кредитор с большим размером требований. До этого момента второй кредитор будет принимать все решения самостоятельно и в свою пользу. Например, выбирать удобную для себя процедуру банкротства или аффилированного арбитражного управляющего. Естественно, что при таких обстоятельствах могут нарушаться права и интересы других кредиторов.

Права залоговых кредиторов с точки зрения права голоса сильно ограничены по сравнению с дру-

гими кредиторами третьей очереди. Залоговые кредиторы имеют право голоса только, если не хотят реализовывать заложенное имущество и только в рамках процедур финансового оздоровления и наблюдения. Права залоговых кредиторов определены п. 1 ст. 12 Федерального закона от 26.10.2002 N127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

На основании проведенного исследования, основанного на анализе законодательных актов, рассмотрения теоретических материалов и изучения правоприменительной практики, можно сделать следующие выводы:

1. Законодательно нормативная база в сфере конкурсного права была всесторонне рассмотрена, в ходе чего было разработано несколько предложений по усовершенствованию законодательства в области правомочий разных видов кредиторов;

2. Закрепить законодательно норму, которая бы сбалансировала правомочия текущих и реестровых кредиторов и лишала привилегий внеочередного удовлетворения требований.

Подводя итог, можно сказать, что проблемы при взыскании задолженности юридическими лицами с должника в процедуре банкротства были рассмотрены комплексно, в ходе чего отмечены наиболее значимые моменты и предложены пути дальнейшего совершенствования законодательства.

Литература:

1. Долинская В. В. К вопросу о развитии системы участников гражданского оборота // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2015.
2. Постановлением конституционного суда РФ от 22.07.2002 № 14-П.
3. Юлова Е. С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Е. С. Юлова. — М.: Издательство Юрайт, 2016. Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 N35 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве».
5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. N29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».
6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. N58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя».
7. Федеральный закон от 26.10.2002 N127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
8. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 26.11.2001 N146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // «Российская газета», N233, 28.11.2001.

Проблемы, возникающие при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве на досудебных стадиях уголовного судопроизводства

Пронина Екатерина Александровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Главой 40.1 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) закреплена процедура заключения с подозреваемыми лицами в со-

вершении преступления досудебного соглашения о сотрудничестве. Данным правовым актом определен порядок подачи заявления о заключении досудебного согла-

шения о сотрудничестве, а также порядок его заключения и прочие процессуальные процедуры.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве в российском законодательстве начал формироваться с принятием УПК РФ. Ранее в УПК РСФСР такого института не было в силу специфики законодательства и политической направленности. Возникновение данного института в УПК РФ направленно на улучшение борьбы с организованной преступностью и иными тяжкими и особо тяжкими преступлениями, совершенными по предварительному сговору.

Несмотря на то, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве действует в российском правовом пространстве уже почти десять лет, до сих пор существуют проблемные вопросы, связанные с заключением досудебного соглашения с обвиняемым или подозреваемым. Рассмотрим ряд таких проблем в настоящем исследовании.

Прежде всего, следует отметить, что вступление в действие гл. 40.1 УПК РФ привнесло много неясностей по вопросу реализации законных интересов личности подозреваемого (обвиняемого).

Первая, по нашему мнению, проблема возникает еще в момент подачи заявления о ходатайстве подозреваемого (обвиняемого) прокурору о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Напомним, что такое ходатайство подается подозреваемым (обвиняемым) через следователя, который обязан рассмотреть его и принять соответствующее решение: либо направить данное ходатайство прокурору либо отказать в его удовлетворении с вынесением соответствующего постановления. И тут, на наш взгляд, возникает первоначальное ущемление права на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым), так как у следователя отсутствует обязанность уведомлять прокурора о вынесении решения об отказе в удовлетворении ходатайства. Фактически никто, в том числе руководитель следственного органа, не будет знать о желании стороны защиты заключить досудебное соглашение [1]. Таким образом, изначально решение о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве принимается следователем единолично, по его усмотрению.

Принимая во внимание, что учет отказов следователя в удовлетворении ходатайств о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве отсутствует, основания таких отказов в удовлетворении ходатайств никем не анализируются, масштабы возможного следовательского волюнтаризма и злоупотреблений полномочиями можно только предполагать.

Полагаем, что коль скоро сторону обвинения в досудебном соглашении о сотрудничестве представляет прокурор (именно он подписывает указанное соглашение и несет за него ответственность), то именно прокурор должен определять необходимость заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и никто другой не может решать судьбу ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении такого соглашения. А это значит,

что при любой позиции следователя ходатайство должно «доходить» до прокурора: с постановлением следователя об удовлетворении заявленного ходатайства, либо с постановлением следователя об отказе в его удовлетворении.

Представляется, что оба этих постановления должны быть согласованы с руководителем следственного органа. Желание законодателя сделать процедуру заключения досудебного соглашения экономичной за счет «первичного отбора», создания определенного «буфера» в лице следователя, на наш взгляд, не совсем оправдано.

Нам представляется, что ввиду особой важности для государства института, урегулированного нормами главы 40.1 УПК РФ, такое решение должно приниматься коллегиально. Предлагается внести изменения в ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ и добавить положение, согласно которому в случае вынесения следователем отказа в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, он должен в течение трех дней согласовать данное решение с прокурором.

Уместным будет вопрос о том, почему согласовывать решение об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должен именно прокурор, а не руководитель следственного органа, как в случае с принятием положительного решения следователя.

На наш взгляд, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) именно прокурор является основным участником такого соглашения от стороны обвинения, так как он определяет условия вышеуказанного сотрудничества, оценивает значимость информации обвиняемого (подозреваемого), определяет полноту выполненных подозреваемым (обвиняемым) действий, дает итоговую оценку результатам заключенного досудебного соглашения в суде [2].

Думается, что предложенные изменения способствовали бы снижению количества обращений в суд в порядке ст. 125 УПК РФ с жалобами на решения следователя и руководителя следственного органа, так как прокурор мог бы устранить нарушения прав подозреваемого (обвиняемого) самостоятельно.

Еще одной серьезной проблемой, препятствующей соблюдению принципа законности при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве является отсутствие указания в ст. 46 и 47 УПК РФ права подозреваемого (обвиняемого) заключить досудебное соглашение о сотрудничестве. В данном случае, следователь не обязан разъяснять подозреваемому и обвиняемому их право на заключение указанного соглашения.

По мнению И. В. Ткачева и О. Н. Тиссена, необходимо закрепить рассматриваемое право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве в законе и детально разъяснить его основные положения и правовые последствия в процессе допроса подозреваемого или обвиняемого, внося в соответствующие бланки протоколов [3]. Авторы поясняют, что если подобное право будет представлено в бланке лишь лаконичной фразой о возмож-

ности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве без краткого указания его правовых последствий, возникает вероятность неяснения подозреваемым (обвиняемым) явных преимуществ для себя при его заключении и, как следствие, потеря стороной обвинения возможности раскрытия преступлений.

Сходное понимание демонстрирует Е. А. Артамонова: «По смыслу закона в самом соглашении о сотрудничестве должны быть прописаны конкретные действия лица, выразившего желание сотрудничать со следствием, в том числе и дача показаний. Значит, право на заявление ходатайства должно быть разъяснено лицам, участвующим в совершении преступления, с момента приобретения ими статуса подозреваемого или обвиняемого перед первым допросом следователем» [4].

Интерес представляет суждение В. М. Быкова. Он также подчеркивает, что подозреваемому и обвиняемому «необходимо получить четкое и ясное представление о своих правах и обязанностях по заключаемому соглашению с прокурором до того, как они подпишут это соглашение» [5].

Литература:

1. Колесник В. В. Некоторые пробелы в законодательном регулировании досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // Наука. Мысль: электронный журнал. 2015. № 9. С. 97.
2. Багаутдинов К. Ф. Отдельные вопросы реализации досудебного соглашения о сотрудничестве // Юрист-правовед. 2018. № 1 (84). С. 34.
3. Ткачев И. В., Тиссен О. Н. Сравнительный анализ правовой регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве и особого порядка судебного разбирательства в российском уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2011. № 1. С. 80.
4. Артамонова Е. А. Кто должен разъяснить обвиняемому право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве? // Российский следователь. 2011. № 2. С. 9.
5. Быков В. М. Защита прав и интересов потерпевшего при заключении стороной обвинения соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым // Следователь. 2010. № 3. С. 9.

Уголовно-процессуальные основания и порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве

Пронина Екатерина Александровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Глава 40.1 УПК РФ [1] предусматривает довольно сложную процедуру заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и порождает немало вопросов при ее практическом применении.

В соответствии с ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ заключение досудебного соглашения о сотрудничестве иницируется подозреваемым или обвиняемым путем заявления ходатайства. Однако источник информирования их о такой возможности законом определен. УПК РФ не содержит нормы, обязывающей орган, ведущий предварительное расследование, разъяснять подозреваемому или обвиня-

Однако выгодность точки зрения В. М. Быкова, в отличие от других авторов, заключается в том, что он предлагает составлять отдельный протокол о разъяснении подозреваемому, обвиняемому норм УК и УПК РФ, которые регламентируют заключение соглашения с прокурором о сотрудничестве.

Данный протокол должны подписать следователь, подозреваемый или обвиняемый и его защитник. Только после этого может быть составлено подозреваемым или обвиняемым или его защитником ходатайство прокурору о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, которое полагается следователю.

На основании вышеизложенного, считаем, что необходимо дополнить ч. 4 ст. 46 и ч. 4 ст. 47 УПК РФ правами подозреваемого и обвиняемого на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве.

Таким образом, в данном исследовании на основе анализа действующего законодательства были выявлены проблемы, связанные с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, а также предложены пути их преодоления.

емому право именно на заключение соглашения о сотрудничестве.

В соответствии с ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве представляется прокурору подозреваемым или обвиняемым, его защитником, через следователя.

Согласно ч. 3 ст. 317.3 УПК РФ соглашение о сотрудничестве подписывается прокурором, подозреваемым или обвиняемым, его защитником. Из анализа цитируемой части ст. 317.3 и п. 61 ст. 5 УПК РФ следует вывод, что досудебное соглашение о сотрудничестве является двусто-

ронним. Между тем, в соответствии с ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве представляется прокурору через следователя.

Следователь, получив указанное ходатайство, в течение трех суток с момента его поступления либо направляет его прокурору вместе с согласованным с руководителем следственного органа мотивированным постановлением о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, либо выносит постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. При этом отказ следователя в удовлетворении ходатайства не требует согласования даже с руководителем следственного органа.

Принимая во внимание, что учет отказов следователя в удовлетворении ходатайств о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве отсутствует, основания таких отказов в удовлетворении ходатайств никем не анализируются, масштабы возможного следовательского волюнтаризма и злоупотреблений полномочиями можно только предполагать.

Полагаем, что коль скоро сторону обвинения в досудебном соглашении о сотрудничестве представляет прокурор (именно он подписывает указанное соглашение и несет за него ответственность), то именно прокурор должен определять необходимость заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и никто другой не может решать судьбу ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении такого соглашения. А это значит, что при любой позиции следователя ходатайство должно «доходить» до прокурора: с постановлением следователя об удовлетворении заявленного ходатайства, либо с постановлением следователя об отказе в его удовлетворении.

Представляется, что оба этих постановления должны быть согласованы с руководителем следственного органа. Желание законодателя сделать процедуру заключения досудебного соглашения экономичной за счет «первичного отбора», создания определенного «буфера» в лице следователя, на наш взгляд, не совсем оправдано.

Буквальное толкование нормы, содержащейся в ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ, позволяет сделать вывод о том, что следователю всегда проще вынести просто постановление об отказе в удовлетворении такого ходатайства, нежели готовить «мотивированное» постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения, да еще согласовывать его с руководителем следственного органа, тем более что конкретные основания для отказа

в удовлетворении такого ходатайства уголовно-процессуальным законом не установлены.

Как показывает практика, доля направленных в суд дел, по которым заключены досудебные соглашения о сотрудничестве, ничтожно мала — около 0,7% [2]. А это значит, что нагрузка, связанная с заключением досудебных соглашений о сотрудничестве, позволяет рассматривать прокурорам все ходатайства подозреваемых или обвиняемых о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, независимо от позиции следователя, ведущего предварительное следствие по делу, и руководителя следственного органа.

С другой стороны, отказ в удовлетворении ходатайства подозреваемого или обвиняемого в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не может быть мотивирован лишь представлением стороны обвинения о целесообразности его заключения.

Из — за публичного характера такого соглашения в желании подозреваемого или обвиняемого оказать содействие следствию в раскрытии и расследовании преступления может быть отказано только в связи с очевидной ложностью или недостоверностью, либо явным опозданием, когда преступление уже полностью раскрыто, дело расследовано и все соучастники разоблачены.

Кроме того, основанием для отказа в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть отсутствие необходимости в нем из-за наличия такого соглашения с другим соучастником, «опередившим поделщика», от которого ожидается содействие. Однако, на наш взгляд, все основания для отказа в заключении досудебного соглашения должны быть предусмотрены в УПК РФ.

В связи с этим предлагаются два пути решения названной проблемы:

Вариант первый — внести в ч. 3 ст. 317.1 и ч. 1 ст. 317.2 УПК РФ соответствующие изменения и дополнения, касающиеся направления прокурору и рассмотрения последним наряду с ходатайством подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как согласованного с руководителем следственного органа мотивированного постановления следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении такого досудебного соглашения, так и согласованного с руководителем следственного органа мотивированного постановления об отказе в удовлетворении ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Вариант второй — дополнить статью 317.1 УПК РФ частью 5, устанавливающей основания для отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001, № 52 (ч. 1), Ст. 4921.
2. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. Раздел: Данные судебной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (Дата обращения: 01.08.2019 г.)

Генезис процессуальной защиты и представительства в органах административной юстиции на белорусских землях в достатутный период

Ракита Олег Игоревич, аспирант

Белорусский государственный экономический университет (г. Минск)

Ключевые слова: административный процесс, Беларусь, судебное представительство, развитие института адвокатуры, Русская Правда, адвокатская деятельность, судебная власть, представительство, административная юстиция.

Адвокатура Беларуси начала своё формирование много столетий назад и принадлежит к числу наидревнейших процессуально-правовых институтов. Изучение истории возникновения и развития института адвокатуры на белорусских землях, а также на территории Восточной Европы осуществлялось как отечественными учёными, так и исследователями стран СНГ.

Так, вопросы зарождения, становления и деятельности института адвокатуры затрагивали учёные дореволюционного периода (К. Малышев [1, с. 207]), М. К. Любавский [2], Д. Н. Бородин [3, с. 51], и другие. В их трудах изучались этапы зарождения отдельных процессуальных форм института адвокатуры, их взаимосвязь и как следствие, возникновение института профессиональной адвокатуры.

Возникновение и развитие института адвокатуры является малоисследованным вопросом истории Беларуси. Однако, деятельность профессиональных адвокатов (какие в то время в Беларуси назывались прокураторами) в статутный период была привычным и характерным явлением и поэтому привлекало к себе пристальное внимание исследователей.

Согласно исследованиям основоположника белорусской историографии, М. В. Довнара-Запольского, развитие науки права в Беларуси хорошо прослеживается на примере изложения ярчайших адвокатских речей [4].

В советский период вопрос развития института адвокатуры на уровне научного изучения почти что не исследовался. На сегодняшний день в Беларуси проблема генезиса адвокатуры исследована недостаточно, её изучение относится в основном к трудам Ю. П. Довнар [5, с. 90–95; с. 116–118, с. 125]. Другие учёные рассматривали этот вопрос только в рамках исторически-правовых проблем.

Украинские [7, с. 113] и польские [8] учёные при исследовании истории отечественного права, и, в частности, судебной власти, затрагивают аналогичные вопросы относительно Великого княжества Литовского (ВКЛ).

Адвокатура является институтом гражданского общества и имеет публично-правовой статус. Осуществляемые ею профессиональная уголовная защита, гражданско-правовое представительство, участие защитника по делам об административных правонарушениях являются составными частями системы правосудия. Поэтому в настоящее время важно понимать сущность адвока-

туры и иметь представление о развитии и истории образования адвокатуры в Республике Беларусь. Невозможно говорить о вопросах деятельности адвокатуры, не имея представления об этапах её формирования, становления и развития. Познать определенное явление означает не только выделить присущие ему функции, описать его элементы, но и определить причины его появления и форму организации. «Обращаясь к пониманию сущности адвокатуры мы прежде всего должны обратится к конкретной форме ее исторического выражения в рамках того или иного государства, в котором действует данный институт и обратится к цели ее создания» [9, с. 8].

Становление независимого государства неразрывно связано с юридическим оформлением суверенитета страны. В Преамбуле Конституции Республики Беларусь 1994 г. говорится о том, что Основной закон принят с учетом многовековой истории развития белорусской государственности [6]. 27 июля 1900 г. Верховным Советом БССР была принята «Декларация о государственном суверенитете БССР». Провозгласив полный государственный суверенитет, Декларация в ст. 9 закрепляет следующее положение: «Республика Беларусь обеспечивает функционирование белорусского языка во всех сферах общественной жизни, сохранение национальных традиций и исторической символики» [10, ст. 9].

История адвокатуры тесно связана с историей конкретного государства. Известный дореволюционный ученый и адвокат Е. В. Васьковский, исследуя в одной из работ «корни» правозаступничества, как особого института, писал: «Подобно всем социальным учреждениям адвокатура не возникает сразу в совершенно организованном виде, а появляется в жизни сначала в форме незначительного зародыша, который может при благоприятных условиях развиться и достигнуть пышного расцвета, а при неблагоприятных — чахнуть и прозябать в глуши» [11, с. 14]. Появление этого института было вызвано тем, что для грамотного ведения дел необходима специальная подготовка, и лица, ею не обладающие, вынуждены были обращаться к специалистам в области права.

Несмотря на то, что в современном понимании профессиональный институт адвокатуры сформировался в Беларуси относительно недавно — в XIX в., её отдельные формы известны ещё с древних времён и проявлялись в виде представительства, правозаступничества, инсти-

туда стряпчих, и присяжных поверенных, так называемых «мечников» и «детских».

Развитие процессуального права в Беларуси в период возникновения первых белорусских княжеств носило схожий с другими восточнославянскими народами характер, ввиду существования общности социально-экономического развития и политико-правовой действительности. Так, на территории Беларуси действовали и основные источники права древней Руси. Сначала в весьма примитивном виде, как одна из функций адвокатской деятельности, возникает идея представительства сторон перед судом. Первоначально в судопроизводстве действовал принцип «личной явки», а суды не являлись профессиональными и постоянно действовавшими органами власти, при этом созывались по мере необходимости. Рассмотрение судебного дела являлось публичным мероприятием всех жителей, поэтому личная явка в суд для обеих сторон была одной из самых важных гражданских обязанностей, что не способствовало возникновению профессионального института судебного представительства. Положения о представительстве регулировались обычаями конкретной местности и относились, в основном, к лицам с ограниченной дееспособностью — к пожилым людям, женщинам и детям. Представителями, как правило, выступали их родственники — имело место так называемое естественное представительство [13].

Многочисленные исследователи расходятся в определении периода возникновения представительства у древневосточных славян. Так, по мнению Д.Н. Бородина [3, с. 51] и В.И. Баженовой [14, с. 22] первые упоминания о судебном представительстве встречаются в Русской Правде. Так, в разделе «О поклепной вире» упоминалось о том, что «мечник» (обвинитель, страж закона) представлял собой заинтересованное лицо в обвинении и получал «гривну» за доказанное преступление, в то же время как «детский» — представитель интересов защиты — получал «кун сметная», в том случае, когда обвинение было «сметено» (оспорено): «а железного платили 40 кун, а мечнику 5 кун, а полгривны детскому: то ти железный урок, кто си в чем емлет» [14, с. 22]. В Русской Правде железным назывался платеж в княжескую казну, который давался истцом или ответчиком, смотря по тому, кто требовал решения судебной тяжбы испытанием посредством горячего железа. Так, одинаковая пошлина платилась, как при испытании водой, так и при судебных поединках, равно как при поединках в поле.

Другие исследователи, в частности Е.В. Васильковский, считают, что такие найдревнейшие памятники, как, например, международные договоры с греками и Русская Правда, совсем умалчивают о судебном представительстве [11, с. 20], а впервые про судебное представительство на Руси упоминается в законодательных сборниках XV в., именно в Псковской и Новгородских судных грамотах.

Относительно белорусских земель существует мнение, что возникновение отечественной адвокатуры связано

со статутным правом Великого княжества Литовского (Статут 1529, 1566, 1588 г.г.) [12, с. 90–95].

Вместе с тем, на наш взгляд, на территории Беларуси профессиональное (наёмное) представительство, то есть первая историческая составляющая адвокатской деятельности, критерием которой стало оказание юридической помощи на платной основе и оказание такой помощи широкому кругу лиц, а не только родственникам, как например в «естественном представительстве», было известно ещё в достатутный период и такое представительство связано с возникновением Великого княжества Литовского, где функции представителей постепенно переходят от естественных представителей к наёмным — дьякам, писарям, стряпчим, служебникам, а также к представителям шляхетского сословия.

Предпосылками возникновения профессионального представительства были объективные социально-экономические и политические причины. Во-первых, это учреждение Великого княжества Литовского, преодоление феодальной раздробленности, централизация великокняжеской самодержавной власти, зарождение бюрократического аппарата и новых государственных институтов управления, в том числе и судов. Укреплению государственности Великого княжества Литовского и его органов управления, в том числе и судебной власти, способствовавшей развитию права, что проявилось в возникновении писанного права, писанного законодательства, в его последующей систематизации и усложнении, и последующей замене норм обычного права положениями писанного права, а в последующем кодифицированными нормами статутного права.

Так, неквалифицированные представители были заменены профессионалами, которые в обязательном порядке были грамотными, в той степени, чтобы читать законы и составлять судебные иски, жалобы, вести записи в судебных книгах. Последнее было особенно необходимым, учитывая бюрократизацию судебного процесса, который с течением времени формализовался и усложнился, в результате чего без специальных правовых познаний и владения грамотой делало невозможным выступление в суде непрофессионального представителя.

Таким образом, на белорусских землях развитие судебной представительской функции первоначально носило схожий с другими восточнославянскими народами характер, а само представительство было естественным и основывалось почти что полностью на обычном праве. С учреждением Великого княжества Литовского по социально-экономическим и политическим причинам возникает наёмное представительство, которое продолжало регулироваться обычным правом, а также немногочисленными писанными законами. Позже в связи с принятием германского Магдебургского права появляется профессиональное правозаступничество — прообраз современной адвокатуры.

Литература:

1. Малышев. К. Курс гражданского судопроизводства / К. Малышев. — 2-е изд. — СПб. 1876.
2. Любавский. М. К. Литовско-русский сейм / М. К. Любавский. — М.: Унив. тип., 1900.
3. Бородин. Д. Н. Исторический очерк русской адвокатуры (к 50-летию присяжной адвокатуры) / Д. Н. Бородин. — Петроград. 1915.
4. М. В. Довнар-Запольский. Основы государственности Беларуси / М. В. Довнар-Запольский. — Минск, 1919.
5. Довнар, Т.И., Сатолин, У.М. Статут Великого княжества Литовского 1566 г. / Т.И. Довнар, У.М. Сатолин. — Минск: Тэсей, 2003. — 329 с.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп. Принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). — Минск: Амалфея, 2005. — 29 с.
7. Гошовський, В.М. Функція захисту в адміністративно-деліктному процесі України: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / В.М. Гошовський; Державний науково-дослідний інститут внутрішніх справ України. — Київ, 2010. — 19 с.
8. Деханов, С. А. Адвокатура, гражданское общество, государство / С. А. Деханов // Адвокат. — 2014. — № 12. — С. 20.
9. Мартинович, В.В. 80-летие со дня образования адвокатуры в Республике Беларусь / В. В. Мартинович // Адвокатура в Республике Беларусь: история и современность. — 2012. — № 1. — С. 1–8.
10. Декларация Верховного Совета Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. № 193-XII «О государственном суверенитете Республики Беларусь» [Электронный ресурс]: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V09000193> Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.
11. Васьковский, Е. В. Организация адвокатуры: в 2 ч. / Е. В. Васьковский. — СПб., J 893. — Ч. 1: Очерк всеобщей истории адвокатуры.
12. Доўнар Ю.П. Зараджэнне інстытута прафесійнай адвакатуры ў Вялікім княстве Літоўскім / Ю.П. Доўнар // Весн. Бел. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя, філасофія, псіхалогія, паліталогія, сацыялогія, эканоміка, права. — 2003. — № 1.
13. Гур'ева А. А. Гісторыя інстытута адвакатуры Беларусі (XVI—XVIII стст.): дис. канд.юр. наук. Минск: БГУ, 2017
14. Баженова У. И. Адвокатура в дореволюционной России, вторая половина XIX — начало XX вв.: дис. канд.юр. наук. Нижний Новгород: 2002.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью

Ряполова Анастасия Игоревна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Данная статья раскрывает состав преступления, по которому ответственность установлена в рамках ст. 111 УК РФ.

При рассмотрении состава рассматриваются особенности уголовно-правовой характеристики, и отличительные черты, которые позволяют провести верную квалификацию данного деяния.

Ключевые слова: *тяжкий вред здоровью, умышленное преступление, охрана здоровья человека.*

Здоровье человека является высшей социальной ценностью общества. Любое правовое государство задачу заботы и охраны здоровья человека определяет в качестве приоритетного направления, соответствующего принципам социальной справедливости и гуманизма [1].

В свою очередь, следует отметить, что государство гарантирует охрану здоровья каждого человека и иными нормативно-правовыми актами, включая российское уголовное законодательство, предусматривающее соответствующую ответственность за преступления против здоровья.

В рамках Постановления Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил опреде-

ления степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» раскрывается понятие здоровья. Так, согласно данному нормативному акту, здоровье — это естественное состояние организма, при котором отсутствуют болезненные (паталогические) изменения [3].

В рамках действующего УК РФ здоровье рассматривается с иной позиции, заключающейся в определении здоровья как телесных повреждений любого характера, возникших в результате влияния внешней среды [4, с. 76].

Под умышленным, причинением тяжкого вреда здоровью понимается противоправное деяние (престу-

плению), связанное с наиопаснейшими последствиями, посягающее на безопасность здоровья человека.

На сегодняшний день, при совершении умышленного причинения тяжкого вреда здоровью предусмотрена уголовная ответственность в пределах ст. 111 УК РФ [2].

В аспекте привлечения виновных к ответственности по данной статье особое значение отводится установлению степени тяжести причиненного вреда.

Тяжкий вред здоровью устанавливается посредством проведения СМЭ, в рамках которой учитывается степень опасности и другие факторы, влияющие на определение степени тяжести вреда от полученных травм.

Рассмотрим особенности уголовно-правовой характеристики состава преступления по ст. 111 УК РФ.

Так, в качестве родового объекта выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу охраны личности человека.

Видовой объект состава преступления образуют жизнь и здоровье потерпевшего, а непосредственным объектом является здоровье другого.

Посягательство на здоровье человека, повлекшее за собой негативные последствия его состояния, является преступлением против здоровья вне зависимости от возраста потерпевшего, наличия либо отсутствия у него имеющих заболеваний или расстройств. В этом случае принимается во внимание фактическое состояние здоровья потерпевшего в момент посягательства.

Иными словами, объектом состава преступления по ст. 111 УК РФ выступает здоровье любого человека, которое не зависит от его возраста, пола, и фактического состояния.

Следует сказать о том, что объективную сторону рассматриваемого преступления в причинении тяжкого вреда здоровью (противоправном) другого человека образуют:

- совершение общественно опасного деяния (как в форме действия, так и бездействия);
- наступление общественно опасного последствия, соответственно преступного характера в качестве нанесения тяжкого вреда здоровью человека;
- наличие причинно-следственной связи между деянием и указанным преступным общественно-опасным последствием в случае, если противоправные деяния виновного выражаются в физическом, механическом, химическом и т.п., воздействии, либо же, в оказании психического воздействия различного характера на потерпевшего.

В рамках причинения тяжкого вреда здоровью в уголовном праве законодателем различаются такие категории профессиональной трудоспособности как общая и профессиональная и, соответственно, прежде, чем определять степень потери трудоспособности, учитывается общая трудоспособности здесь необходимо отметить, что сам процент потери общей трудоспособности наиполнейшим образом демонстрирует размер вреда, который был причинен объекту преступления (пострадавшему, потерпевшему от преступления), т.е. здоровью человека и, безусловным является то, что при рассмотрении

уголовных дел, относящихся к анализируемой категории, крайне необходимо проведение СМЭ.

При совершении такого преступления как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью субъективную сторону образует вина в форме умысла [6, с. 167].

Субъект преступления обладает огромным значением для всего процесса квалификации преступлений. Такая роль данного элемента состава преступления объясняется тем, что ему присущи определенные признаки, которые были рассмотрены нами ранее.

Признаки субъекта преступления в российском законодательстве, предусматривает ст. 19 УК РФ являются:

- субъектом преступления может быть только физическое лицо
- субъектом преступления является вменяемое лицо
- лицо должно достичь возраста уголовной ответственности, определенного уголовным законодательством.

Субъектом преступления в рамках ст. 111 УК РФ является физическое, вменяемое лицо, достигшее 14 летнего возраста.

Возраст уголовной ответственности является ее основанием, поэтому, фактическое его установление признается необходимой и обязательной процедурой для привлечения виновного лица к уголовной ответственности.

В рамках ст. 111 УК РФ закреплено несколько квалифицирующих признаков:

- совершение деяния при исключении отягчающих обстоятельств (ч. 1);
- при наличии отягчающих обстоятельств (ч. 2);
- при наличии особо отягчающих обстоятельств (ч. 3 и ч. 4).

Уровень общественной опасности данных преступных деяний определяется в зависимости от степени тяжести причиненного вреда здоровью потерпевшего.

При квалификации деяний, подпадающих под ответственность в рамках ч. 1 ст. 111 УК РФ, делается уклон на вред, опасный для жизни человека.

Это обуславливается тем, что данный вид тяжкого вреда здоровью является одним из распространенных с позиции криминологии и медицины, и обладает наибольшей степенью опасности, так как несет опасность для жизни.

Факт опасности для жизни появляется в момент причинения тяжкого вреда здоровью.

Не может влиять на оценку вреда здоровью как опасного для жизни устранение смертельного исхода посредством своевременного оказания неотложной медицинской помощи, специфические особенности и свойства организма потерпевшего (повышенная стойкость к поражающим факторам вследствие отсутствия заболеваний и пр.).

Судебная практика также занимает аналогичную позицию. Учитывая, что законодатель тяжкий вред здоровью, опасный для жизни, только называет, при этом его не определяет, данная категория относится к числу блан-

кетных признаков. Бланкетность данного признака обусловлена тем, что перечислить все возможные разновидности данного вреда в диспозиции указанной нормы представляется затруднительным [5, с. 29].

К числу проблемных вопросов уголовной ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью человека находится и квалификация временной (продолжительной) потери речи потерпевшего, наступившей в результате воздействия различных стрессовых ситуаций, психических расстройств, заболеваний мозга и т.д.

Проблемы квалификации данного состава преступления обусловлены тем, что потерпевший не в состо-

янии выразаться связно, и может произносить лишь отдельные слова и несвязные фразы. Решение подобных вопросов, как представляется, должно быть направлено на выработку единообразного методологически правильного подхода в оценке тяжких преступлений против здоровья человека, что окажет влияние на укрепление уголовно-правовой охраны личности в Российской Федерации.

Для верной квалификации состава преступления, связанного с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, необходимо определять особенности объективной стороны преступления.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. — 04.08.2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СЗ РФ. — 27.08.2007. — № 35. — Ст. 4308.
4. Акопов В. И. Медицинское право: учебник и практикум для вузов / В. И. Акопов. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 297 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / Под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. — М.: Юриспруденция, 2016. — 1040 с.
6. Сазанова Ю. В. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью: проблемы квалификации // В сборнике: Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации сборник статей III Международной научно-практической конференции: в 2 ч. — 2018. — С. 167–169.

Законодательная власть с точки зрения теории разделения властей

Савиных Марина Александровна, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Законодательная власть — это основной юридический аспект выражения воли народа, которая должна консолидировать в себе интересы всех без исключения групп с различными интересами. В сфере теории разделения властей законодательная власть устанавливает правила поведения и осуществляет контроль за исполнением, исполнительная власть обеспечивает исполнительно-распорядительную функцию, а также осуществляет контроль за исполнением законов, а судебная власть разрешает правовые споры.

Первостепенность законодательной власти обуславливается тем, что правила поведения по отношению других ветвей власти устанавливаются первой, также определяя с одной стороны ориентированную самостоятельность ветвей между собой, с другой — нацеливает на качественное функционирование, одновременно с этими явлениями осуществляет контроль за качеством и своевременностью исполнения законов.

Контрольные полномочия законодательной власти проявляются в виде финансового контроля, парламентских слушаний, парламентских расследований, депутатских запросов, отчетов правительства, выражения ему недоверия или отказ в доверии.

С одной стороны, судебная власть самостоятельна и независима, но с другой стороны, приоритет законодательной власти проявляется и здесь в виде ограничения суда, основаниями, процедурами, установленными законом. Хотя здесь присутствует особенность определенного положения законодателя по отношению к суду в виде оценочного характера конкретных действий законодателя судом. Действуя по закону и в рамках закона, суд оценивает сам закон на предмет соответствия и в части действия одного нормативного правового акта по отношению к другому нормативному правовому акту, обладая той властью и силой, которая позволяет суду принять решение о недействующем нормативном правовом акте. Между тем по

сути принятия такого рода решений мотивируя и ориентируя законодателя на принятие тех или иных правовых предписаний.

Законодательная власть и судебная власть, по мнению В. Е. Чиркина, во взаимодействии имеют взаимный обеспечительный характер, принимаются законы, а суд способствует эффективному правовому регулированию [1].

В статье Коноваловой Л. Г. указано на то, что по сути универсального способа распределения полномочий государственных органов, символизирующих три ветви власти, нет, поэтому каждая страна регулирует данный вопрос по-своему с учетом национальных особенностей. Поэтому в каких-то странах баланс взаимодействия обеспечивается, а в каких-то не обеспечивается, следовательно, в одних государствах парламентаризм есть, в других — отсутствует. Можно ли в дальнейшем ставить вопрос о том, что внутригосударственный парламент — высшее законодательное учреждение страны или нет. В России принцип разделения властей с обозначением парламента как высшего законодательного и представительного органа получил формально-юридическое признание в Конституции РФ, в федеральном законодательстве. Хотя автор высказывает интересное мнение относительно того, что суды в Российской Федерации не заменяют собой парламент, а их нормоориентирующие судебные решения, как источника права, устраняют между тем пробелы в правовом регулировании, поэтому может рассматриваться как элемент сдержек и противовесов [2].

Мнение о том, что представители исполнительной власти, участвуя в работе парламента, вмешиваются в деятельность законодательной государственной власти, Миерхольд А. А. обосновывает, в частности, тем, что за период существования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации не было попыток изменить формулировку ч. 2 ст. 95 Конституции РФ. Так согласно ч. 2 ст. 95 Конституции РФ в Совет Федерации входят: по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации — по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти; представители Российской Федерации, назначаемые Президентом Российской Федерации, число которых составляет не более десяти процентов от числа членов Совета Федерации — представителей от законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Поэтому автор придерживается точки зрения, что имеет смысл исключить из части 2 статьи 95 Конституции РФ положение о том, что в Совет Федерации Федерального Собрания РФ должны входить по одному представителю от представительного и исполнительного органов государственной власти субъектов России [3].

Немало ученых отдают ведущую роль законодательной власти, обуславливая это тем, что осуществляющий ее орган — парламент получает легитимацию путем прямого волеизъявления населения страны, а также тем, что законодательная власть наделена исключительным правом

законодательствовать. Есть ряд ученых, которые считают, что повышена роль судебного нормотворчества, так как расширены полномочия судебного нормотворчества и нормоконтроля. Например, В. И. Анишина высказывается о необходимости законодательного закрепления общеобязательных решений высших судов, а также о возможности Верховного Суда РФ исправлять коллизии закона путем толкования [4].

Очень интересное мнение опубликовано в статье Лазарева В. В. и Фурсова Д. А. о том, что при внесении законодательных инициатив крайне редко обращаются к судебной практике. Обращение к этому огромному опыту правоприменения, как к источнику права, в настоящее время практически не существует. А вероятно именно здесь рождается более абстрактное правило, созданное законодателем. Поэтому логично и немаловажно такое решение проводить по специальной процедуре имплементации решений судебных органов в действующее законодательство [5].

Обобщение судебной практики, а здесь подразумевается и пленум, и президиум суда, по сути, выкристаллизовывают нормы, требующие воплощения в законе, а следовательно, процедурными нормами необходимо закрепить обязательность вовлечения судебных позиций в законодательный процесс. Сюда можно отнести и особый механизм мониторинга принципиальных решений, так как решения отдельных судов являются порой кардинальными и знаковыми, но остаются без внимания.

Через властные полномочия суда происходят столь важные процессы правообразования, правореализации и правоохраны.

Вместе с тем, в противовес симбиозу двух ветвей власти и эффективному сотрудничеству поставлено скрытое осуждение судебного нормотворчества.

Вмешательство государства в права и свободы граждан может иметь место, но необходимо конституционное обоснование и острая, необходимая и достаточная соразмерность. Правовые позиции судебных органов (выраженные обзорах, пленумах, постановлениях и т. п.) носят рекомендательный характер.

По мнению Н. В. Витрука наряду с правовыми позициями находят место правовые нормы, правоположения, прецеденты, акты судебного толкования, преюдиции.

Принятие нормативного правового акта вовсе не свидетельствует о завершенности правового регулирования, ведь порой именно после принятия того или иного нормативного правового акта только начинается процесс регулирования, оценить и предвидеть последствия которого законодатель без судебной практики просто не может.

В российской системе возможно было бы результативным применение двух направлений. Система позитивного права и имплементация судебных решений в законодательные акты улучшит законопроектную деятельность [6].

Выводом по данной статье Алексева И. А. и М. И. Цапко отмечу пробел в российской законода-

тельства в отношении конституционно-правовой ответственности органов судебной власти. Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ обязаны, как и другие участники конституционных правоотношений, соблюдать Конституцию РФ и федеральные законы. Отдельные меры конституционной ответственности в отношении их Конституцией РФ не предусмотрены. Судебная власть, ее представители остались вне зоны действия конституционно-правовых санкций, что не допустимо в правой сфере деятельности государства и государственных органов

в целом. Общественное мнение не оказывает и не может оказать никакого влияния на судебную власть, круг замкнулся. Повышение эффективности деятельности одной из ветвей власти фактически приостановлено. Законодательная власть должна предусмотреть в законодательстве конституционно-правовые санкции по отношению ко всем высшим органам и должностным лицам государственной власти, что само по себе лишнее раз и далеко не бесосновательно ставит законодательную власть выше двух имеющихся в трилистнике [7].

Литература:

1. Безруков А. В. Законодательная власть в системе разделения властей в России // Современное право. 2010. № 2. С. 35.
2. Коновалова Л. Г. Разделение властей с четко обозначенными и реальными полномочиями парламента как признак парламентаризма // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 48.
3. Миерхольд А. А. Соотношение принципа разделения властей и статьи 95 Конституции Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 7. С. 52.
4. Садовникова Г. Д. Взаимодействие представительных и судебных органов в системе разделения властей // Право и государство: теория и практика. 2017. № 2 (146). С. 120.
5. Лазарев В. В. Фурсов Д. А. Обоснование идеи имплементации судебных решений в законодательные акты // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 7.
6. Лазарев В. В. Фурсов Д. А. «указ. соч».. С. 9.
7. Алексеева И. А., Цапко М. И. Юридическая ответственность органов и должностных лиц публичной власти: Монография // Москва. Проспект. 2017. С. 28.

Возвращение уголовного дела прокурору по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ

Сенькина Анастасия Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Федеральным законом от 26 апреля 2013 года № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ст. 237 УПК РФ была дополнена частью 1.2 следующего содержания

«1.2 Судья по ходатайству стороны возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом в случаях, если:

1) после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого ему деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления». [5]

Данная норма была введена в УПК РФ во исполнение Постановления КС РФ от 16 мая 2007 года № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президиума Курганского областного суда», где Конституционный Суд РФ впервые признал, что положения закона, не позволяющие суду возвращать уголовное дело прокурору для

предъявления более тяжкого обвинения, если новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому обвинения наступили после направления уголовного дела в суд, не соответствуют Конституции РФ. [3]

Для возвращения уголовного дела прокурору в соответствии с указанной выше нормой УПК РФ должны быть соблюдены следующие условия:

1. новые общественно-опасные последствия наступили уже после направления уголовного дела в суд;

2. общественно-опасные последствия должны быть новыми, то есть они не были известны и не существовали на момент формирования органом предварительного расследования обвинения;

3. данные новые последствия — основание для предъявления обвинения обвиняемому в совершении более тяжкого преступления.

Важно отметить, что суд согласно действующей редакции УПК РФ не вправе самостоятельно инициировать и разрешать вопрос о возвращении уголовного дела прокурору по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1.2 ст. 237

УПК РФ, для предъявления обвиняемому нового обвинения, при чем обвинения в совершении более тяжкого преступления. Для этого необходимо ходатайство одной из сторон судебного разбирательства.

Законодатель, поддерживая позицию Конституционного Суда РФ, исходит из того, что непринятие решения о возвращении уголовного дела прокурору в случае выявления ранее не существовавших последствий исключило бы надлежащую защиту прав потерпевшего.

Так Постановлением Городищенского районного суда Пензенской области от 24 марта 2015 года прокурору было возвращено уголовное дело в отношении Инина А. М., который обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УПК РФ.

В ходе судебного разбирательства судом было установлено, что после направления уголовного дела в суд потерпевший умер.

Государственным обвинителем было заявлено ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору в связи с наступлением новых общественно опасных последствий (п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ). Ходатайство было удовлетворено судом, уголовное дело возвращено прокурору. [4]

Постановлением судьи Кулебакского городского суда Нижегородской области от 26 февраля 2014 года прокурору было возвращено уголовное дело в отношении Г., который обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ.

Возвращая прокурору уголовное дело, суд исходил из того, что Г. было предъявлено обвинение в нарушении лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, которое повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (потерпевшему Р.), и повлекшее по неосторожности смерть человека (потерпевшего М.).

В судебном заседании прокурор представил суду заключение судебно-медицинской экспертизы, в соответствии с которым потерпевший Р. Скончался после направления уголовного дела в суд, при чем причина его смерти была непосредственно связана с травмами, которые были получены в результате произошедшего с участием Г. дорожно-транспортного происшествия. Как следует, имели место новые фактические обстоятельства, которые не нашли своего отражения в обвинительном заключении.

Суд, усмотрев в действиях Г. признаки более тяжкого преступления, вернул уголовное дело прокурору, ссы-

лаясь на п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ, в целях устранения препятствий его рассмотрения судом. [1]

Постановлением Октябрьского районного суда г. Орска Оренбургской области в 2016 году уголовное дело в отношении К., который обвинялся в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ, было возвращено прокурору. Возвращая дело, суд исходил из того, что в ходе судебного следствия на основании документов, которые были представлены потерпевшим, и заключения эксперта, полученного судом, были установлены новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния: появление новых телесных повреждений, которые были получены в период совершения инкриминируемого обвиняемому деяния, которые являются неизгладимыми. Данное обстоятельство послужило основанием для возможного предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления. Повторно данное уголовное дело поступило в суд по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ. [2]

Считаем, что при возвращении уголовного дела по данному основанию, даже если положение обвиняемого ухудшается, суд не занимает сторону обвинения. Данная норма служит гарантией осуществления правосудия судом.

Институт возвращения уголовного дела прокурору служит правильности уголовно-правовой оценки содеянного обвиняемым и обеспечению прав участников уголовного судопроизводства.

Как неоднократно указывалось Конституционным Судом Российской Федерации, правосудие по самой своей сути признается таковым только при условии, что оно отвечает закрепленному в Конституции Российской Федерации, а также в международно-правовых актах (в частности, в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) требованию справедливости и обеспечивает эффективное восстановление прав.

В случае, если суд лишён возможности вынести приговор с правильной квалификацией деяния, и отсутствуют инструменты изменения такой квалификации, он остается бессильным и будет вынужден вынести заведомо неправосудный приговор, не соответствующий требованиям законности, обоснованности и справедливости. Судебное решение, в котором существенно значимые обстоятельства события преступления отражены неверно, не может расцениваться как справедливый акт правосудия.

Литература:

1. Обзор судебной практики Нижегородской области по применению в 2014 году положений ст. 237 УПК РФ при разрешении вопроса о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий к рассмотрению дела судом // Нижегородский областной суд. URL: <http://obsudnn.ru/index.php/obzory-sudebnoj-praktiki/1291-obzor-sudebnoj> (дата обращения: 30.05.2019).
2. Обобщение по итогам изучения судебной практики применения судами Оренбургской области статьи 237 УПК РФ при рассмотрении вопроса о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рас-

смотрению судом // Оренбургский областной суд. URL: http://oblsud.orb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=543 (дата обращения: 30.05.2019).

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // Российская газета. 2007. 02 июня.
4. Практика применения положений ст. 237 УПК РФ, регламентирующих порядок возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий рассмотрения дела судом // Пензенский областной суд. URL: <http://www.oblsud.penza.ru/item/1280/> (дата обращения: 30.05.2019).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 02 августа 2019 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 01 октября 2019 г.) // Российская газета. 2001. 22 дек.

Основания ответственности фактически контролирующей корпорацию лиц

Слёзкина Любовь Юрьевна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

Добропорядочность субъектов экономической деятельности — непереносимая составная часть этического кодекса бизнесмена, предполагающая обязательность его соблюдения всеми участниками, это принцип экономической ответственности, по которому причиненный в результате экономической деятельности любой вред должен быть возмещен соответствующей стороной в установленном законом или договором порядке.

Гражданский кодекс регламентирует права и обязанности юридических лиц, устанавливает основание и меры ответственности в случае неисполнения юридическим лицом взятых обязательств. [1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает основание и меры административной ответственности юридических лиц. [2] Эти меры соответствуют понятию гражданско-правовых и административно-правовых санкций.

В практике встречаются случаи, когда вред юридическому лицу наносится не одним, а несколькими вышеупомянутыми лицами, в таком случае они несут солидарную ответственность. Несмотря на то, что указанные лица в гражданском обороте осуществляют деятельность от имени юридического лица (в рамках своей компетенции), они не являются субъектами гражданского права. Данное правило закреплено в Постановлении Президиума ВАС РФ от 30.05.2000 № 9507/99. [5]

Противоправность в деятельности органов управления состоит в нарушении ими обязанности совершать все действия в интересах общества добросовестно и разумно. Необходимо рассмотреть следующие основания привлечения членов органа управления к ответственности:

- заключение сделки без учета интересов общества; в том числе сокрытие информации о проводимой сделке, или же предоставление ложной информации.

- передача имущества, принадлежащего обществу, по заведомо низкой цене ввиду корыстной заинтересованности;

- необдуманные действия, повлекшие уменьшение прибыли, которая могла быть распределена между акционерами;

- нелегальное распоряжение денежными средствами общества, присвоение денежных средств общества;

- ненадлежащее исполнение обязанностей перед обществом.

Еще И. С. Шиткина отмечала: «Уполномоченные члены правления подлежат ответственности за все совершенное ими вопреки закону, уставу и постановлениям общего собрания и потому они не могут быть освобождены от ответственности за вред, причиняемый ими товариществу своим небрежным, невнимательным отношением к его делам». [3]

По всем вышеуказанным пунктам лица, указанные в ст. 51.1 ГК РФ несут имущественную ответственность, речь идет о возмещении убытков компании (в виде прямого ущерба и/или упущенной выгоды). Так же необходимо учитывать, что потерпевшим признается только само юридическое лицо. То есть мы не можем говорить о возмещении причиненных убытков владельцу компании или иным субъектам.

Необходимо подчеркнуть исключительный характер ответственности за фактический контроль. Совершенно очевидно, что фактический контроль как основание имущественной ответственности за деятельность корпораций является отклонением от общего правила о необходимости наличия формально-правовых оснований выступать от имени корпорации для привлечения лица к гражданско-правовой ответственности.

Для привлечения к гражданско-правовой ответственности за фактический контроль также должно быть доказано наличие всех элементов юридического состава ответственности, в частности применительно к фактически контролирующему лицу должна быть доказана фактическая возможность определять действия юридического лица, включая наличие возможности давать обязательные для исполнения указания.

При привлечении к ответственности фактически контролирующих лиц суды должны исходить из оценки реального влияния таких лиц на формирование воли юридического лица.

Применение нормы п. 3 ст. 53.1 ГК РФ возможно для привлечения к солидарной ответственности основного общества, выдавшего директиву членам совета директоров дочернего общества, которые проголосовали согласно выданной им основным обществом директиве на голосование, если в результате такого голосования хозяйственному обществу причинены убытки.

Дело в том, что выдача директив на голосование (за исключением хозяйственных обществ с государственным участием) не предусмотрена действующим законодательством и поэтому представляет собой проявление фактического контроля.

В судебной практике уже возникли примеры более широкой трактовки положений п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, когда к ответственности за фактический контроль было привлечено должностное лицо основного общества, которое в силу своих обязанностей давало указания директору дочернего общества, исполнение которых повлекло за собой убытки дочернего общества. [7]

Лицами, которым предоставляется право требовать возмещения убытков с лиц, фактически определяющих действия юридического лица, являются само юридическое лицо или его учредители (участники) — п. 1 ст. 53.1 ГК РФ, а также члены коллегиального органа управления, выступающие в интересах юридического лица, — п. 4 ст. 65.3 ГК РФ.

В целях применения Закона о банкротстве Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял Постановление № 53 от 21 декабря 2017 года «О некоторых вопросах, касающихся задержания лиц, контролирующих банкротства должника». [4]

Как указывается в Постановлении, осуществление фактического контроля над должником возможно независимо от наличия (отсутствия) формальных юридических признаков принадлежности (через наличие родственных связей или близость с лицами, являющимися членами управления).

Судебная инстанция в своем решении выявляет степень вовлечения лица, несущего субсидиарную ответственность, в ход руководства должником, устанавливая степень его воздействия на принятие значительных ком-

мерческих решений, касающихся деятельности должника» (пункт 2, абзац 3).

ФНС России в письме от 16.08.2017 г. № °СА-4–18 / 16148 @ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ» отмечало, что любые неформальные личные отношения могут служить основой для фактического контроля. В том числе те отношения, которые выявленные оперативными исследовательскими мерами, например, сожительство, долгосрочные трудовые отношения или служба, совместная образовательная деятельность и т.д. [8, п. 2.2]

Так, в одном из налоговых дел (о признании расколотого предприятия в налоговой системе) налоговый орган, обосновывая ответственность и взаимозависимость юридических лиц, подал в суд письмо из школы, согласно которому участник, предприниматель и еще один человек в 1985 году были одноклассниками. [6]

Повышение эффективности деятельности органов юридического лица занимает центральное место в системе корпоративного управления. От их профессионализма, умения достигать поставленных целей, разрешать внешние и внутрикорпоративные конфликты, зависит экономический результат, полученный от такой деятельности. Законодательное закрепление ответственности органов управления юридического лица и возможность взыскания с руководителей убытков за нарушение фидуциарных обязанностей, является важным инструментом защиты участников юридических лиц от злоупотреблений и недобросовестности со стороны органов управления.

Таким образом, можно сделать вывод, что возможность определять действия юридического лица или давать указания не регулируется законодательством и, соответственно, должна быть сформирована судебной практикой.

С учетом фактических обстоятельств в каждом конкретном случае могут наличествовать различные признаки, свидетельствующие об осуществлении лицом фактического контроля. Зачастую контролирующее лицо организует заключение или участвует в цепочке сделок, не имеющих экономического смысла для юридического лица. Определение контролирующего лица (лиц) корпорации с целью привлечения к ответственности возможно, если будет доказана недобросовестность, противоправность их действий при исполнении своих обязанностей, что привело к невозможности корпорации отвечать по своим обязательствам.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018, с изм. от 03.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2019) // Российская газета, № 238–239, 08.12.1994.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // Российская газета, N256, 31.12.2001.
3. Шиткина И. С. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: классическая доктрина и современные тенденции правоприменения // Хозяйство и право, 2013. № 3. С. 25.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, касающихся задержания лиц, контролирующих банкротства должника» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 3, март, 2018

5. Постановление Президиума ВАС РФ от 30.05.2000 № 9507/99 Дело по иску о признании недействительным договора поставки и обязанности возратить простой вексель направлено на новое рассмотрение в связи с неполным исследованием арбитражным судом обстоятельств дела и неправильным применением норм материального права // Вестник ВАС РФ, 2000, № 9.
6. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 11.06.2014 по делу № А19–5599/2013.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 февраля 2018 г. по делу № А40–13997/17 (дело ООО «РН-Аэро») // СПС Консультант Плюс (Дата обращения 27.08.2019)
8. ФНС России от 16.08.2017 N СА-4–18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N127-ФЗ» // СПС Консультант Плюс (Дата обращения 27.08.2019).

Практика расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатацией транспортного средства, повлекших по неосторожности смерть человека

Филимонова Ольга Георгиевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В данной статье рассмотрена криминалистическая характеристика статьи 264 части 3 Уголовного кодекса РФ, выявлены особенности расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатацией транспортного средства, повлекших по неосторожности смерть человека. Проанализированы типичные ситуации совершения таких преступлений.

Ключевые слова: транспортное средство, смерть человека, дорожное движение, криминалистическая характеристика, нарушение правил.

Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения (далее — ПДД) и эксплуатацию транспортного средства, повлекших по неосторожности смерть человека, предусмотрена частью 3 статьи 264 УК РФ [1].

Криминалистическая характеристика, данного состава преступления, определяется исходя из того, что такое преступление является неумышленным.

Элементами криминалистической характеристики дорожно-транспортного происшествия (далее — ДТП), повлекшего по неосторожности смерть человека, являются:

- обстановка, в связи с которой совершено ДТП;
- материальные следы, которые имеют типичный характер при преступлениях и происшествиях подобного вида;
- изучение личности совершившего преступление;
- причины, произошедшего ДТП.

При расследовании преступлений, предусмотренных ч. 3 статьи 264 УК РФ, необходимо определить следующие обстоятельства:

- что конкретно произошло (несчастный случай, преступление, стихийное бедствие, преступление совершено под воздействием непреодолимой силы и т.п.);
- объективную сторону произошедшего;
- виновность водителя, управлявшего транспортным средством на момент совершения ДТП;
- причинно-следственную связь между нарушением ПДД и возникновением ДТП;

- механизм ДТП;
- наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств;
- размер причиненного ущерба;
- обстоятельства, которые способствовали совершению преступления.

С учетом сложившейся за многие годы практики расследования преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 264 УК РФ, выделяют следующие типичные ситуации совершения данных преступлений:

- после произошедшего события водитель, его транспортное средство, а также потерпевшее лицо находятся на месте ДТП, либо отсутствуют на месте ДТП, при этом имеются достоверные сведения о факте ДТП, которое в последствии повлекло смерть человека. Подобные ситуации встречаются чаще всего, особенно когда в результате ДТП столкнулись два транспортных средства, и в одном из этих транспортных средств имеются пострадавшие. Вне зависимости от того, каким образом было совершено данное преступление, сотрудникам правоохранительных органов, необходимо незамедлительно зафиксировать место совершения преступления, путем составления протокола осмотра места происшествия. Необходимо также допросить всех свидетелей, лиц, которые непосредственно видели то, что произошло, провести освидетельствование водителей и пострадавших лиц (если таковые имеются), в срочном порядке вызвать скорую медицинскую помощь и в кратчайшие сроки назначить проведение судебной медицинской экспертизы, а также осмотр трупа [2].

— потерпевшее лицо осталось на месте преступления, а водитель скрылся на транспортном средстве.

В подобной ситуации, первоначально необходимо в ходе осмотра места происшествия установить время смерти потерпевшего лица. Из этого можно определить время совершения преступления. Место также определяется в зависимости от места нахождения трупа. Также следует максимально в сжатые сроки определить очевидцев, собрать всю возможную информацию о средствах видео и фото фиксации, с целью последующего изъятия содержащейся на носителях информации. Назначение и проведение трасологической экспертизы, поможет определить то, какое транспортное средство совершило наезд на лицо. Это поможет в кратчайшие сроки определить злоумышленника и задержать его [2].

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N25, ст. 2954.
2. Криминалистика / Под редакцией А. Г. Филиппова. — М.: Высшее образование, Юрайт, 2017. — 448 с.

Правовое регулирование проведения лотерей в постсоветской России

Цыганова Александра Федоровна, студент магистратуры
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

В данной статье проводится анализ законодательства о лотереях в XX — XXI вв. Рассматривается процесс становления законодательства Российской Федерации о лотереях в условиях реформирования государства. Проводится анализ действующего законодательства в сфере проведения лотерей.

Ключевые слова: лотерея, игра, выигрыш, государство, история, правовое регулирование.

Лотерея, как один из видов проведения игры с призовым фондом, имеет давнюю историю. По разным свидетельствам, первые лотереи появились в Древнем Вавилоне, Древнем Китае, Древней Греции и Риме [3].

После распада СССР и с переходом от планово-централизованной к рыночной экономике, рыночные отношения постепенно начали входить в различные сферы деятельности обновленного государства и общества. Появились негосударственные лотереи, правового регулирования которых практически не было: ранее действующие нормативно-правовые акты утратили силу, а процесс принятия новых достаточно сложен, особенно учитывая не до конца завершённый процесс перестройки государства.

Первые попытки организовать нормативно-правовое регулирование проведения лотерей были предприняты в 1992 году, с изданием 25 февраля 1992 г. Постановления Правительства Российской Федерации № 114 «О порядке проведения лотерей в Российской Федерации». Данное постановление предусматривало возможность проведения всероссийских лотерей министерствами и другими органами государственного управления Рос-

— потерпевший и транспортное средство находятся на месте преступления, а водитель транспортного средства отсутствует.

В данном случае следует комбинировать следственные действия из первого и второго типичного случая. Помимо судебной медицинской экспертизы, экспертизы трупа, трасологической экспертизы, целесообразно провести дорожно-транспортную экспертизу.

Практика расследования преступлений подобного рода показывает, чем своевременнее будет собран первичный материал, более детализирующий произошедшие события, тем быстрее будет задержан виновник ДТП и тем быстрее он будет привлечен к уголовной ответственности.

сийской Федерации, а также республиканскими общественными организациями с разрешения Министерства финансов Российской Федерации на условиях, согласованных с этим Министерством [4]. Постановление утратило силу в связи с принятием в 1995 году Постановления Правительства Российской Федерации от 15.04.1995 № 330 «Об упорядочении проведения лотерей на территории Российской Федерации», которым был утверждён порядок выдачи разрешений на проведение всероссийских лотерей. В соответствии с указанным Порядком, организаторами лотереи, проводимой на территории Российской Федерации, могли выступать федеральные органы исполнительной власти, общероссийские общественные объединения, межрегиональные общественные объединения, а также международные общественные объединения, созданные в Российской Федерации и осуществляющие свою деятельность на территории Российской Федерации и одного или более иностранных государств, имеющие уставы, зарегистрированные в Министерстве юстиции Российской Федерации [5]. Постановление также предусматривало порядок и срок выдачи разрешения на проведение

лотерей. Однако, данные нормативно-правовые акты все же не регулировали непосредственно сам процесс проведения лотерей, а только лишь устанавливали общие правила административного контроля за их проведением.

С принятием Временного положения о лотереях в Российской Федерации (далее — Положение), утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 19.09.1995 № 955 «Об упорядочении лотерейной деятельности в Российской Федерации» более детально начинает регулироваться процесс проведения лотерей. Впервые на данном этапе законодательство закрепляет основные понятия: лотерея, призовой фонд лотереи, лотерейный билет, выигрыш и др. Также устанавливаются виды лотерей в зависимости от способа формирования призового фонда и территориальной сферы проведения.

Следует отметить, что правила, установленные Положением, распространялись еще и на тотализаторы и системные (электронные) игры, что кажется не совсем верным, с учетом существенных различий сути и процесса проведения данных видов игр. Указанное Положение устанавливало права автора лотереи, в том числе право на авторство, однако никаким образом не защищало права субъекта, без которого лотерея проведена быть не может — участника лотереи.

Положение, принятое как временное на переходный период до принятия нового закона, действовало достаточно долго. Вступившей в силу 1 марта 1996 частью второй Гражданского кодекса отношения в сфере проведения лотерей практически не регулировались: существовала только одна статья (1063) в соответствии с которой отношения между организаторами лотерей, тотализаторов (взаимных пари) и других основанных на риске игр Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями, лицами, а для лотерей — юридическими лицами, получившими от уполномоченного государственного или муниципального органа право на проведение таких игр в порядке, установленном законом и участниками игр основаны на договоре [6].

Учитывая кризисный период и перестройку государства, в некоторой степени понятно отсутствие норм, закрепляющих и охраняющих права участников лотереи. Основные усилия государства в данный период были направлены на формирование административного аппарата, защита прав участников гражданских правоотношений регулировалась общими нормами, а формирование более конкретных способов защиты прав граждан в отдельных сферах деятельности было отложено. Однако это не отменило очевидной необходимости в принятии норм, более подробно регулирующих организацию и проведение лотерей.

Положение прекратило свое действие с принятием Федерального закона от 11 ноября 2003 № 138-ФЗ «О лотереях» (далее — ФЗ «О лотереях»), который в настоящее время является основным нормативно-правовым актом, регулирующим проведение лотерей в Российской Федерации. С момента реформирования государства это

первый нормативный акт данного уровня, специально полностью посвященный лотереям.

ФЗ «О лотереях» закрепляет понятие лотереи: лотерея — игра, которая проводится в соответствии с договором и в которой одна сторона (оператор лотереи) проводит розыгрыш призового фонда лотереи, а вторая сторона (участник лотереи) получает право на выигрыш, если она будет признана выигравшей в соответствии с условиями лотереи [7].

В отличие от ранее закрепленного Положением понятия лотереи, в действующем ФЗ «О лотереях» установлено, что проведение лотереи осуществляется на основании договора, заключение которого подтверждается выдачей лотерейного билета, лотерейной квитанции либо электронным лотерейным билетом. Положение специально устанавливало, что выпадение выигрыша на какой-либо из лотерейных билетов не зависит от воли и действий всех субъектов лотерейной деятельности, является исключительно делом случая и не может быть никем специально устроено [8]. В действующем ФЗ «О лотереях» подобного положения не закреплено. Вероятно, здесь законодатель руководствовался принципом добросовестности субъектов гражданских правоотношений, которая предполагается как основной принцип участия в гражданских правоотношениях и, следовательно, нет необходимости подчеркивать независимость лотереи от действий сторон лотерейной деятельности.

ФЗ «О лотереях» закрепляет виды проведения лотерей в зависимости от территориальной сферы и от способа проведения; цели и порядок проведения лотерей, порядок осуществления контроля за их организацией и проведением; а также впервые закрепляет права и обязанности не только организаторов, но и участников лотерей. Также новыми являются нормы, закрепляющие ответственность организаторов, операторов и участников лотерей. Законодателем сделан большой шаг на пути к защите прав граждан, как участников лотерей. Но с принятием ФЗ «О лотереях» этот процесс не завершился.

С момента принятия ФЗ «О лотереях» до настоящего времени в него вносилось множество изменений, частично спорных. В момент принятия закона было стремление разграничить лотереи и схожие виды деятельности, являющиеся азартными играми, но выдаваемые организаторами за лотереи. В дальнейших изменениях можно наблюдать процесс размытия границ между лотереями и азартными играми. Так, например, первоначальная редакция 2010 г. статьи 12.1 Требования к лотерейному оборудованию и лотерейным терминалам, предусматривала, что лотерейное оборудование должно обеспечивать розыгрыш призового фонда тиражной лотереи не чаще чем один раз в двенадцать часов.

Редакция данной статьи 2017 года установила, что лотерейное оборудование должно обеспечивать розыгрыш призового фонда тиражной лотереи не чаще чем один раз в пятнадцать минут.

Закрепленное первоначальной редакцией статьи правило «не чаще, чем один раз в двенадцать часов» было направлено против использования игровых автоматов, выдаваемых за лотереи. Для проведения лотереи в классическом ее понимании нет необходимости в проведения розыгрышей так часто.

Однако иные изменения закона о лотереях по большей части тем не менее направлены на защиту прав участников лотереи, в том числе путем ведения государственных реестров лотерей, ограничением переводов и приема платежей в пользу организаторов и операторов лотерей, в отношении которых имеются сведения об осуществлении ими деятельности по организации и проведению лотерей с нарушением законодательства Российской Федерации,

а также недопущением участия в лотереях лиц, не достигших возраста восемнадцати лет.

Таким образом, основным нормативно-правовым актом, регулирующим проведение лотерей в Российской Федерации, является Федеральный закон от 11 ноября 2003 № 138-ФЗ «О лотереях». С момента принятия данного закона в него было внесено множество изменений, детализирующих лотереи. Количество изменений связано с отсутствием ранее применяемой нормативно-правовой базы, а также со сложностью самого института лотерей и его разграничения с азартными играми. Не оставляет сомнений, что федеральное законодательство в этой области еще не сформировано окончательно и будет изменяться и дополняться в ближайшем будущем.

Литература:

1. Верхов М. В. Правовое регулирование проведения игр и пари в Российской Федерации // *Via scientiarum — Дорога знаний*. 2018. № 2. С. 142–148.
2. Минасян А. Ю. Правовое регулирование лотерейной деятельности по гражданскому законодательству Российской Федерации: автореферат дис... кандидата юридических наук: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). Москва, 2013. 27 с.
3. Томтосов А. А. История правового регулирования лотерей в России // *Право и политика*. 2013. № 1(157). С. 108–116.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.02.1992 № 114 «О порядке проведения лотерей в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.1995 № 330 «Об упорядочении проведения лотерей на территории Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 26.01.1996) // СПС КонсультантПлюс.
7. Федеральный закон от 11.11.2003 № 138-ФЗ «О лотереях», ст. 1 // СПС КонсультантПлюс
8. Приложение к Указу Президента Российской Федерации от 19.09.1995 № 955 «Об упорядочении лотерейной деятельности в Российской Федерации», п. 1 // СПС КонсультантПлюс.

Особенности приобретения недвижимым имуществом статуса памятника архитектуры

Шошина Оксана Васильевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье анализируется определенная действующим законодательством России процедура получения недвижимым имуществом статуса памятника архитектуры. Проанализированы определения культурного наследия, закрепленные в нормативных актах и разработанные в доктрине. Исследованы квалификационные признаки недвижимого имущества для получения статуса памятника архитектуры — ценность (культурная) и аутентичность. На основании проведенного исследования предложено авторское видение выбранного аспекта проблематики.

Ключевые слова: культурное наследие, недвижимое имущество, памятник архитектуры, приобретение статуса памятника архитектуры.

The article analyzes the procedure defined by the current legislation of Russia for obtaining real estate status of an architectural monument. The author analyzes the definitions of cultural heritage enshrined in normative acts and developed in the doctrine. Qualification features of real estate for obtaining the status of an architectural monument —

value (cultural) and authenticity are investigated. Based on the study, the author's vision of the selected aspect of the problem is proposed.

Keywords: *cultural heritage, real estate, architectural monument, acquisition of the status of an architectural monument.*

Памятник архитектуры является сложным недвижимым и одновременно особым объектом гражданского оборота. Это обусловлено специальным статусом, который заключается в целом ряде характерных особенностей его правового режима, который, в свою очередь, включает обязанность надлежащим образом содержать и сохранять памятники архитектуры у их владельцев. Несмотря на действующую законодательную базу, случаются отдельные случаи, когда памятники архитектуры уничтожаются под предлогом проведения реставрации и / или реконструкции, что вызывает нарекания общественности, протесты, а также судебные споры. Недовольство гражданского общества тем, что органы государственной власти и органы местного самоуправления не уделяют этому проблемному вопросу достаточного внимания и не принимают действенных мер в этой области, влечет за собой повышение недоверия к власти и государственных институтов, основная задача которых — обеспечить сохранность памятников архитектуры для будущих поколений. При этом к проблемным аспектам проблематики относится получение объектом статуса памятника архитектуры. Решение указанного вопроса невозможно без специального исследования действующего законодательства РФ, доктрины, судебной практики и формирования обоснованных предложений по их совершенствованию.

Целью статьи является определение особенностей приобретения недвижимым имуществом статуса памятника архитектуры как объекта гражданских прав.

Большинство имеющихся научных исследований в области культурных ценностей было выполнено юристами в их контексте как объекта гражданских прав. Среди последних следует выделить работы ... Вместе с тем вопрос получения недвижимыми объектами статуса памятника архитектуры учеными почти не исследовался, поэтому требует более детального изучения.

В соответствии с федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» [1] (далее — закон) культурное наследие — это совокупность унаследованных человечеством от предыдущих поколений объектов культурного наследия. К объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации (далее — объекты культурного наследия) относятся объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения

истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Недвижимым объектом культурного наследия является объект культурного наследия, который не может быть перенесен на другое место без потери его ценности с археологической, эстетической, этнологической, исторической, архитектурной, художественной, научной или художественной точки зрения и сохранения своей подлинности.

Для признания недвижимого объекта памятником архитектуры, прежде всего, необходимо, чтобы, во-первых, он представлял собой культурную ценность и, во-вторых, сохранил свою аутентичность.

Так, понятие «ценность» само по себе означает материальную или духовную стоимость объекта, который, в свою очередь, является важным и значимым для чего-то. Исследуя сущность понятия культурной ценности в системной взаимосвязи с выбранной тематикой, необходимо обратить внимание на положения законодательных актов.

Мурзабулатова З.Р. отмечает, что культурные ценности являются объектами материального мира, представляющие историческую, художественную, научную и иную культурную ценность и привлеченные в гражданский оборот [8, с. 157]. По мнению С. Долгова, культурными ценностями являются «уникальные общественные произведения религиозного или светского характера, охраняемые правом, которые, вследствие творческого самовыражения человека в прошлом или настоящем, имеют весомую историческую, научную, художественную или иную культурную ценность для общества и выступают связующим звеном между различными поколениями людей». Кроме того, С. Долгов выделил ряд специфических признаков объектов, имеющих культурную ценность: а) уникальность (единственный и неповторимый в своем роде предмет, исключительный по своим художественным и другим качествам, или какой стал большой редкостью); б) общегосударственная значимость; в) особый правовой режим [5, с. 71].

Как видно из приведенного, законодательное и научное восприятие культурных ценностей друг другу не противоречат, наоборот, доктрина адаптирует свои определения в контексте специфики объектов исследования. Так, например, если ученый исследует движущийся объект, то вполне логично, что авторское определение понятия «культурная ценность» будет включать тезис об особом правовом режиме подвижного объекта, который в любом

случае будет отличаться от правового режима недвижимого имущества, даже если бы последний также составил собой культурную ценность.

Заслуживает внимания то, что, определяя «ценность» как классификационный признак, почти все ученые одной из основных ее особенностей выделяли уникальность. А это, в свою очередь, имеет значение для определения сущности понятия «аутентичность» и особенностей его применения в отношении памятников архитектуры.

Как правило, понятие подлинности как на законодательном, так и на научном уровне используется в качестве критерия определения ценности памятника архитектуры. Вместе с тем оказывается, что определение понятия «аутентичность» на законодательном уровне отсутствует. Действительно, как международные, так и российские нормативно-правовые акты содержат информацию о подлинности и указывают, что она является одним из основных элементов установления культурной ценности, однако четко и подробно понятия не детерминируют.

Слово «аутентичность» происходит от греческого — настоящий (действительный; верен тот, который основан на первоисточнике). Сущность подлинности памятника заключается в определенной неподдельной исторической истине, материализованной в архитектуре памятника. В течение длительного времени аутентичным признавался первоначальный вид сооружения, то есть его материальная субстанция и объемно-планировочная структура на период появления. Но со временем ценные строительные наслоения тоже стали причислять к аутентичной субстанции, и вопрос «первоначальной аутентичности» перешел к категории аспектов ценности, которые хоть и представлены в памятнике в разном состоянии сохранности, но не обязательно должны претендовать на полное восстановление благодаря устранению других ценных компонентов. Понятие подлинности является однозначным только для памятников, которые не испытали перестроек и потерь, к сожалению, таких почти не существует [6, с. 201].

В литературе понятие «аутентичность» подробно исследовалось, однако позиции отдельных ученых заслуживают внимания. Так, Бакаева А. Г. в своем исследовании указывала, что подлинность объектов культурного наследия которая может быть определена как оригинальность объекта и противопоставляется понятию «плагиат» как умышленное присвоение авторства чужого произведения науки или искусства, чужих идей или изобретений. Таким образом, объект культурного наследия не может быть подделкой или его копией, то есть должен быть аутентичным. Понятие «аутентичность» поглощается более широким понятием «уникальность» объекта культурного наследия, а потому не является самостоятельным критерием принадлежности определенных объектов к категории охраняемых законом объектов культурного наследия [4, с. 456].

Залюбовская Н. В., исследуя исторические ландшафты, отмечает, что под аутентичностью понимается

подлинность, достоверность, неразрывно связанные со свойством целостности объекта [7, с. 16].

Согласно Нарского документа о подлинности от 1994 г., «Аутентичность <...> является существенным качественным фактором, который касается достоверности имеющихся источников информации. Ее роль является ведущей как в любом научном исследовании, как при вмешательстве по сохранению или реставрации, так и в процедуре занесения в Список всемирного наследия или в любой другой реестр культурного наследия» [9, с. 62]. Однако собственное определение подлинности в указанном документе отсутствует.

Вместе с тем следует обратить внимание на положения Рижской хартии о подлинности и исторической реконструкции культурного наследия. Определено, что аутентичность является критерием степени достоверности и точности сохранения важных признаков культурного наследия (включая форму и проектное решение, материалы и конструкции, функциональное назначение и использование, традиции и технологии, размещения и окружающей среды, дух, эмоции и другие факторы) [9, с. 64].

Предлагается определять понятие «аутентичность» как настоящее, вероятность, точность, оригинальность и достоверность, а также наличие исторической истины объекта культурного наследия.

Из вышеприведенного следует, что недвижимый объект, для того чтобы мог стать памятником архитектуры, должен соответствовать определенным критериям. К сожалению, на законодательном уровне такие критерии четко не установлены. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» устанавливает порядок занесения объекта культурного наследия в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (далее — Реестр).

Для определения порядка приобретения недвижимым объектом статуса памятника архитектуры необходимо соблюсти соответствующую процедуру. В настоящее время действует приказ Министерства культуры от 02.07.2015 г., которым был утвержден «Порядок проведения работ по выявлению объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, и государственному учету объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия» [2]. Из этого Порядка следует, что все объекты культурного наследия находятся на учете. Этот учет включает: выявление, обследование, исследование, фотофиксацию объектов культурного наследия, подготовку графических материалов (в случае необходимости) и определения предмета охраны культурного наследия, составление перечней объектов культурного наследия и учетной документации на эти объекты, подготовка представления Министерству культуры РФ и Правительству для занесения объектов культурного наследия в Единый государственный реестр объектов культурного наследия.

Выявление включает: обследование (исследование) в натуре, историко-архивные и библиографические исследования, определение предмета охраны, установление

степени сохранности, первоначального назначения, современного использования, фотофиксацию (в случае необходимости графическую фиксацию), изготовление короткой исторической справки и учетной карточки. После этого на выявленные объекты культурного наследия составляется учетная карточка объекта культурного наследия, краткая историческая справка, акт технического состояния объекта (памятника) культурного наследия, которые подаются по месту нахождения таких объектов на рассмотрение соответствующих органов по вопросам охраны культурного наследия, перечень которых определен Порядком, и которые оценивают соответствие каждого объекта критериям.

По результатам оценки выявленных объектов культурного наследия оформляется протокол, в котором указывается, каким именно критериям отвечает (не отвечает) каждый объект культурного наследия, на основании которого соответствующий орган исполнительной власти или орган охраны культурного наследия принимают решение о занесении (незанесении) объектов культурного наследия в Перечень. После прохождения этой процедуры решается вопрос о включении объекта культурного наследия в Реестр.

Все объекты культурного наследия разграничиваются на объекты федерального, регионального и местного значения. В зависимости от уровня значения к объектам культурного наследия устанавливаются различные требования. В частности, объекты культурного наследия федерального значения являются особой исторической или культурной ценностью и должны отвечать критерию подлинности, а также соответствовать одному из следующих критериев: оказали значительное влияние на развитие культуры, архитектуры, градостроительства, искусства страны. Соответствие каждого объекта критериям оценивается соответствующими комиссиями, по результатам чего в 15-дневный срок предоставляется заключение о целесообразности внесения этого объекта в реестр, после чего экспертная комиссия Министерства культуры решает вопрос о занесении объекта в Реестр, что оформляется протоколом.

Из приведенного видно, что в целом законодательные и подзаконные нормативно-правовые акты в своей совокупности регламентируют и определяют порядок предоставления недвижимым объектам статуса памятника архитектуры. Такой статус объект приобретает с момента внесения к нему соответствующих сведений в реестр, после составления соответствующего протокола о целесообразности такого внесения Министерством культуры. Кроме того, такой статус объект мог получить с момента постановки его на учет соответствующими органами исполнительной власти, что имело место до вступления в силу федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ», но до решения вопроса о включении (невключении) объекта в Реестр.

Несмотря на вышеуказанное анализ судебной практики в этой сфере свидетельствует, что суды не всегда учи-

тывают, что для установления статуса памятника, законом предусмотрена специальная процедура, все это приводит к отмене принятых процессуальных решений. Так, в деле № 1852—246—2018 от 24.05.2018 г. Арбитражный суд Калининградской области назначил судебную экспертизу для определения статуса памятника. Указанное постановление было отменено Верховным судом с указанием на специальный порядок определения памятника архитектуры. Указанным постановлением суд высшей инстанции отметил, что верное определение правового статуса объекта предоставляет или лишает памятник соответствующего правового режима и сослался на положения закона РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ», по которым объекты культурного наследия независимо от форм собственности, в соответствии с их археологической, эстетической, этнологической, исторической, художественной, научной или художественной ценностью, подлежат регистрации путем внесения в Единый реестр по категориям федерального, регионального и местного значения памятника. С занесением в Реестр на объект культурного наследия на все его составляющие элементы распространяется правовой статус памятника [2].

Несмотря на то, что вопрос приобретения и прекращения недвижимыми объектами статуса памятников архитектуры не является широко исследованным на научном уровне, а законодательные положения содержат, в частности, отсылочный характер к подзаконным нормативно-правовым актам, можно сделать определенные выводы по результатам исследования выбранной тематики. Прежде всего, определено, что для получения статуса памятника архитектуры объект должен обладать двумя признаками: ценностью (в частности, культурной) и аутентичностью. Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что если с понятием «ценность» вопрос более или менее решен и понятен, то относительно подлинности делать такие выводы не представляется возможным. Законодатель определяет подлинность в качестве критерия отнесения объекта к культурному наследию, однако вместе с тем четкого и окончательного определения этому понятию не дает. Поэтому следует определять подлинность как настоящее, вероятность, точность, оригинальность и достоверность, а также наличие исторической истины объекта культурного наследия. Вместе с тем наличие соответствующих признаков еще не вызывает бесспорность отнесения объекта к памятникам архитектуры. Законодательными и подзаконными нормативно-правовыми актами определена соответствующая процедура, которую должен пройти каждый объект, чтобы получить соответствующий статус. В частности, такая процедура включает выявление объекта, его обследование, составление к нему отчетной документации, предоставление соответствующими органами заключения для взятия такого объекта на учет и включения его в перечень и следующий этап — решение вопроса о занесении объекта в единый реестр объектов культурного наследия.

Литература:

1. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ.
2. Приказ Министерства культуры РФ «Об утверждении порядка формирования и ведения перечня выявленных объектов культурного наследия, состав сведений, включаемых в данный перечень» от 02.07.2015 г. № 1907.
3. Рижская хартия «Об аутентичности и исторической реконструкции в отношении к культурному наследию» от 24.10.2000 г.
4. Бакаева А. Г. Спорные вопросы оборота культурных ценностей как объекта интеллектуальной собственности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2016. — Т. 16. — № 4. — С. 454–458.
5. Долгов С. Г. Культурные ценности как объекты гражданских прав и их защита (гражданско-правовой и криминалистический аспекты): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — М., 2000. — 189 с.
6. Дугужева М. Х. Трансформация законодательства о культуре в условиях цифровизации / Дугужева М. Х., Си-маева Е. П. // Вестник Пермского университета; Сер.: Юридические науки. — 2019. — № 44. — С. 190–208.
7. Залюбовская Н. В. Объект культурного наследия как предмет залогового обязательства // Банковское право. — 2016. — № 6. — С. 13–18.
8. Мурзабулатова З. Р. Теорико-правовые аспекты защиты прав наследников при наследовании культурных ценностей // В сборнике: Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества. Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции «Право на устойчивое развитие», посвященной Дню прав человека. Институт права Башкирского государственного университета. — 2017. — С. 154–160.
9. Скоморохов В. П. Правовое обеспечение и реализация культурных прав человека и гражданина в России // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2017. — № 4 (31). — С. 61–65.

Принцип единства правовой судьбы земельного участка и здания (сооружения)

Шошина Оксана Васильевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье анализируется суть принципа единства правовой судьбы земельного участка и объектов недвижимости, которые на нём расположены, проводится его анализ в доктрине земельного права РФ. В статье также проводится сравнение принципа единства правовой судьбы земельного участка и объектов недвижимости, которые на нём расположены, с концепцией единого объекта недвижимости и концепцией отдельных (самостоятельных) объектов недвижимости.

Ключевые слова: принцип единства правовой судьбы земельного участка и объектов недвижимости, объект недвижимого имущества, земельный участок, вещь, составная часть вещи.

The article analyzes the essence of the principle of the unity of the legal fate of the land plot and real estate objects located on it, analyzes it in the doctrine of land law of the Russian Federation. The article also compares the principle of the unity of the legal fate of the land plot and the real estate objects that are located on it, with the concept of a single real estate object and the concept of separate (independent) real estate objects.

Keywords: principle of unity of the legal fate of the land and real estate, immovable property, land, thing, part of a thing.

Актуальность темы исследования обусловлена важной ролью принципа единства правовой судьбы земельного участка и объектов недвижимости, в правовом регулировании земельных отношений в РФ. Ведь разобщенность правовой судьбы земельного участка и объектов недви-

мости, порождает коллизии между правами собственника земельного участка и собственника здания или сооружения, а также на практике влечет значительное число споров.

Принцип единства правовой судьбы земельного участка и объектов недвижимости, активно исследуют

в теории земельного права, в частности, Кулинич П. Ф., Мирошниченко А. М., Носик В. В., Резниченко С., Рипенко А. И., Федорович В. И. и другие. Вместе с тем, в науке земельного права отсутствует комплексное исследование данного вопроса.

Целью статьи является показать место принципа единства правовой судьбы земельного участка и объектов недвижимости, в земельном праве в РФ и в доктрине земельного права РФ.

Проблему соотношения прав и обязанностей владельцев земельного участка и владельцев здания или сооружения, которое расположено на земельном участке, следует назвать одним из наиболее сложных в современном земельном праве. Ведь владелец здания является фактическим владельцем земельного участка, по крайней мере той ее части, что находится под застройкой.

Разобщенность правовой судьбы земельного участка и недвижимого имущества непременно влечет за собой коллизию между правами собственника земельного участка и собственника здания или сооружения, что приводит к значительному количеству споров.

Поскольку с развитием рыночной экономики в РФ земля стала все более активно вовлекаться в гражданский оборот, «догоняя» оборот зданий, создания единого режима регулирования оборота этих самостоятельных объектов недвижимости стало первоочередной задачей. Производя эффективный режим правового регулирования такого оборота, можно базироваться на различных принципах. Мировой практике известны следующие: признание земельного участка и здания или сооружения, самостоятельными объектами правоотношений; концепция единого объекта недвижимости; принцип единства правовой судьбы земельного участка и объектов недвижимости.

Принцип единства правовой судьбы земельного участка и объектов недвижимости — это установленные государством правила, по которым земельный участок и объекты недвижимости, одновременно участвуют в обороте, хотя и рассматриваются как отдельные объекты (вещи). В РФ данный принцип реализован не в полной мере [15].

Модель единого объекта хорошо сочетается с отчасти футуристической концепцией земельного участка как трехмерного контура: все, что находится внутри этого контура, должно рассматриваться как его составная часть. Весьма вероятно, что в ближайшем будущем вместо понятий «недвижимая вещь», «земельный участок» и прочие вещное право перейдет на оперирование зарегистрированными объемами пространства как объектами вещных прав [15].

Признание земельного участка и здания (сооружения), самостоятельными объектами правоотношений. Данная концепция предусматривает отсутствие любой связи здания или сооружения с земельным участком. В целом данный подход характерен для социалистических систем, где право собственности на землю признается только за

государством, например, для Китайской Народной Республики (ст. ст. 9, 10 Конституции Китайской Народной Республики 1982 г. [6] и Закон Китайской Народной Республики «Об управлении землями» 1986 г. [8] закрепляют социалистическую государственную собственность на землю).

Впервые понятие «недвижимое имущество» было сформировано еще в римском праве, в первую очередь это было связано с ведением в гражданский оборот земельных участков и других природных объектов. К недвижимости относили землю, недра и все что создано ручькотворным трудом на собственной земле, в том числе к недвижимым вещам относили насаждения и посевы. Несомненно, что при таком понимании взаимодействия земли и все что на ней создано, соблюдался принцип единства земли и объекта возведенного, созданного на поверхности земли.

В дальнейшем римское право создавало фундаментальную основу для формирования и развития юридической науки в европейских государствах.

В VIII—XIX вв. Германии и Франции под недвижимой вещью понималось объединение движимого и недвижимого объекта.

В Древней Руси к земле было особое, религиозное отношение, никак к объекту правоотношений, а как к части русского достояния, наследия. Данная концепция внесла свои коррективы в развитие Российского права.

Позднее в княжеской Руси земельные отношения видоизменились в стороны приближения к европейской модели землевладения, а именно земля могла принадлежать определенной категории граждан: боярам, монастырям и другим лицам состоятельного сословия.

В дальнейшем владение землей осуществлялось централизованно, московским князем, фактическим монополистом, владельцем всех земель русских. Появляются понятия землевладения такие как, «вотчина» и «поместье».

Поместье — это особое земельное владение, выдаваемое военным и государственным служащим.

Вотчина — это переходящее по наследству землевладение, в том числе постройки, здания и зависимые крестьяне на правах частной собственности.

В 1714 году, указом Петра I, были объединены вотчина и поместья в одно определение «недвижимое имущество». Петр I, стал основоположником формирования государственной системы ограничения права частной собственности.

19 февраля 1981 года Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права и Положение о крепостных крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Крестьяне получили личную свободу и право распоряжаться своим имуществом. Помещики сохранили собственность на принадлежавшие им земли и были обязаны предоставить крестьянам в постоянное пользование «усадебную оседлость».

На протяжении многих веков в России формировалось понятие недвижимости приближенное к современному

понятию недвижимой вещи, но революция в 1917 году и затем принятый Декрет о земле, отменивший частную собственность на землю, привели к регрессивному искажению советского законодательства. Были утрачены понятия деления вещи на движимые и недвижимые, частная собственность, на смену которых сформировалось единое понятие «государственная собственность на землю».

Концепция единого объекта недвижимости. Исторически сложившийся или такой подход еще можно назвать «первобытным», поскольку возник он в Древнем Риме, где существовал принцип «*superficies solo cedit*» наземное имущество прирастает к земельному участку, основан на том, что земля является главной вещью, а другие расположенные на ней объекты недвижимости — ее составные части. Правовая судьба такого объекта недвижимости как единого целого определяется исходя из операций, осуществляемых с земельным участком. Данная концепция внедрена в законодательство большинства стран мира, в частности, в законодательство Республики Эстония (Закон об общей части ГК Республики Эстония [9]), Республики Италии (ст. 934 ГК Италии [10]), Королевства Нидерландов (ст. 5:20 ГК Королевства Нидерландов [11]), Польши (ст. 48 ГК Республики Польши [7]), Федеративной Республики Германия (далее — Германия) (ч. 1 ст. 94 ГК Германии [12]), Республики Хорватии (ч. 3 ст. 2 Закона «О право собственности и другие вещные права» [13]), Швейцарской Конфедерации (ст. 667 ГК Швейцарской Конфедерации [14]) и др.

Принцип единства правовой судьбы земельного участка и объектов недвижимости. Данный принцип предусматривает, что два отдельных объекта недвижимости-земельный участок и здание или сооружение, одновременно участвуют в обороте. Принцип единства правовой судьбы земельного участка и объектов недвижимости введен в законодательство РФ.

Также делаются попытки определить понятие «здания» и «сооружения» на научном уровне. Некоторые автора определяют здание как любой искусственно созданный на земельном участке или под ним объект, который фундаментально связан с земельным участком и используется для проживания или пребывания людей, размещения недвижимых вещей; а сооружение определяют как любой отличный от здания, искусственно созданный на земельном участке или под ним объект, который фундаментально связан с земельным участком и используется для выполнения специальных технических функций [17, с. 102–104].

В науке земельного права, распространена точка зрения, что последовательная реализация принципа единства правовой судьбы земельного участка и объектов недвижимости, которые на ней расположены, приведет к созданию единого объекта недвижимости. Нельзя не согласиться с этой позицией, как и с точкой зрения о том, что воплощение в законодательстве концепции «единого объекта недвижимости» — дело достаточно отдаленной перспективы [16, с. 154].

Бесспорно, успешная реализация принципа единства правовой судьбы земельного участка и объектов недвижимости, которые на ней расположены, создает базу, которая в будущем будет способствовать формированию единого объекта недвижимости. Однако передача земельного участка владельцу здания или сооружения — это лишь первый этап на этом пути. Для формирования единого объекта недвижимости необходимо объединить не юридические судьбы, а сами объекты (земельный участок или сооружения) в один единый объект недвижимости — земельный участок.

Единый объект недвижимости можно рассмотреть на примере законодательства Германии, где такой объект недвижимости составляет земельный участок. Конечно, под земельным участком следует понимать земельный участок вместе со всеми ее составными частями. Согласно ч. 1 ст. 94 ГК Германии [12], к существенным составным частям земельного участка принадлежат вещи, прочно соединенные с землей, в частности строения, а также продукты земельного участка, пока они связаны с землей. Семена становятся существенной составной частью земельного участка с момента посева, растение — с момента их посадки. Под зданиями судебная практика понимает дома и другие здания, мосты, подземные гаражи, не прикрепленные к земле готовые гараже из бетона. В Германии недвижимостью признаются земельные участки, а здания и сооружения не признаются ни движимыми вещами, ни недвижимыми вещами. Они соединены с земельными участками, в силу чего утратили свою самостоятельность и не отвечают признакам вещей, а считаются составными частями земельного участка и составляют с ней одно целое [16, с. 135].

Важным признаком существенной составной части является ее прочная связь с землей. При этом, прочно связанные части это те, которые при их отделении от земельного участка будут разрушены. А также необходимо, чтобы такая связь имел постоянный характер. Составные части вещи, которые не могут быть отделены одна от другой без того, чтобы какая-то из них не была разрушена или изменена в своей сущности, не могут быть предметом отдельных прав (ст. 93 ГК Германии). Иными словами, составные части могут участвовать в обороте только как одно целое.

Стоит отметить, что ГК Германии оперирует таким понятием, как «временно присоединены составные части». Так, согласно ст. 95 ГК Германии, к составным частям земельного участка не принадлежат вещи, связанные с землей лишь для временных целей. Аналогичное правило применяется к зданиям или сооружениям, возведенного на земельном участке лицом, обладающим ограниченным правом на чужой земельный участок.

Как уже отмечалось, концепция единого объекта недвижимости внедрена в законодательство большинства стран. В этом контексте можно сказать, что формирование связи земельного участка и здания или сооружения, которая на ней расположена, в целом такое же, как и в Германии.

В настоящее время положение о единстве судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов закреплено в подпункте 5 пункта 1 статьи 1 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ) [2] в качестве одного из принципов земельного законодательства. Согласно этому принципу все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами.

Принцип «единства судьбы» конкретизируется в ст. 35 ЗК РФ, ст. 273 ГК РФ и в п. 1 ст. 552 ГК РФ, регулирующие переход прав на земельный участок при отчуждении объектов недвижимости (здания, строения, сооружения). Системный анализ норм ЗК РФ (ст. 35) и ГК РФ (ст. 273, ст. 552) позволяет прийти к выводу, что если земельный участок и объекты недвижимости находятся на праве собственности у одного лица-собственника, то отчуждать недвижимость без земельного участка и земельный участок без недвижимости нельзя. Таким образом можно сказать, что сфера применения данного принципа распространяется на случай, когда собственник земельного участка одновременно является собственником недвижимости. В то же время, из положений Постановления Пленума ВАС РФ от 24 марта 2005 года № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» [3] так же усматривается, что в случае если заключена сделка, по которой воля сторон направлена на отчуждение недвижимости (здания, строения) без соответствующего земельного участка или отчуждение земельного участка без недвижимости, если земельный участок и недвижимые объекты принадлежат на праве собственности одному лицу относится к ничтожной. Аналогичное положение применяется и в случае, если права на землю прекращаются в связи с реквизицией, конфискацией здания, строения, сооружения, либо обращения взыскания на указанное имущество по обязательствам его собственника.

Для примера рассмотрим Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11 февраля 2015 года по делу № А29–4251/2013 [3]. Из материалов дела усматривается, был заключен договор купли-продажи недвижимости, по которому продавец обязан был передать здание цеха. Однако продавец уклонялся от регистрации перехода права собственности на здание, и истец обратился в АС с иском о государственной регистрации перехода права собственности на здание. Судебные инстанции при рассмотрении спора о государственной регистрации перехода права собственности на земельный участок по делу № А29–4252/2013 Арбитражного суда Республики Коми [5] пришли к выводу о незаключенности договора купли-продажи земельного участка, поскольку стороны этого договора не согласовали условие о предмете договора, а сам земельный участок, указанный в договоре, не являлся объектом кадастрового учета и не мог быть идентифицирован в качестве объекта права. Суды первой и апелляционной инстанций, пришли к обоснованному

выводу о том, что подписанная в нарушение п. 4 ст. 35 ЗК РФ сторонами сделка по отчуждению спорного здания без земельного участка, на котором оно расположено, является ничтожной, а потому правомерно отказали в удовлетворении заявленного иска.

Таким образом, анализ судебной практики показывает, что несоблюдение принципа единства судьбы земельного участка и расположенного на нём объекта недвижимости при заключении договора купли-продажи недвижимости приводит к признанию таких договоров или условий договоров ничтожными. Указанное положение должно соблюдаться всеми участниками договорных отношений.

Неточность и неоднозначность принципа «единства судьбы» земельного участка и объектов недвижимости порождает в правоприменительной практике широкий круг проблем. Представляется, одним из способов решения обозначенных проблем является, во-первых, необходимость обобщения судебной практики в целях разъяснения правильности применения принципа «единства судьбы» земельного участка объектов недвижимости, а так в целях обеспечения единства в применении и понимании данного принципа, во-вторых, устранить все существенные противоречия между гражданским и земельным законодательством в сфере оборота земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости.

Модель единого объекта — это наиболее прогрессивное и удобное отражение в мире права земельного участка и построек. Эта модель основана на классическом и хорошо разработанном понятии составной вещи. Постройка как составная часть вещи не является самостоятельным объектом права, на нее не возникает собственности или иных вещных прав, которые подлежали бы регистрации в реестре, она является «продолжением» земельного участка, образуя с ним одну вещь, единый объект.

Постройка может быть не только составной частью участка, но и составной частью ограниченного вещного права, которое лицо, застроившее чужой участок, имеет на него.

В итоге можно сказать, что принцип единства правовой судьбы земельного участка и объектов недвижимости, которые на ней расположены, и концепция единого объекта недвижимости обеспечивают одновременный переход прав на земельный участок и здания или сооружения. Основное различие заключается в методах их реализации.

Концепция единого объекта недвижимости не только позволяет удачно описать сочетание земельного участка и построек, но и вполне может быть применена для создания удобных правовых режимов в сфере поэтажной собственности. Для этого достаточно представить, что право собственности на земельный участок, застроенный зданием, разделенным на помещения, разбито на количество долей, соответствующих количеству помещений, и каждая доля предоставляет ее обладателю эксклюзивное право на использование соответствующего помещения [15].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ// (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019)// «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N32, ст. 3301
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
3. Постановления Пленума ВАС РФ от 24 марта 2005 года № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства»// Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2005. № 5.
4. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11 февраля 2015 года по делу № А29—4251/2013
5. Определение Арбитражного суда Республики Коми от 10 октября 2014 г. по делу № А29—4252/2013
6. Китайской Народной Республики 1982 г.— [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://sinolink.ru/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B9%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF/> (Дата обращения 07.10.2019)
7. Гражданский кодекс Республики Польша — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lex.pl/akt-prawny/-/akt/dz-u2014-121-u> (Дата обращения 07.10.2019)
8. Закон Китайской Народной Республики «Об управлении землями» 1986 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.china.org.cn/english/environment/34345.htm> (Дата обращения 07.10.2019)
9. Закон об общей части ГК Республики Эстония от 17.04.2002 No 144. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakony.ee/index.php?id=24> (Дата обращения 07.10.2019)
10. The Civil Code of the Republic of Italy // The Cardozo Electronic Law Bulletin. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.jus.unitn.it/cardozo/Obiter_Dictum/codciv/home.html (Дата обращения 07.10.2019)
11. The Civil Code of Netherlands (The Dutch Civil Code or The Burgerlijk Wetboek). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dutchcivillaw.com/civilcodebook055.htm> (Дата обращения 07.10.2019)
12. The German Civil Code. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/index.html (Дата обращения 07.10.2019)
13. Act «On Ownership and Other Real Rights» of 2 October 1996. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pak.hr/cke/propisi,%20zakoni/en/OwnershipandOtherRealRights/EN.pdf> (Дата обращения 07.10.2019)
14. Swiss Civil Code of 10 December 1907. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.admin.ch/opc/en/classified-compilation/19070042/index.html> (Дата обращения 07.10.2019)
15. Бевзенко Р. С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости М.: М-Логос, 2017. — 80 с.
16. Право собственности на землю в России и ЕС: правовые проблемы: сборник статей / отв. ред. И.А. Иконническая. — М.: Волтерс Клувер, 2009. — 288 с.
17. Рабчинская Л. Здания и сооружения, используемые в сфере хозяйствования / Л. Рабчинская // 2015. — No82. — С. 102—104.

Законотворчество и проблемы его совершенствования в Российской Федерации

Шульга Никита Евгеньевич, студент

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В статье проанализировано состояние законотворческой деятельности в Российской Федерации, рассмотрены родственные с ней правовые категории, раскрыто практическое значение законотворчества в современный период. На основе проведенного анализа сделаны выводы и внесены предложения по совершенствованию законотворческой деятельности в России.

Ключевые слова: закон, законотворческая деятельность, законодательный процесс, законотворческий процесс, правотворчество, правовой акт.

Актуальность темы. В современный период несовершенство законодательной базы в Российской Федерации негативно влияет на решение проблем экономики,

государственного управления, других сфер общественной жизни. Среди многих факторов, влияющих на формирование несовершенной системы законодательства России,

выделяется законотворческий процесс, в котором производятся правовые основы национального законодательства — законодательные акты.

Сегодня курс на ускорение реформ заставляет законодателя стремиться к быстрому охвату правовых норм, регулированию новых общественных отношений. Это сказывается на качестве закона, его системности, стабильности правовой системы, уровне правовой защищенности граждан. Именно поэтому законотворческий процесс должен играть при этом обобщающую, ориентирующую роль, поскольку другие факторы имеют значение предпосылок к нему. Следовательно, необходимым становится системное изменение политических, экономических, социальных, управленческих и других отношений в контексте законотворчества, с одновременным реформированием этого процесса, без чего достичь целенаправленного влияния на улучшение качества законодательства невозможно.

Цель статьи — проанализировать теоретические основы законотворчества, его особенности и практическое значение. Реализация поставленной цели требует анализа и оценки нынешнего состояния законотворческой деятельности в России, определение факторов, влияющих на ее эффективность, выявление актуальных проблем развития законодательства и определение путей его совершенствования.

Для большинства современных научных работ характерно отсутствие однозначного понимания и толкования таких базовых правовых понятий, как «законотворческая деятельность», «законотворчество», «законодательный процесс», «законотворческий процесс», «законодательная деятельность». Одни исследователи (Н.И. Матузов, А.В. Малько [2]) понимают законотворческую деятельность как один из видов правотворческой деятельности, отождествляя при этом понятие «законотворческая деятельность» с понятием «законотворчество», другие (Ю.В. Мухина [3]) считают, что понятие «правотворчество» нельзя сводить только к законотворчеству, которую следует рассматривать как в широком, так и узком смысле.

Содержание законотворчества заключается в том, чтобы среди возможных вариантов регулирования выбрать такой, который в наибольшей степени отвечал бы потребностям и интересам общества, способствовал бы совершенствованию законодательной системы государства в целом. Поэтому процесс создания закона в широком его понимании можно назвать законотворчеством, которое означает, «прежде всего содержательное наполнение действий, которые осуществляются с проектами законов и принятыми законами» [4].

Как отмечает Ю.В. Мухина [3], в узком смысле законотворческий процесс является синонимом законодательного и включает в себя стадии специального производства по законопроекту в и его обнародование. Именно в таком случае, по ее мнению, происходит отождествление понятий законодательной и законотворческой деятель-

ности, что в наибольшей степени и отражает полноту законотворческого процесса.

В отличие же от понятия «законодательный процесс» термин «законотворческий процесс» шире и отличается от него по субъектному составу, степени юридической регламентации и количеству стадий. Он включает в себя комплекс действий субъектов законотворчества, предшествующих официальной регистрации законопроекта в парламенте и деятельность, связанную с установлением тех или иных правоотношений, обсуждением законопроектов общественностью.

Основным отличием правотворчества от законотворчества является предмет регулирования, то есть результатом законотворческого процесса в отличие от правотворческого является не любой нормативный акт, а только закон, регулирующий важнейшие общественные отношения путем установления общеобязательных правил поведения субъектов этих отношений.

Из этого утверждения следуют важные выводы.

Во-первых, законотворчество является составной частью правотворчества (нормотворчества), данные категории соотносятся, как целое и часть. Такая позиция высказана И.Н. Сенякиным, который отмечает, что законотворчество «выступает составной частью правотворческого процесса» [4, с. 189]. Также подобное мнение высказано и в работе Ю.В. Мухиной, которая читает законотворчество «стержнем правотворчества, его важнейшей составляющей частью, обладающей всеми свойствами правотворчества» [3, с. 23].

Во-вторых, «законотворчество» охватывает правотворческую деятельность не всех, а только высших законодательных органов. В качестве доказательства этого утверждения можно привести ст. 94 Конституции Российской Федерации, где определено, что «Федеральное Собрание — парламент Российской Федерации — является... законодательным органом Российской Федерации» [1].

И, в-третьих, законотворчество порождает не всю систему нормативно-правовых актов, а охватывает только те из них, которые являются законами.

Исходя из анализа теоретических подходов можно сделать общий вывод, что законотворческая деятельность — это деятельность, направленная на создание актов высшей юридической силы — законов, которые занимают ведущее место среди других нормативных правовых актов.

Как один из важных и основных видов юридической деятельности, законотворческая деятельность в Российской Федерации осуществляется в рамках определенных правовых правил и процедур. Современную законотворческую деятельность в РФ отличает ее нацеленность на формирование качественного закона, который должен отвечать объективным потребностям общества, и иметь направленность на осуществление законопроектных и законодательных функций.

В настоящий период принцип разделения властей, согласно которому законодательная власть (Федеральное

собрание) принимает законы, а исполнительная и судебная — их применяют, обеспечивает справедливость, предсказуемость и гарантированность права и одновременно закрепляет ведущую роль законодательного органа в процессе законотворческой деятельности. Представительский статус парламента имеет наибольшее значение именно в законотворческой деятельности, поскольку ее продуктом является закон, лежащий в основе правовой системы государства и который является формой стратегического управления и регулирования общественных отношений. Имея высшую юридическую силу, он является актом прямого регулирующего воздействия и принимается с целью решения и урегулирования конкретных вопросов. Содержание закона должно соответствовать объективным требованиям общества во всех сферах жизни, учитывать национальный менталитет и особенности российского правоприменения.

Однако сегодня государственное регулирование законотворческой деятельности заключается в создании системы правовых и управленческих механизмов, которые должны обеспечивать слаженную и эффективную работу органов управления в сфере законотворчества. В связи с этим возникает необходимость совершенствования организационного, нормативно-правового, методического, материально-технического и ресурсного обеспечения органов государственной власти РФ в сфере законотворческой деятельности.

Существующая на сегодняшний день законодательная база по регламентации законотворческой процедуры является, по нашему мнению, достаточно четкой и продуманной. Однако подробная регламентация планирования законопроектной деятельности не снимает всех проблем законотворчества. Практика принятия законов свидетельствует о слабом контроле за соблюдением качества и сроков, лоббировании ведомственных интересов, недостаточно глубоком анализе планируемых инициатив.

Законотворческая деятельность субъектов законодательной инициативы в настоящее время не отличается стабильностью и использованием внутренних резервов для самосовершенствования, что обусловлено недостаточностью и слабостью теоретико-правовых и прикладных разработок в этой сфере, подменой научно обусловленных подходов политическим прагматизмом, отсутствием необходимой системности в формировании законодательного процесса парламента. Таким образом, назрела необходимость в консолидации положений, накопившиеся благодаря многолетнему опыту законотворчества в российском государстве.

Сейчас законотворчество происходит в условиях финансово-экономического кризиса, снижения уровня до-

ходов граждан, общественных дискуссий о месте и роли органа законодательной власти. Это не может не влиять на качество закона и его системность, стабильность правовой системы и уровень правовой защищенности граждан. Следовательно, курс на ускорение реформ заставляет законодателя к созданию новых правовых норм, которые должны урегулировать обновленные общественные отношения. Вполне закономерно, что достичь всеобъемлющей полноты и совершенства правового регулирования достаточно сложно, особенно с учетом наличия в действующем законодательстве определенных пробелов. Ведь каждый день возникает множество новых общественных ситуаций, отношений и противоречий, которые требуют вмешательства государства.

В связи с этим становится актуальным вопрос о целесообразности перехода к активизации законотворческой деятельности, в том числе за счет повышения эффективности норм уже действующих российских законов. Перспективы развития законотворческой деятельности заключаются, прежде всего, в модернизации и оптимизации российского законодательства, которые осуществляются по двум основным направлениям: повышение эффективности законотворческой деятельности и законотворческого процесса, а также совершенствование самой системы российских законов.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что состояние законотворческой деятельности в современной России не в полной мере отвечает требованиям сегодняшнего дня и влияет на дальнейшее развитие Российского государства. Без учета и глубокого осмысления содержания и значения законотворческой деятельности, современного ее состояния качество отечественного законодательства в ближайшее время может быть недостаточным, поскольку динамика развития общественных отношений в последние десятилетия преобладает над динамикой развития законодательства. На основании изложенного можно выделить такие основные направления модернизации и оптимизации законотворчества в Российской Федерации: повышение качества законотворчества и законотворческого процесса, создание необходимых условий для полноценной законотворческой работы, нормативное регулирование лоббизма, обеспечение социализации законодательства; обеспечение системного развития законодательства, упорядочение системы нормативно-правовых актов, обновление нормативно-правовой базы; устранение пробелов и преодоление коллизий действующего законодательства; обеспечение научного сопровождения правотворческой деятельности и пр.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

2. Матузов Н. И., Малько А. В., Шундилов К. В. Правовая политика современной России: предлагаем проект концепции для обсуждения. С. 14–15, 23–27
3. Мухина Ю. В. Понятие регионального законодательного процесса. Юридический институт ИГУ // Сибирский юридический вестник. — 2002. — № 2. — С. 23–29.
4. Сенякин И. Н. Теория государства и права / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — М., 2011. — 189 с.

Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации

Шульга Никита Евгеньевич, студент

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В статье анализируются основные проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации. На основе проведенного анализа делаются выводы и предложения по совершенствованию законотворческой деятельности в России.

Ключевые слова: законотворческая деятельность, законотворчество, законотворческий процесс, кодификация.

Актуальность темы. Процесс современного законотворчества в Российской Федерации проходит в чрезвычайно сложной обстановке на фоне экономического и внешнеполитического кризиса. Избранный курс углубления политических и экономических реформ заставляет законодателя стремиться к быстрому охвату правовыми нормами новой социальной реальности, урегулированию принципиально новых сложившихся общественных отношений. Подобная оперативность часто негативно сказывается на качестве закона, его внутренней системности, на стабильности правовой системы в целом, на уровне реальной правовой защищенности граждан и их объединений в обществе. Несовершенство и коллизийность законодательства негативно отражаются и на деятельности органов государственной власти и государственных служащих всех уровней при осуществлении ими задач и функций государства, снижают уровень правопорядка в государстве.

Можно выделить ключевые проблемные сферы, характеризующие современное состояние законотворчества в России:

1. Отсутствие надлежащей государственной политики в сфере законотворчества, согласно которой общественные интересы превалировали бы над индивидуальными интересами отдельных политиков, а принятие новых законов зависело бы исключительно от общественной необходимости урегулировать те или иные отношения. В частности, вместо того, чтобы решать проблемы путем внесения изменений и дополнений в соответствующие законы РФ с усилением государственного контроля за их выполнением, законодатель пытается решить их путем принятия новых законодательных актов. Такие акты только расширяют объем системы законодательства, однако довольно сомнительно, что они будут способствовать достижению поставленных задач.

Приоритеты развития законодательства, безусловно, зависят от того, на каком этапе находится национальное законодательство. В частности, в периоды глобальной реконструкции огромные пробелы в законодательстве требуют скорейшего заполнения. Поэтому в такие периоды, возможно, важно принимать как можно больше необходимых законодательных актов в единицу времени, а вопрос о качестве закона, о юридическом совершенстве его норм нередко отходит на второй план. Однако необходимость обеспечить надлежащее качество закона не снимается с повестки дня. В настоящее время, по нашему мнению, гораздо более значимым становится вопрос о качестве имеющихся законов, в частности, о правильности закрепленных в них нормативных юридических предписаний, об их полноте, четкости, ясности, согласованности между собой.

Но в тоже время, если законодатель уже в первые годы после принятия какого-либо закона предлагают вносить в него многочисленные изменения, и эти предложения принимаются, то это свидетельствует о низком юридическом качестве такого закона, ведь если он основательно подготовлен и принят, то не должна возникать потребность в его немедленной корректировке. В случаях, когда частые изменения действующего закона становятся обычным явлением в течение нескольких лет, следует признать, что и «корректирующая» законодательная работа также осуществляется на невысоком профессиональном уровне, ведь разумным методом работы по совершенствованию содержания действующих законов является не многократное «дерганье» одного и того же первичного закона, а комплексный анализ его недостатков и внесение всех необходимых изменений за один, а за пять, семь или десять раз.

2. Актуальной остается сфера взаимодействия законодательной политики и законодательной техники. На-

родные депутаты должны решать вопрос с точки зрения законодательной политики, а юристы-профессионалы с помощью кодификационной и законодательной техники должны реализовать мнение законодателя технико-юридически, юридически грамотно и адекватно замыслу воплотить идею законодателя в конкретных положениях законодательного акта. Законодательная политика должна отвечать на вопрос: какие отношения требуют регулирования и как именно? А законодательная техника должна найти способ как это сделать технико-юридически, с помощью средств, содержащихся в ее арсенале.

Подготовка законов — это вид юридической деятельности, осуществляемой уполномоченными субъектами, обладающими соответствующими специальными и практическими знаниями [3, с. 185]. Главной задачей составителя проекта должно стать перенесение научной концепции в плоскость единой системы нормативных правил. Между тем, законодатель должен действовать так, чтобы законопроект отвечал другим законодательным текстам, был доступным для понимания, легким в применении.

Однако отсутствие юридического образования (тем более специализированного по нормотворческой (законотворческой) деятельности) у подавляющего большинства разработчиков законопроектов приводит ко многим ошибкам, которые встречаются не только в законопроектах, но и в уже действующих законах. Так достаточно часто в законопроектах встречаются положения, которым присущ ненормативный характер, что не согласуется с природой закона как нормативно-правового акта, который призван урегулировать важнейшие общественные отношения путем установления конкретных прав и обязанностей их участников.

Усложнение парламентских процедур и правотворческой деятельности в целом настоятельно требует значительного повышения уровня профессионализма как со стороны депутатов различных по рангу представительных органов власти, так и со стороны практических работников аппарата Парламента, Правительства, администрации Президента и других органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, непосредственно связанных с процессом подготовки тех или иных законотворческих решений.

Нередки случаи, когда в законопроектах путают те или иные юридические понятия, а то и сознательно осуществляют их замену. Следует помнить, что недостатки каждого конкретного законопроекта впоследствии могут стать дополнительной проблемой, а не способом решения задач, для решения которых был принят законопроект. Указанное является результатом не только невысокого уровня общей и правовой культуры и сознания субъектов законотворчества, но и следствием отсутствия целенаправленной и эффективной государственной политики по их повышению, а также совершенствованию

профессиональной подготовки специалистов по законотворчеству.

3. Важным направлением, состояние которого нельзя считать удовлетворительным на сегодняшний день, является деятельность парламента по систематизации законодательства, включая проведение кодификационных работ. Кодификация является одним из основных путей усовершенствования российского законодательства, а кодекс — это большой систематизированный законодательный акт, который регулирует отношения, составляющие предмет определенной отрасли права или значительной ее части, и подлежащий непосредственному применению. Он является оптимальным вариантом обобщения и систематизации законодательства по определенному направлению, действенным средством ликвидации множественности актов по одному и тому же вопросу.

Проблемами в кодификационной деятельности парламента является ненадлежащий уровень научного осмысления, отсутствие последовательности в проведении кодификации национального законодательства. Какой-то цельной концепции национальной кодификации до сих пор не существует. В частности, нет общих методологических подходов к ее проведению, а не определены ее временные границы, предмет, структура. Все это и предопределяет такое положение, когда в сфере законотворчества законодатель вынужден продвигаться исключительно эмпирическим путем — в зависимости от того, подготовлены те или иные законопроекты к рассмотрению.

Сегодня при схожем подходе к пониманию кодификации, обозначению видов кодифицированных актов наблюдаются явные расхождения в решении проблем соотношения кодекса с другими законами в рамках отдельно взятой отрасли законодательства, кодексов разной отраслевой принадлежности в регулировании смежных или однородных отношений, сочетания норм кодексов с нормами статутных законов [1]. Как отмечает С.В. Бошно, приведение в соответствие вновь принимаемых актов и кодекса на стадии принятия указанных актов способствует единству норм и институтов соответствующей отрасли права [2, с. 137]. Изменяющиеся социально-экономические условия развития общества требуют переосмысления места кодекса в российской правовой системе.

Таким образом, законотворческая практика, сложившаяся в современной России, свидетельствует о недостаточной планомерности, последовательности и стабильности правовой системы, причинами чего являются: поспешное принятие законов, их внутренняя бессистемность и несоблюдение общих правил нормопроектирования, недостаточный уровень правовой культуры лиц, участвующих в законотворческом процессе. Это требует унификации и систематизации законодательства, повышение уровня обоснованности правового регулирования, реализации существующей системы правовых норм, учитывая одну из основных функций государства — законотворческую деятельность.

Литература:

1. Абрамова А. А. Кодификация российского законодательства: современность и перспективы развития [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kodifikatsiya-rossiyskogo-zakonodatelstva-sovremennost-i-perspektivy-razvitiya>
2. Бошно С. В. Кодификационные акты и другие источники права: проблемы приоритета // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: матер. междунар. науч. — практ. конф. (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова, Д. Г. Краснова. Н. Новгород, 2009. С. 137
3. Лазарев В. В. Теория государства и права: учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. — 3. изд., испр. и доп. — М.: Спарк, 2004. — 528 с.

ИСТОРИЯ

Внутренние факторы кризиса Речи Посполитой

Грибуцкая Ольга Владимировна, студент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В данной статье характеризуется внутривосточное положение государства Речь Посполитая. Исчезновение с мировой арены целого государства в результате вмешательства иностранных государств — это феномен в истории международных отношений. При этом разделу Речи Посполитой в XIX веке предшествовал внутренний кризис государства, о котором пойдёт речь в данном исследовании.

Ключевые слова: Люблинская уния, Кревская уния, Ливонский орден, Польское королевство, Литва, Ливонская война, Россия, История Польши, шляхта.

История Великого княжества Литовского и Польского королевства как единого государства начинается с 1569 года, когда между ними была заключена Люблинская Уния, свидетельствующая об образовании Речи Посполитой. Проблема Речи Посполитой в системе международных отношений занимает огромное место. Её исчезновение как единого самостоятельного государства в XVIII веке можно назвать настоящим феноменом, который требует тщательного изучения.

Люблинской унии 1569 года предшествовала Ливонская война 1558–1583 гг. В середине XVI века произошло укрепление России, возглавляемой Иваном IV Грозным. В целом царь проявлял интерес к развитию морской торговли и установлению контакта с государствами Западной Европы, поэтому он стремился овладеть Прибалтикой, где находились удобные морские гавани, и путь туда закрывал Ливонский орден [2, с. 51]. Ни княжество Литовское, ни королевство Польское не хотели усиления России. Зная о планах Ивана IV, польский король Сигизмунд II Август в 1557 году сосредоточил армию, состоящую из объединённых сил поляков и литовцев, на границе Ливонского ордена [3, с. 176]. Великому магистру Ордена Фюрстенбергу пришлось подчиниться польскому королю и нарушить мир 1554 года между Россией и Орденом. Впоследствии Иван IV начал Ливонскую войну, которая, во-первых, привела к фактическому распаду Ливонского ордена, во-вторых, привела к ослаблению литовцев, которые терпели военные неудачи. Именно это сподвигло литовских и польских феодалов объединиться, так как без помощи Польского королевства литовцы не могли успешно противостоять русским.

Ранее между поляками и литовцами уже были попытки объединения. Яркий тому пример — Кревская уния

1385 г., которая предусматривала династический брак между литовским великим князем Ягайло и польской королевой Ядвигой. Эта уния была попыткой объединиться для борьбы с внешней угрозой со стороны Тевтонского ордена [5, с. 111]. Однако именно Люблинская уния ознаменовала полное объединение.

Какой должна была стать уния по мнению поляков и литовцев? Что касается Польского королевства, магнаты и шляхта хотели полного слияния двух государств под властью Польши, получения права на феодальную эксплуатацию украинских и белорусских земель. Литовская шляхта, в свою очередь, стремилась заключить унию для усиления своих позиций в борьбе с магнатами, а магнаты Великого княжества Литовского опасались возможности потерять свою власть и влияние, поэтому они не были сторонниками реальной унии [3, с. 179]. Некоторые польские сенаторы были сторонниками того, чтобы оставить за Литвой определённую автономию, но они вряд ли смогли бы провести в жизнь свои умеренные взгляды. Литовские вельможи также были готовы только к тому, чтобы принять новый закон о престолонаследии, согласно которому каждый новый король должен был бы избираться объединённым сеймом Польши и Литвы. Также они стремились к постоянному военному союзу с Польшей [1, с. 153].

Между сторонами будущей унии существовали разногласия. Первые попытки переговоров состоялись ещё в 1563 году, однако реальные переговоры начались в 1569 году в Люблине. Литовскую сторону возглавил Николай Радзивилл Рыжий, который в знак протеста против польского давления принял решение покинуть Люблин. В ответ на данные события Сигизмунд II в марте 1569 года издал универсал о присоединении Подляшья, Волыни, Киева к Польскому княжеству. Это вынудило литовцев

уступить. 5 апреля литовские феодалы вернулись в Люблин, чтобы возобновить переговоры. В конечном итоге акт унии был утверждён 1 июля 1569 года, а 4 июля ратифицирован королём польским и великим князем литовским Сигизмундом II [3, с. 179].

В 1569 году на мировой арене появилось сильное государство Речь Посполитая. Оно включало в себя польские и литовские территории, а также Украину, Белоруссию, части западных русских земель и Лифляндию. Герцогство Пруссия и Курляндия также находились в вассальной зависимости от Речи Посполитой.

Король избирался сообща феодалами Польши и Литвы. Высшим законодательным органом являлся сейм. На сейме король являлся лишь его председателем. Формально и шляхта, и магнаты были равны в правах, но фактически большим влиянием по-прежнему обладали магнаты [3, с. 180–181]. Речь Посполитую также называют шляхетским государством, потому что данное сословие стремилось отвоювать себе всё больше привилегий и постепенно стало слоем привилегированных землевладельцев.

В 1572 году умер Сигизмунд II, после которого прервалась династия Ягеллонов. После этого Генрих Валуа стал королём польским и великим князем литовским с 1573 по 1574 год. Генрих III — это последний король Франции из династии Валуа (1574–1589 гг.). По сути Речь Посполитая стала дворянской республикой с избираемым королём. Такой государственный строй появился с принятием «Генриховых артикулов» французского принца Генриха Валуа [3, с. 183]. Данные артикулы представляли собой документ об ограничении власти короля в Речи Посполитой. Согласно ему, король не имел возможность противостоять решениям, принимаемым сеймом, а шляхта могла не повиноваться королю, в случае если тот откажется от прав и привилегий шляхты.

Шляхта стремилась увеличить своё влияние на политику Речи Посполитой. Это ярко выражалось при следующем короле — Стефане Батории (1576–1586). В 1578 году сейм устранил королевский суд и установил шляхетские трибуналы. Данный пример демонстрирует попытку шляхты ограничить королевскую власть.

Ограничение власти короля, усиление польских и литовских магнатов и шляхты в конечном результате привели к кризису законодательной власти. Ему в особенности способствовал принцип «свободного вета» — *liberum veto* [3, с. 184]. Он позволял сейму принимать какие-либо решения только единогласно и тормозил работу сейма: впоследствии неоднократно происходили срывы сеймов.

Из этого следует, что Речь Посполитая была долгое время нецентрализованным государством. Всё больший

вес в политике играла шляхта, функции короля ослабевали, велась постоянная внутренняя борьба.

Помимо кризиса законодательной и исполнительной власти причиной ослабления Речи Посполитой стал процесс оформления крепостного права. Следствием беспощадной эксплуатации крестьянских хозяйств были их разорение и упадок. Власть землевладельцев над крестьянами закреплялась и постановлениями, которые выдвигал сейм.

Внутри большого объединённого государства помимо классовых противоречий обострился и религиозный вопрос. В конце XVI века и особенно в начале XVII века при Сигизмунде III была предпринята попытка навязать православную унию с католической церковью. В 1596 г. на церковном соборе в городе Брест была провозглашена Брестская уния католической и православной церкви. Брестская уния стала своеобразным орудием усиления крепостнического гнёта восточных областей Речи Посполитой. Более того, православные не были приглашены в собор, и по приказу епископа Ипатия Поцея все русские церкви в Бресте на время собора были закрыты. Несмотря на принятие унии на протяжении всего XVII века большинство украинских крестьян сохраняло свою традиционную веру [1, с. 183–184]. Эта часть населения была против насильственного обращения в католицизм, и подобное давление не могло не вызывать возмущение народа. В результате начали появляться православные церковные братства, которые пытались бороться с распространением католицизма. Например, в 1615 году такое братство возникло в Киеве [3, с. 223–224].

Таким образом, новое государство Речь Посполитая представляла собой республику с ограниченной властью избираемого короля и большими полномочиями шляхты. Это была федерация, состоящая из отдельных воеводств, возглавляемых местными сеймиками, которые передавали свои решения в «Головной сейм» [1, с. 153]. Он носил характер конгресса поляков и литовцев, на котором должны были улаживаться их разногласия. Господствующая феодальная система привела к кризису власти и общему упадку. Политическая анархия, выражавшаяся в усилении полномочий шляхты и ограничении королевской власти, отсутствие сильного монарха, способного централизовать государство, феодальный гнёт и религиозные противоречия, неспособность угнетённого населения к общенациональному действию уже на первом этапе существования Речи Посполитой постепенно приводили государство к вмешательству иностранных государств в её политику и к грядущему распаду огромного государства.

Литература:

1. Вернадский, Г. В. Россия в средние века / Г. В. Вернадский. — Москва: ЛЕАН, Аграф, 1958. — 193 с. — URL: https://royallib.com/book/vernadskiy_georgiy/rossiya_v_srednie_veka.html (дата обращения: 30.08.2019).
2. История международных отношений: в 3 т.: учебник / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. — 3-е изд., испр. — Москва: Аспект Пресс, 2017. — Т. 1 — 399 с.

3. История Польши: в 3 т. / под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. — Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1956. — Т. 1. — 583 с. — URL: <http://inslav.ru/publication/istoriya-polshi-m-1954-1955-t-i-i> (дата обращения: 30.08.2019).
4. Новая история: учебник для ист. фак-тов ун-тов / под ред. Б. В. Поршнева, С. Д. Сказкина, Е. В. Черняка. — Москва: Мысль, 1964. — 568 с. — URL: <https://www.twirpx.com/file/2126766/> (дата обращения: 31.08.2019).
5. Тымовский, М. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. — Москва: Весь Мир, 2004. — 543 с. — URL: <http://bookre.org/reader?file=628808&pg=259> (дата обращения: 30.08.2019).

ПОЛИТОЛОГИЯ

Россия и Китай: стратегическое партнёрство в условиях постбиполярного мира

Грибуцкая Ольга Владимировна, студент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Работа посвящена рассмотрению российско-китайских отношений на современном этапе. После распада СССР между Россией и Китаем начался процесс установления партнёрских отношений, которые называют стратегическими. В статье изучен вопрос формирования нового мироустройства, а именно постбиполярной системы международных отношений. Понимание сути данного мироустройства позволяет определить, в чём состоит суть стратегического партнёрства, а также определить основные сферы, в которых соприкасаются российско-китайские отношения.

Ключевые слова: Китай, Россия, Арктика, КНР, региональное сотрудничество, стратегическое партнёрство, РФ.

В 2019 году Россия и Китай празднуют 70-летний юбилей установления дипломатических отношений. 2 октября 1949 года СССР первым признал новообразованную Китайскую Народную Республику.

Устремление взглядов России в Азиатско-Тихоокеанский регион стало одной из главных черт постбиполярного мира, сформировавшегося после распада СССР. Данное мироустройство предполагает деполяризацию системы международных отношений, увеличение роли регионального сотрудничества и значения негосударственных акторов, упор на равноправное партнёрство. В условиях становления данной миротехники происходит особое сближение России и Китая. Именно стратегической важностью такого партнёрства обуславливается актуальность исследования российско-китайских отношений.

В 2001 году между РФ и КНР был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Данные трёх принципов государства придерживаются и в настоящее время. В результате двусторонних переговоров в 2018 году лидеры двух стран заявили о готовности «продвигать международные отношения нового типа, базирующиеся на принципах взаимного уважения и справедливости, и построение сообщества единой судьбы человечества на основе равноправного участия всех стран в глобальном управлении, соблюдения международного права, обеспечения равной и неделимой безопасности, отказа от конфронтации и конфликтов, способствовать формированию более справедливого и рационального полицентричного миропорядка» [1].

Российский политолог А.В. Кортунов отмечает, что стратегическая перспектива в российско-китайских от-

ношениях «предполагает нечто большее, чем солидарное голосование в Совете Безопасности ООН или даже усилия по сопряжению китайского проекта «Один пояс, один путь» и российских усилий по развитию Евразийского экономического союза» [3]. Таким образом, в настоящее время происходит Исследователь говорит о том, что она предусматривает совмещение взглядов на процесс формирования нового миропорядка.

Стратегическому взаимодействию двух стран способствует общность широкого спектра интересов. Эту мысль подчёркивает и министр иностранных дел РФ С.В. Лавров: двусторонние отношения «базируются на совпадающих глубинных национальных интересах двух стран-соседей с огромной совместной границей» [6]. В рамках данного взаимодействия существенную роль играет гуманитарное сотрудничество, под которым понимается содействие культурному диалогу, развитие публичной дипломатии [6]. В настоящее время происходит активное двустороннее развитие сферы науки и образования, которое проявляется, например, в распространении русского языка в Китае, открытии институтов Конфуция на территории всей России. В 2020 и 2021 годах планируется провести перекрёстные годы российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества [5].

Однако большую значимость для стратегического взаимодействия играет региональное сотрудничество. С 2013 года функционирует межрегиональный проект «Волга-Янцзы» — проект контактов Приволжского федерального округа и провинций верхнего, среднего течения реки Янцзы. В 2016 году В.В. Путин выступил с инициативой создания Большого Евразийского пар-

тнёрства с участием стран-участниц ЕАЭС и Китая, что способствует широкой евразийской интеграции. Также большой вклад в укрепление отношений двух стран делает сотрудничество в рамках таких международных организаций, как ШОС, АСЕАН, БРИКС, а также регулярные встречи лидеров двух государств.

Одной из причин смещения стратегических интересов России в восточный регион является антироссийская политика, проводимая западными крупными державами на фоне украинского кризиса 2014 года. Стремясь избежать международной изоляции в условиях санкций, Россия активизировала свою деятельность по вовлечению в азиатские структуры, что способствует улучшению экономического и политического положения РФ.

Между странами происходит активное инвестиционное сотрудничество, для углубления которого по инициативе глав государств были созданы Межправительственная Российско-Китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству и Российско-Китайский инвестиционный фонд Регионального Развития [5]. Не стоит забывать и о подписании ряда инвестиционных соглашений между Россией и Китаем в рамках Восточного экономического форума, который проводится в нашей стране с 2015 года.

Сотрудничество России и Китая охватывает и взаимодействие в космической сфере. Существуют программы двустороннего сотрудничества в области космоса на 2018–2022 годы, в рамках которых проводится исследование Луны и дальнего космоса, дистанционное зондирование Земли, мониторинг космического мусора [5]. Координация усилий по освоению космоса в будущем сыграет большую роль, так как в мире активно происходит борьба за его пространство, которая началась ещё во времена Холодной войны. Космическое право неслучайно стало одной из отраслей международного права.

Особенно важной для России в настоящее время является проблема Арктики, за влияние в которой ведётся активная борьба как арктических, так и неарктических государств. В данном регионе своё влияние стремится распространить и Китай, который также стремится реализовать свои интересы через проект «Один пояс, один путь». Китай стремится сформировать морской экономический коридор между Китаем и Европой через Северный Ледовитый океан, а также имеет заинтересованность в развитии рыболовства в Арктике. Россия заинтересована в привлечении китайских инвестиций для развития российской Арктики [4, с. 61]. Исходя из совместного заявления РФ и КНР в июне 2019 года, страны готовы оказывать поддержку сотрудничеству в области полярных научных исследований, содействовать проведению совместных арктических экспедиций и осуществлению совместных исследовательских проектов в Арктике. Особое значение при этом играет Международный арктический форум «Арктика — территория диалога» [5]. Среди арктических государств четыре (Канада, США, Норвегия, Дания) являются членами НАТО, поэтому в решении арктического вопроса Россия остаётся без союзников.

Стремление России использовать стратегическое сближение с Китаем в данном регионе на фоне её изолированного положения считается очевидным.

Набирает обороты и сотрудничество в военной сфере. В рамках стратегического командно-штабного учения «Центр-2019» в отработке совместных действий участвовали и воинские контингенты Китая, в 2017 году было проведено совместное учение флотов на Балтике. В июле 2019 года Россия выступила с инициативой проведения переговоров по поводу заключения нового соглашения о военном сотрудничестве, которое сможет заменить аналогичный документ 1993 года. Эксперт В.Б. Кашин отмечает, что в рамках формирования нового миропорядка стороны отрицают возможность заключения военного союза, называя его «пережитком прошлого» [2]. Это можно объяснить тем, что оба государства ориентированы на построение многополярного мира, основанного на равноправии и отказе от конфронтации, в результате чего утрачивается необходимость формировать военные коалиции. У России и Китая есть общий конкурент — США. Данное государство в рамках политики расширения НАТО на Восток стратегически угрожает безопасности России, однако российская сторона ограничивается лишь укреплением стратегического партнёрства. Если будет создан блок, противостоящий НАТО, то мир столкнётся с возвратом к биполярной системе международных отношений. Поэтому государства ограничиваются лишь военным сотрудничеством.

При этом стратегическому партнёрству способствует успешное решение спорных вопросов. Большой точкой в отношениях многих государств всегда был территориальный вопрос. Такая проблема существовала и в российско-китайских отношениях. Так в 2004 году путём заключения двустороннего соглашения была урегулирована территориальная проблема. В 2008 году была проведена окончательная демаркация границы, Россия передала КНР половину Большого Уссурийского и Тарабарова островов на реке Амур, а также остров Большой на реке Аргунь. Данные соглашения положили конец территориальным противоречиям двух стран, что создаёт благоприятную атмосферу для укрепления их связей. Остаётся выразить надежду на то, что в будущем данный вопрос не обострится вновь.

Другим вызовом, который оказывал неблагоприятное влияние на стратегическое партнёрство России и Китая, считается определённая асимметрия уровня экономических отношений двух стран, которая препятствует осуществлению масштабных и долгосрочных проектов. Возникает проблема установления равноправного партнёрства при неравенстве двух стран [7, с. 8]. В настоящее время сфера экономических отношений налаживается, однако долгое время она являлась слабым звеном отношений России и Китая. При этом несмотря на широкий спектр сфер политического сотрудничества нельзя отрицать наличие экономической конкуренции в вопросе расширения своего влияния, что является естественным процессом в данной области.

Таким образом, на современном этапе отношения России и Китая действительно можно назвать стратегическими. Работа позволила увидеть, что в настоящее время существует большое количество областей, в которых происходит особое сближение двух стран. Кроме того, исследователь Д. В. Тренин называет их

отношения Российско-Китайской Антантой — «гармоничным объединением двух крупных держав, основанным на общности некоторых ключевых интересов, определённой координации действий во внешней политике и политике безопасности и взаимной симпатии лидеров» [7, с. 23].

Литература:

1. Иванов, И. С. Россия, Китай и новый миропорядок / И. С. Иванов // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-kitay-i-novyy-miro-poryadok/> (дата обращения: 06.10.2019).
2. Кашин, В. Б. Россия и Китай: союз или стратегическая неопределенность? / В. Б. Кашин // Российский совет по международным делам (РСМД). — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-soyuz-ili-strategicheskaya-neopredelennost/> (дата обращения: 06.10.2019).
3. КОРТУНОВ, А. В. Кто будет строить новый миропорядок? / А. В. КОРТУНОВ // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kto-budet-stroit-novyy-miro-poryadok/> (дата обращения: 06.10.2019).
4. Российско-китайский диалог: модель 2018: доклад № 39/2018 / С. Г. Лузянин [и др.]; Х. Чжао [и др.]; гл. ред. И. С. Иванов // Российский совет по международным делам (РСМД). — Москва: НП РСМД, 2018. — 243 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report39-Ru.pdf> (дата обращения: 06.10.2019).
5. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 05.10.2019).
6. Тезисы выступления руководителя Россотрудничества на открытии Пятой международной конференции «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху» // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tezisy-vystupleniya-rukovoditelya-rossotrudnichestva-na-otkrytii-pyatoy-mezhdunarodnoy-konferentsii/> (дата обращения: 05.10.2019).
7. Тренин, Д. В. От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта / Д. В. Тренин // Московский Центр Карнеги. — Москва: Самполиграфист, 2015. — 27 с. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Trenin_Asia_web_Rus.pdf (дата обращения: 06.10.2019)

О системе экологического воспитания дошкольников (из опыта работы)

Симонова Елена Николаевна, воспитатель;
 Москалева Ольга Вячеславовна, воспитатель;
 Елисеева Людмила Васильевна, воспитатель;
 Березкина Наталья Николаевна, воспитатель
 МБДОУ «Детский сад общеразвивающего вида № 148» г. Воронеж

Необходимость формирования природоведческих знаний, социализации ребенка в отношении и природного окружения отражена в современных образовательных стандартах. Большинство воспитателей дошкольных учреждений представляют отдельные элементарные, часто не связанные между собой знания и представления об окружающей природной среде. Например, по мнению воспитателя «Ребенок воспринимает природу, как что-то созданное специально для него, он деятель, экспериментатор »А что будет, если...?«, поэтому дети часто не отдают отчет своим действиям. Малыши восторгаются при виде яркого цветка или красивой бабочки, но в тоже время могут бездумно раздавить бе-

гущего по тропинке муравья, сломать ветку дерева или кустарника, растоптать дождевого червяка. Познавая окружающий мир, могут сорвать ядовитые растения и пробовать их на вкус, взять в руки и сильно сжать какое-нибудь насекомое, маленькое животное, а это может привести к травме, как малыша, так и животного. Поэтому я стараюсь не только дать детям знания о природе, воспитать бережное отношение к ней, но и научить ориентироваться в окружающей природной среде — в нашем общем Доме — и обеспечить свое безопасное проживание с разными соседями — животными и растениями».

Такое видение содержания экологического образования в дошкольных учреждениях нашло отражение

и в целях. Часто цель — представляется как «воспитание экологической культуры у детей дошкольного возраста, формирование у детей осознанно — правильное отношение к природным явлениям и объектам». Соответственно и предполагается реализация цели через решение следующих задач:

- развивать знания о растениях, животных и природных явлениях;
- развивать представление о жизненно необходимых условиях для человека, животных и растений (факторах окружающей среды);
- формировать элементарные представления о причинно-следственных связях внутри природного комплекса и взаимоотношениях человека и природы;
- развивать гуманное эмоционально-доброжелательное и бережное отношения к окружающему миру;
- развивать познавательный интерес к окружающему миру;
- формировать первоначальные умения и навыки экологически грамотного и безопасного для природы и для самого ребенка поведения.

Несмотря на многообразие образовательных и парциальных программ, обеспечивающих создание условий, направленных на формирование экологической культуры ребенка, в дошкольных учреждениях не сформирована целостная система взглядов педагогов на этот процесс. В образовательных стандартах раскрывается новый подход развивающего обучения и воспитания дошкольников через создание образовательной среды. Методические приемы экологической образовательной среды пронизывают своим содержанием все образовательные области, в общем представлении формируя условия развития ребенка в соответствии с требованиями современного общества — физического и коммуникативного развития, активной познавательной и творческой деятельности, физического развития.

Видение педагогами дошкольных учреждений особенностей этой системы, формирующей условия для формирования экологической культуры, расширение представлений о методическом обеспечении и содержании образовательной деятельности поможет обеспечить достижение требований современных образовательных стандартов.

Система экологического образования

Система экологического воспитания в ДОУ складывается из системы педагогического взаимодействия воспитателей и детей, экологического просвещения родителей и педагогов и экологически развивающей образовательной среды.

Формирование среды экологического воспитания дошкольников опирается на следующие принципы:

1. **Принцип научности** предполагает знакомство дошкольников с совокупностью элементарных экологических знаний, которые служат основой формирования

мотивации действий ребенка, развития познавательного интереса, формирования основ его мировоззрения. Еще К. Д. Ушинский рекомендовал «не отвергать науки для детей», т.е. «сообщений из разных областей науки, которые могут быть полезны для ребенка и выработки его мирозерцания». В то же время он отмечал, что с одной стороны, не следует искусственно принижать научные знания до уровня детского понимания, с другой, не следует давать дошкольникам знания, которые превышают их умственный уровень развития.

2. **Принцип доступности** тесно сопряженным с принципом научности. Организация образовательной деятельности, определенная содержанием, должна отражать доступный для осознания ребенком материал в соответствии с его психолого — педагогическими характеристиками, образовательными возможностями. Принцип доступности не исключает принцип научности, однако материал должен подаваться в доступной и интересной для ребенка форме.

3. **Принцип гуманистичности** связан, прежде всего, с понятием экологической культуры. С позиции воспитания его применение означает формирование человека с новыми ценностями, владеющего основами культуры потребления, заботящегося о своем здоровье и желающего вести здоровый образ жизни. Содержание экологического образования должно способствовать также формированию у ребенка представлений о человеке как части природы и о самоценности природы, воспитывать уважительное отношение ко всем формам жизни на планете. При отборе методики экологического образования принцип гуманистичности подразумевает переход с авторитарной модели обучения и воспитания на личностно-ориентированную модель, педагогику сотрудничества взрослого и ребенка, диалоговую форму обучения, когда ребенок становится равноправным членом обсуждения.

4. **Принцип прогностичности** предполагает воспитание привычки и умения оценивать некоторые каждодневные действия по отношению к окружающей среде, предполагать последствия своих действий.

5. **Принцип активной познавательной деятельности** — основа экологического образования дошкольников. Знания которые приобретает ребенок, должны быть получены в активной познавательной деятельности, основанной на методах наблюдения, эмпатии (сопереживания), опытно-исследовательской деятельности. Экологические знания, которые ребенок усваивает в процессе обучения, становятся основой формирования мотивации его участия в различных посильных видах деятельности по сохранению окружающей среды. Принцип деятельности лежит в основе различных экологических проектов.

6. **Принцип интеграции** подразумевает экологизацию различных видов деятельности ребенка всех образовательных областей.

7. **Принцип системности** это последовательное усвоение знаний и умений, когда «каждое последующее формирующееся представление или понятие вытекает из предыдущего, а вся система опирается на определенные

исходные положения, выступающие как ее центральное ядро»..

Одним из важнейших условий реализации задач экологического образования дошкольников является правильная организация и экологизация **развивающей предметной среды**.

Главными задачами в области экологического воспитания средствами развивающей предметной среды являются:

- создание условий для формирования у ребенка экологической культуры;
- формирование условий для ознакомления и общения ребенка с природой ближайшего окружения;
- обеспечение безопасности для ребенка и природных объектов.

Экологически развивающая среда способствует:

- познавательному развитию ребенка;
- эколого-эстетическому развитию;
- оздоровлению ребенка;
- формированию нравственных качеств;
- формированию экологически грамотного поведения;
- экологизации разных видов деятельности.

К **элементам предметно-развивающей среды** можно отнести:

1. Опытнo-исследовательскую лабораторию;
2. Речевой уголок;
3. Уголок природы;
4. Динамическое панно, отражающее календарь погоды, календарь природы, состояние природы по сезонам года в рисунках детей, природных объектах;
5. Уголок здоровья;
6. Уголок творчества;
7. Игровой уголок;
8. Театрализованный уголок.

При организации предметно-развивающей среды следует придерживаться некоторых правил, обеспечивающих, прежде всего, безопасность детей.

Уголок природы представлен прежде всего комнатными растениями, к которым предъявляются особые требования, например, растения должны быть безопасны, недопустимы ядовитые и колючие (Диффенбахия, Молочай, Кротон), неприхотливые, нетребовательные к уходу и условиям содержания (Аспарагус, Хлорофитум, Бальзамин, все виды традисканций и бегоний, Коланхоэ). В уголке природы представлены схемы экосистем и различных сред обитания (наземной, воздушной, водной); материалы для ухода за растениями (палочки для рыхления земли, лейки, совочки и др.); природный материал (шишки, семена, камушки, ракушки и др.); муляжи фруктов и овощей; оборудование для выращивания овощей (лука, фасоли), рассады цветов. Наличие аквариума в уголке природы оправдано, обеспечивает проведение многих наблюдений, вызывает эмоциональный отклик у детей. Однако, корм для рыб может быть аллергеном и вызывать аллергические реакции.

В уголке природы может быть и опытно-исследовательская лаборатория, в состав которой могут быть включены емкости для экспериментирования, лупы и другое оборудование, подобранное в соответствии с программами.

Театрализованный уголок предполагает наличие персонажей настольного театра: «Три поросенка», «Заюшкина избушка», «Репка», «Колобок», «Коза и семеро козлят», «Три медведя»; пальчикового театра: «Теремок», «Лисичка сестричка и волк» и героев для самостоятельной игровой деятельности.

В уголке творчества — цветные карандаши, фломастеры, краски, кисточки, ватные палочки, поролон, бумага для рисования, цветная бумага, цветной картон, трафареты зверей, птиц, насекомых, рыб, поделки из бумаги «Природа в оригами», предметы декоративно-прикладного искусства; пластилин, глина и природный материал для самостоятельной деятельности детей (шишки, ракушки, семена и др.).

Систематическое обучение на занятиях — важное средство образовательной работы с детьми дошкольного возраста. Цепочка постепенно усложняющихся занятий, органически связанных с мероприятиями повседневной жизни — это оптимальный путь, обеспечивающий необходимое интеллектуальное и личностное развитие дошкольников.

Занятия экологической направленности строятся на принципах развивающего обучения и направлены на развитие личности ребенка в целом (умение сравнивать и обобщать собственные наблюдения, видеть и понимать красоту окружающего мира), а также на совершенствование речи дошкольников, их мышления, творческих способностей, культуры чувств.

К наиболее распространенным **методам** экологического воспитания в дошкольных учреждениях являются:

1) **наглядные** (наблюдения, рассматривание картин и иллюстраций);

2) **наблюдение** является наиболее значимым методом при накоплении конкретных сведений о растениях, животных, явлениях неживой природы. С его помощью ребенок познает не только внешние параметры объектов (окрас, строение, запах и пр.), но и их связь со средой. Наблюдение, как метод работы с детьми чаще используют в повседневной жизни, а на занятиях обобщаются, конкретизируются знания, полученные в процессе наблюдения.

Например, занятие в младшей группе «Наблюдение за рыбкой». Перед проведением этого занятия с детьми в течении недели проводится наблюдение за рыбками, живущими в аквариуме (как передвигаются, как едят, описываем их формы). Для обсуждения результатов наблюдения привлекают сказочного героя, которому надо описать особенности жизнедеятельности рыб, сравнить их с другими животными, например, птицами.

Наблюдение за комнатными растениями выражается в рассказе о них, который дети формируют, отвечая на во-

просы. Таким образом, создается модель описания, правительного рассказа.

3) **опытно-практические** (экологические игры, опыты, труд в природе, заполнение календарей наблюдения) «Посадка лука», опыты с водой «Первые заморозки», «Посев семян».

4) **метод игровых обучающих ситуаций**. На занятиях обязательно присутствуют литературные персонажи, например Чебурашка или Незнайка. В общении с героями в построенной педагогом ситуации, дети вовлекаются в диалог, объяснение, доказательства тех или моментов.

5) **метод наглядного моделирования** разработан на основе идей, что в основе развития умственных способностей ребенка лежит овладение действиями замещения и наглядного моделирования. Модель — это условное изображение объекта, его заместитель. Предметные модели позволяют моделировать природные сообщества, биотические взаимодействия в природе, отражать результаты наблюдения в природе и за погодными условиями.

Использование методов и приемов наглядного моделирования дает возможность превращать изучение любой темы в увлекательное «мыслительное конструирование». Метод эмпатии учит детей видеть и чувствовать мир. Ребенок входит в роль кого-либо или чего-либо. Самое главное — это эмоциональный настрой на добро, добрые чувства, сострадание, любовь к живому. Побывав в роли какого-либо предмета или объекта, ребенок начинает относиться к нему с уважением. Обыгрывать можно все, что нас окружает. Например, «Я цветок...», «Я сломанная ветка...», «Я муравьишка...».

6) метод педагогического противоречия помогает рассматривать природные объекты и явления в их противоречивости: полезные или «вредные» растения, злые или добрые животные. Противоречия помогают открывать перед детьми «тайну двойного» во всем; в каждом предмете, веществе, явлении, событии.

Например: «Ветер — хорошо или плохо?».

Хорошо — приносит прохладу, свежесть, гонит тучи, опыляет растения, разносит семена, крутит мельницу, раздувает паруса;

Плохо — срывает шапки, ломает деревья, вызывает шторм, ураган.

Играя в эту игру, дети открывают настоящий окружающий мир, действуя по правилам: все предметы, явления, рассматриваются сначала с положительной позиции, а затем с отрицательной, но обязательно вернуться к положительному.

В формировании системы психолого-педагогической поддержки детей в экологическом воспитании, формировании образовательной среды экологического воспитания и развития экологической культуры совместная деятельность взрослого и ребенка имеет большое значение.

Совместная деятельность обеспечивает проведение экологических праздников и досугов, природоведческих опытов, проектную деятельность, наблюдения и труда в уголке природы, работу с календарями природы и днев-

никами наблюдений, чтение художественной литературы экологического содержания, экологические игры разного вида, целевые прогулки на природе, создание самоделок, работа с моделями.

Одной из форм совместной деятельности с детьми является проектная деятельность. Проектная деятельность широко распространена в дошкольных учреждениях. Это прежде всего моделирование природных сообществ «Проект леса», творческие работы с природными объектами «Модель цветка». Проект «Письма животным» разработан для того чтобы сформировать, систематизировать, расширить представления детей о взаимосвязи животных их образа жизни со средой обитания.

Немало важную роль в формировании образовательной среды для экологического воспитания играет совместная деятельность педагога, родителей детей. Формы организации такой деятельности проявляются многогранно — в проведении совместных мероприятий, экскурсий, бесед. В экологическом воспитании приобретает значение совместное наблюдение родителей с детьми за природными объектами и явлениями. Так, для организации такой работы, в соответствии с программой, целесообразно ежемесячно вывешивать для знакомства родителей с основными вопросами или заданиями проведения наблюдений. Это может быть подтверждение народных примет (например, проверить, действительно ли кошка к похолоданию сворачивается в клубок, закрывая нос лапкой? Увидеть первый ледок на лужице, первый одуванчик и т.д.)

Итак, экологическое воспитание детей дошкольного возраста, с точки зрения многих авторов, предполагает:

- воспитание гуманного отношения к природе (нравственное воспитание);
- формирование системы экологических знаний и представлений (интеллектуальное развитие);
- развитие эстетических чувств (умение видеть и почувствовать красоту природы, восхититься ею, желания сохранить ее);
- участие детей в посильной для них деятельности по уходу за растениями и животными, по охране и защите природы.

Экологическое воспитание дошкольников следует рассматривать, прежде всего, как нравственное воспитание, ибо в основе отношения человека к окружающему его миру природы должны лежать гуманные чувства, т.е. осознание ценности любого проявления жизни, стремление защитить и сберечь природу и т.д.

Критериями сформированности осознанного и активного гуманного отношения к природе являются следующие:

- понимание необходимости бережного и заботливого отношения к природе, основанное на ее нравственно-эстетическом и практическом значении для человека;
- освоение норм поведения в природном окружении и соблюдении их в практической деятельности и в быту;
- проявление активного отношения к объектам природы (действенной заботы, умения оценить действия других людей по отношению к природе).

Необходимо помнить о том, что зачастую небрежное, а порой и жестокое отношение детей к природе объясняется отсутствием у них необходимых знаний. Вот почему воспитание сопереживания и сострадания происходит в неразрывном единстве с формированием системы доступных дошкольникам экологических знаний, которая включает:

- представления о растениях и животных как уникальных и неповторимых живых существах, об их потребностях и способов удовлетворения этих потребностей;
- понимание взаимосвязи между живыми существами и средой их обитания, приспособленности растений и животных к условиям существования;
- осознание того, что все живые существа на Земле связаны друг с другом сложной системой связей (все друг другу нужны, все друг от друга зависят, исчезновение любого звена нарушает цепочку, т.е. биологическое рав-

новесие) и в то же время каждое из них имеет свою экологическую нишу, и все они могут существовать одновременно.

Одной из насущных задач, которые ставит перед обществом современный мир — это экологическое воспитание населения, важнейшей частью которого является экологическое воспитание детей. Главной особенностью экологического воспитания дошкольников является то, что оно является новым направлением дошкольной педагогики, отличным от привычного нам ознакомления малышей с природой. Экологическое воспитание направлено на то, чтобы целенаправленным педагогическим воздействием сформировать у детей основы экологической культуры, которая заключается, прежде всего, в интересе к явлениям природы, понимании специфики живого, желании сберечь его; эмоциональном отклике на любые проявления природы, ее красоту.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 41 (279) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 23.10.2019. Дата выхода в свет: 30.10.2019.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.